

Андрей Гривцов

**Уголовно-правовые
хроники**

Москва
МАСКА
2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Г82

Г82 **Андрей Гривцов**
Уголовно-правовые хроники. М.: ИПЦ «Маска», 2017 – 308 с.
ISBN 978-5-906955-39-5

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Г82

ISBN 978-5-906955-39-5

© Андрей Гривцов, 2017

Менты

Это был 2003 или 2004 год. Следователь межрайонной прокуратуры Петров выехал по ночному звонку на очередное происшествие. Петрову не повезло: он дежурил. Впрочем, работы на происшествии было немного, поскольку труп, на который он выезжал, оказался некриминальным. Петров осмотрел место происшествия, выписал направление для судебно-медицинского исследования трупа и собрался домой. Однако время было ночное, машины и денег, а значит, каких-либо вариантов самостоятельно добраться до дома, у Петрова не было в принципе. Нужно было идти на поклон к дежурному по отделу милиции. В результате долгих уговоров дежурный все-таки сжалился над уставшим следователем и выделил патрульный автомобиль с сотрудниками ППС, чтобы те довезли Петрова до дома.

И вот Петрова везут домой два сотрудника ППС на, как водится, старом и раздолбанном УАЗике. На тот момент Петров смотрел на пэпээсников и всякого рода ментов, прямо скажем, несколько свысока: интеллектуальный уровень невысокий, только и могут с палкой ходить да мелких торговцев грабить, а еще граждан избивают, взятки мелкие берут. Все это Петрову было известно из тех достаточно многочисленных уголовных дел, которые он расследовал и направлял в суд. Те люди, которые

везли его домой, внешне были самыми настоящими ментами: на вид лет 40–50, с брюшком, лица красноватые, серьезных признаков интеллекта на них не замечено, форма какая-то мешковатая. Они разговаривали о своем: каких-то пьянках, ротном, поломанной машине, алкоголике-дежурном, а Петров молчал и думал о своем. Его ждала съемная квартира, за которую в конце месяца надо было кровь из носу заплатить и на что катастрофически не хватало денег; сломанный холодильник, требующий срочной починки, и беременная жена. Ей сложнее всего было объяснить, что деньги на оплату квартиры у него отсутствуют, а самостоятельно чинить холодильники он пока так и не научился. Любимая работа тоже в последнее время перестала быть такой уж любимой и постепенно превращалась в конвейер по направлению уголовных дел в суд. Иногда Петров даже представлял себя уже не следователем, а каким-то швейным станком, который вместо ткани перелицовывает человеческие судьбы.

В какой-то момент по дороге к дому у ментов сработала рация и им поступила команда подъехать к метро, где, по информации дежурного, зачиналась пьяная драка. Патрульный автомобиль подъехал к метро, менты выбежали из машины, а Петров оставался их ждать и от скуки смотрел в окно. На улице была не просто пьяная драка, а настоящий дым коромыслом: дрались толпой, человек 10–15, ножи, разбитые бутылки, пьяные крики, визги, мат-перемат. И вот двое ментов безо всяких резиновых палок, оружия абсолютно бесстрашно кинулись в толпу. Эти немолодые, потрепанные жизнью мужики голыми руками за минуту раскидали дерущихся, разогнали сборище, а нескольких человек скрутили и даже отобрали два ножа.

Когда они после завершения всех разбирательств вернулись в автомобиль, Петров был настолько впечатлен увиденным, что стал говорить им, мол, такой бесстрашный поступок – настоящее геройство: их же могли пырнуть ножом; и он далеко не уверен, что смог бы повторить подобное и теперь понял, что их милицейская работа не просто опасна, а чудовищно опасна. Было видно – они даже толком не поняли, чего это следователь так разошелся, и только сказали, что это все ерунда и такое у них происходит каждую ночь. А вот, мол, его работа – это да, действительно трудно, бумаги какие-то писать, протоколы всякие, людей допрашивать...

Больше Петров никогда в жизни не видел этих ментов и так и не узнал, что с ними стало: уволились ли они со службы или дальше работают, били ли задержанных, кошмарили ли мелких торговцев или честно тянули свою ментовскую лямку. Но в ту ночь они были для него настоящими героями – людьми, которые не имеют страха и защищают тех обычных граждан, которых и должны защищать в силу своей профессии...

В эту ночь следователь еще долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок рядом с мирно посапывавшей женой и думал, думал...

Думалось ему о том, что за последние несколько лет люди вокруг него вдруг как-то озлобились и, кажется, перестали любить. Все только и делают, что критикуют и ненавидят друг друга: «тот плохой, этот плохой, все тупые, даешь люстрацию, где посадки». Кто-то не любит патриотов, кто-то либералов, кто-то ментов, кто-то журналистов, кто-то вообще всех ненавидит. Ему вдруг захотелось выйти на балкон и крикнуть в морозную ночную

пустоту: «Люди, будьте терпимее друг к другу! Поймите, что не такая, как у вас, профессия, не такое образование, не такая религия и даже не такие политические убеждения — это еще не повод относиться к человеку свысока и думать о нем плохо, не зная самого человека. Не бывает плохих профессий, плохого образования, плохой религии, а бывают плохие люди и гадкие поступки. Давайте верить, что хороших людей все-таки больше».

Те ночные менты заставили Петрова задуматься. Выйти на балкон он все же не решился — на улице было так холодно и пустынно, а кроме того, завтра ему предстоял очередной трудный день на работе. И хотелось встретить этот день хоть немного выспавшимся...

Ночь с пятницы на субботу

Пятница и суббота — ужасные для дежурств следователей дни, так как всегда происходит что-нибудь нехорошее: граждане напиваются и начинают друг друга бить, убивать и насиловать. Это был примерно 2003 год, зима или ранняя весна, на улице холодно и ветрено. Около 5 часов утра в ночь с пятницы на субботу следователя прокуратуры Костикова разбудил телефонный звонок, и радостный голос дежурного (они всегда сообщают вести о происшествии радостными голосами: типа я тут не сплю и ты, дружок, просыпайся) сообщил: «Николай Николаевич, у нас изнасилование, четверо солдатиков изнасиловали монашку!» На вопросы Костикова о том, почему не звонят в военную прокуратуру, дежурный сказал, что военные выезжать отказались, пока не доказано, что солдатики были при исполнении. Вариантов откосить не имелось, поэтому грустный следователь дождался дежурную машину и, хоть и без какого-либо желания, но все же поехал в отдел.

В отделе уже находились и потерпевшая, и четыре солдата. Оценив внешний вид жертвы, Костиков вначале подумал, что это она вышла на охоту на молоденьких солдат: на вид лет 35–40, рост примерно 150 см, а может,

и ниже, вес визуально под центнер, короткая-прекороткая юбка, натянутая на толстенные ноги; в общем – табуретка в мини-юбке. Она оказалась никакой не монашкой, а просто вечерами подрабатывала в церкви, моя там полы. По ее словам, возвращалась она ночью из церкви, когда вдруг из кустов набросились четыре солдата, затащили под мост и изнасиловали. Визуальных телесных повреждений на лице не имелось, однако от этого самого лица исходил запах перегара. И он был настолько стойким, что Костикову приходилось закрывать нос рукавом.

Солдаты – худые, костлявые, перепуганные. Говорят, что никого не насиловали, шли себе по улице, находясь в увольнении, а женщина сама с ними познакомилась и предложила пойти в кусты, злоупотребить спиртными напитками. В процессе распития сама стала целоваться с одним из солдат, но до интимной связи с ним не дошло, так как женщина заявила, что болеет чесоткой. На этом их общение на темы любви закончилось, но, когда солдаты пошли провожать ее до остановки, дама внезапно подбежала к патрульному экипажу и сказала, что ее изнасиловали.

Костиков вновь попытался спихнуть неприятный материал от себя, звонил дежурному по военной прокуратуре, требовал, умолял, но тот упрямо отказывался высылать своего следователя: «Вы вначале установите, что это вообще солдаты, может, это алкоголики в камуфляже, а если и солдаты, то наверняка они находились не при исполнении и не на территории части свое злодейство совершили». От всего этого Костикову еще больше хотелось спать, и было крайне тоскливо на душе. Ему уже отчетливо привиделось, что со злополучными солдатами

он провозится все выходные, и то при условии, что дело не будет возбуждено. А при условии возбуждения дело предстояло быть муторным, тягучим и весьма неприятным.

История темная, но женщина жестко стоит на своем. Еще и заявляет, что в процессе насилия с нее сорвали золотую цепочку с крестиком. Вот и поехал следователь Костиков вместе с ней и экспертом на место происшествия – обстановку фиксировать и цепочку искать. Пока составлял протокол осмотра, следователь промерз, как собака, до дрожи в теле, а эту мороз как будто не берет: стоит в короткой юбке и вещает, как она страдала и как над ней издевались. Облазили они с экспертом все кусты, нашли цепочку. Пьяный в дымину эксперт фонтанировал идеями и в итоге изъяс в пакет фекалии. Следователь ему и говорит – «это собачьи какашки», а эксперт знай свое – «нет, это солдаты оставили, когда жертву в кустах поджидали. Проведешь экспертизу потом». Костикову было неудобно отказать этому веселому человеку в его душевном порыве порыться в экскрементах, и он включил их в перечень изъятого, предупредив, что нести изъятое пьяненький эксперт будет сам.

Когда они вернулись в отдел, там уже находилось руководство воинской части, а также какая-то женщина, которая оказалась мамой пострадавшей. Общались они между собой уже как близкие друзья. Руководители части пытались поговорить со следователем, но тот сказал, что ему сейчас некогда – разбирается с материалом. После этого ушел писать постановление о проведении медицинского исследования, для того чтобы пострадавшую освидетельствовали. Пишет следователь, пишет – и тут заходит она: «Я хочу забрать заявление, была пьяная,

никто меня не насиловал, привиделось по пьяни, на медицинское исследование не поеду». Костиков был человеком спокойным и голос повышал крайне редко, но здесь, вспомнив ночное пробуждение и ползание на карачках по морозному оврагу, он не выдержал. Корил, стыдил, спрашивал, почему раньше всего этого не сказала, а она только: «Где мне написать, что я от всего отказываюсь?» Написала заявление об отказе от освидетельствования и о том, что ее никто не насиловал, а проверку просит прекратить. «Жертва» уже собралась уходить, когда Костикова внезапно посетила коварная мысль: он вспомнил про изъятое на месте происшествия. В общем, выдал он ей под расписку и цепочку, и листья какие-то, а самое главное — экскременты, упакованные в полиэтиленовый пакетик. Она написала, что все принадлежащее ей на праве собственности имущество получила, претензий к следствию не имеет, и ушла домой чуть ли не в обнимку с командиром части и мамой. Костиков посмотрел на расписку, и настроение его настолько улучшилось, что даже спать расхотелось...

Саша-адвокат

Адвоката звали Саша. Вроде бы Александр Иванович или Александр Игоревич, но для всех следователей он был просто Саша-адвокат. Саша был очень хороший, все следователи его любили, приглашали по назначению во все бесплатные дела, а еще жалели. Дело в том, что Саша страдал каким-то заболеванием, от которого все время дрожал всем телом, страшно заикался, имел нервный тик и хромотал. Тем не менее Саша держался молодцом: выучился, получил статус адвоката и даже автомобиль научился самостоятельно водить, хоть и страшно было ехать, когда он за рулем и руками об него бьет, как по пианино. К сожалению, из-за болезни найти серьезных клиентов было затруднительно, вот и подрядился Саша работать по бесплатным делам в качестве государственного адвоката. И ему какой-никакой доход от государства, и следователям удобно: позвонили — Саша приехал, хоть поздно вечером, хоть ночью, хоть в выходной.

Парень он был добродушный, веселый, следователям по делам шибко не вредил и даже периодически, вопреки своим тяжким болезням, с ними выпивал — так и стал «дежурным» адвокатом в нашей конторе. В состоянии опьянения Саша становился еще добрее, громко пел веселые песни, а если по близости

находилась гитара, то и брэнчал на ней своими неуклюжими руками.

И вот лето 2002 года, несколько дней назад поменялся Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Теперь подозреваемых и обвиняемых арестовывал не прокурор, как раньше, а суд. И случилось убийство, обычное такое: попойка, пьяная ссора, удар ножом в сердце. Подозреваемый ранее судим, да и погибший, впрочем, ничуть не хуже. Задержали, оформили материал для ходатайства перед судом о заключении под стражу, привезли с материалом в суд. Следователь отдал материал судье, все ждут, а судья все никак не выходит в зал судебного заседания. Вдруг секретарь говорит, что судья требует следователя к себе в кабинет.

Следователь, заранее понутив голову, заходит: обычно ничего приятного от таких разговоров не ждут, наверняка будет на что-нибудь ругаться. За следователем заходит и Сашка-адвокат, он же вроде как на страже своего клиента, да и просто послушать любопытно, общительный он человек, этот Сашка. Судья с порога начинает следователя костерить: ты что мне, такой-сякой, привез, какой материал, прокурор меру пресечения должен избирать, совсем до белой горячки допились в своей прокуратуре. Следователь говорит, что УПК поменялся, теперь суд арестовывает, а судья ни в какую: не буду арестовывать и все, ничего не знаю, ничего не ведаю. Следователь и так и этак, но уперлась тетка жестко: иди к председателю суда, с ним разговаривай. А председатель будет после 18, а срок задержания истекает.

И тут молчавший до сей поры Саша выдает: «Вввваша честь, ну арестуйте, ну ппппожалуйста, Христом-Богом прошу, водка же стынет в конторе». В общем, атмосфера потеплела и разрядилась; арестовала. Довольны были все, и даже арестованный, который с момента задержания ничего не успел поесть и не мог дожидаться ужина, — а им должны были накормить в ИВС.

Почти по Зоценко

Это был 2006 год, я работал важняком в прокуратуре города. У меня в производстве оказалось дело об автомобильных мошенничествах. Преступники угоняли дорогостоящие автомобили, перебивали при помощи экспертов-криминалистов идентификационные номера, а затем продавали под видом нормальных машин. Эпизодов было много.

По одному из эпизодов проходил дорогостоящий автомобиль марки «Ауди». Человек, на которого этот автомобиль был записан, дал показания о том, что оформление было сделано для видимости. Реальным же владельцем являлся достаточно крупный чиновник – на тот момент заместитель руководителя одного из федеральных агентств.

Через оперативников удалось найти телефон этого чиновника. Звоню, чтобы пригласить к себе на допрос в качестве свидетеля. Вежливо отвечает, что да, конечно, но пришлите, пожалуйста, факсом повестку. Высылаю повестку для допроса в качестве свидетеля.

В назначенный день мне по внутреннему телефону звонок. Звонит курирующий заместитель прокурора города: «Андрей Андреевич, здравствуйте! Вы такого-то вызывали на допрос? А зачем? А по какому делу?» Объясняю, что вызывал, что вызов носит формальный характер, но не допрашивать этого человека я не могу, поскольку

он пострадал от действий мошенников и ему причинен имущественный ущерб. В ответ слышу: «Понимаете, имущественный ущерб такому человеку не важен, он просит: не могли бы вы сами к нему на работу приехать и там протокол допроса оформить, а то разговоры всякие могут пойти, для него неприятные».

Раз заместитель прокурора просит – мне не жалко. Опять звоню этому чиновнику, спрашиваю, когда можно приехать для допроса. Согласовываем время; говорит, что может прислать за мной машину с водителем. Нет, спасибо, мне на метро быстрее.

В назначенное время я у него. Видно, что человек напряжен. Знакомит еще с каким-то человеком: «Это сотрудник ФСБ, который курирует работу нашего ведомства, он бы хотел поприсутствовать при допросе, потом снять копию и при необходимости доложить куда следует». Отвечаю, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает участие посторонних в допросе, а кроме того, допрос не касается деятельности ведомства, а связан с мошенничеством и продажей лично ему машины.

И тут человек расцветает: «Ах, машины, какой машины? То есть это не по работе? Не помню машину, но вспомню все, что вам надо. А хотите, я вам чистые листы подпишу? Чай? Кофе? Коньяк? Виски? – И сотруднику ФСБ: Ты иди, Тимофеич, мы тут сами разберемся». Далее допрос прошел в теплой, комфортной обстановке. Прерывался он только восторгами допрашиваемого, как я ловко составляю протокол, и обещаниями обязательно на ближайшем совещании поговорить с замом генерального, чтобы меня взяли туда на работу. Про машину он сказал: это такая мелочь, что и думать про нее он забыл.

На прощание подарил мне свою книгу, коробку каких-то конфет и бутылку спиртного.

История получилась почти как у Зощенко. За одним исключением: она от начала и до конца реальная. Кстати, сейчас этот чиновник – заместитель руководителя одного крупного правоохранительного органа, не буду говорить какого...

Дневник следователя

13 января 2014 года.

Привет, дневник! Меня зовут Максим, я следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления по N-скому административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве. Тьфу, блин! Ну и должность у меня. Пока произнесешь – три раза язык сломаешь. Впрочем, дорогой дневник, ты и так знаешь, какая у меня должность, как меня зовут, сколько мне лет и даже в каком году я выкурил свою первую сигарету. Ты ведь мой дневник. Хотя если ты вдруг забыл, то мне 31 и я работаю следователем вот уже восьмой год. Можно сказать, что я – следователь-динозавр. Говорят, что профессиональная деформация на следствии происходит после трех лет работы. У меня, видимо, деформация уже переросла в мутацию. В своем управлении по округу я самый старший, не считая зама и начальника. Хотя нет, вру, зам моложе меня на год. Чтобы ему икнуть сейчас.

Для чего я начал тебя вести? Сам не знаю. Наверное, меня просто плющит с похмелья. А может, когда я стану совсем старым и пойму, что для работы следователем у меня уже не хватает ни сил, ни азарта, я не пойду ни в

службу безопасности банка, ни в адвокаты, как все остальные бывшие сотрудники, а переквалифицируюсь в писатели. Вот тогда, дорогой дневник, ты мне и поможешь.

Ладно, расскажу, почему у меня похмелье,—и буду работать. Вообще-то я пью редко, но вчера был День прокуратуры, и не напиться я не мог. День прокуратуры — мой самый любимый праздник. Я в прокуратуре с 2005 года; вначале был помощником следователя, потом дождался должности следователя, а потом прокуратуру в 2007 году разделили на следователей и все остальное. Я остался следователем, но так хорошо, как в той единой и неделимой прокуратуре, мне уже не было. Дневник, спроси всех, кто работал следователем раньше,—все скажут одно и то же. Хорошо было. Прокурор был всем следователям папой, а стал почему-то отчимом, к которому мой начальник ходит в конце каждого месяца с жалобным видом: «Ну подпиши дело в суд, ну не возвращай на дослед, и так показатели мне все обрушил». У отчима теперь свои показатели, ему надо надзор осуществлять, вот он и строгость проявляет. В нашей конторе я один остался, кто еще в единой прокуратуре начинал, не считая начальника и зама. Ностальгия — великое дело. А неплохо мы вчера, между прочим, отметили. До сих пор мутит. Вначале просто пили с друзьями в прокуратуре города, потом вроде на столе танцевали, потом кабак какой-то, а дальше не помню.

...Надо работать. Дел что-то навалили, как в старые добрые времена. Из них два в Мосгорсуд надо направлять. Двойные убийства. Вообще я больше по экономическим специализируюсь, но, когда надо в Мосгорсуд дело направлять, начальник тоже мне отписывает. Я же типа опытный, привык ко всем этим согласованиям и

перестановкам запятых в Главке и прокуратуре города, когда тебе городское дело в суд подписывают. Сегодня у меня три допроса, психушку злодею надо назначить и обвинительное пора уже начинать писать. Мама, роди меня обратно, как я хочу пива.

15 января 2014 года.

Привет, дневник! Вчера ничего не писал. Работы было много. Случился аврал. Новое дело возбудили. Опера задержали бывших спортсменов, которые мужика похитили и требовали выкуп. Дело не у меня в производстве, но пришлось работать всем отделом. Я потерпевшего допрашивал, потом опознания всех злодеев делал, потом одного из злодеев еще допрашивал. Жалко потерпевшего. Держали его где-то в гаражах, палец ему отрезали. Хорошо, что живой остался. Все трясся и плакал. По идее, ему сейчас бы лечиться и лечиться, а мы его допрашивать. С другой стороны, куда деваться. У нас люди задержаны, их арестовывать надо. В суд ведь теперь доказательства представляют при избрании меры пресечения. Права человека, все такое. Я вот тоже за права человека. Но палец-то на хрена было отрезать?! Спортсмен, которого я допрашивал, говорит: не отрезали ничего, роковая ошибка. Ну ладно, суд, как говорится, разберется, отрезали или он сам вдруг наполовину сократился.

Сегодня хотя бы спокойный день. Из кабинета, можно сказать, и не выходил. Писал обвинительное. Уже немного осталось. Интересное дело, черт возьми. Старое доброе квартирное мошенничество с участием участкового.

Алкоголики-потерпевшие, шесть обвиняемых, поддельные договоры купли-продажи, «левое» судебное решение. Люблю такое. Я вообще уголовные дела расследовать люблю (видимо, я маньяк следствия), но особенно мне нравится, когда вот так вот: вначале ничего не понятно, и потом через бумажки, через экспертизы восстанавливаешь картину, допрашиваешь всех по пять раз, передпрашиваешь, бдительность усыпляешь, а потом бах – и обвинение всей шайке-лейке.

16 января 2014 года.

Дорогой дневник. Сегодня был в суде на продлении срока содержания под стражей. Потерял весь день. Вначале не было доставки, потом оказалось, что я в очереди уже восьмой следователь. Продлили, конечно. У нас обычно суды всех арестовывают и продлевают, когда мы с ходатайствами обращаемся. Но времени уходит на всю эту тягомотину. Считаю, что рабочий день просто так потерял. Еще адвокат сегодня в суде все нервы вымотал. Бывают же нормальные адвокаты, спокойные, адекватные, делают себе и делают свою работу. Этот же весь манерный. Ни одного ходатайства по делу не написал, только ходит горло дерет. Сажу себе спокойно перед залом судебного заседания, жду, когда наша очередь подойдет, ем бутерброды. Я всегда ем бутерброды в обед. Мне их жена на работу дает. А этот ходит и ходит петухом вокруг меня: про 37-й год зачем-то говорит, про полицейский беспредел. Я уже потом понял, что это он перед родственниками бандита выпендривался, цену себе набивал, он же типа

дорогой адвокат. Я ему говорю: «Вы меня отвлекаете от приема пищи, не мельтешите, пожалуйста, перед глазами». А он мне: «Это неуважение к суду, вы едите в том месте, где отправляется правосудие». Не знаю, что и где отправляется, а я просто с самого утра есть хотел. Позавтракать не успевал, на работу опаздывал. Работы у меня много. Короче, разозлил он меня. Доел я бутерброд, подошел к жене обвиняемого и сказал, чтобы она попросила адвоката хотя бы одно ходатайство по делу написать, а не заниматься демагогией и следить за культурой питания следователей, которые и так голодные и злые. Неправильно я, конечно, сделал, но, с другой стороны, пусть на других упражняется в пускании пыли в глаза. Я таких адвокатов много повидал, а некоторым даже обвинения предъявлял. Мошенничают много в отношении своих же клиентов, вот и предъявляем им обвинения. Хотя и порядочные среди них есть. С одним даже дружу.

17 января 2014 года.

Сегодня весь день был в Бутырке. Это ужас. Приехал к 7 утра и был в очереди на проход в следственный кабинет 28-м. В итоге, чтобы ознакомить злодея с двумя заключениями экспертиз, я потратил целый день. Зашел в следственный кабинет что-то около 16 часов. Тюрем у нас мало, а людей под стражей много. Либерализация уголовно-исполнительной системы налицо, блин. Я иногда думаю, зачем столько у нас арестовывают. Ну ладно – по нашим комитетским делам, когда убийцы, педофилы или похитители, но ведь реально же часто по всякой мелочевке

закрывают. Хотя пусть с этим правительство с Госдумой разбираются, у меня своих дел хватает. Я делаю мир чище. Пафосно, конечно, звучит, но вообще я в это верю. Что с меня взять – профессиональная деформация.

18 января 2014 года.

Сегодня суббота, выходной день, поэтому пришел на работу к 11. Все следаки и зам тоже на работе. Только начальника нет, у него годовщина свадьбы сегодня, поэтому он завтра будет трудиться. Курт Воннегут бы сказал: такие дела. А я скажу: такие уголовные дела. Я, конечно, не Курт Воннегут, но тоже сегодня много писал. Наконец-то закончил обвинительное. Мне понравилось. Прокурору, надеюсь, тоже, и он его подпишет. Завтра буду отдыхать и на работу не пойду. Хорошо.

20 января 2014 года.

Вчера ощутил, что мою работу иногда все-таки ценят. Утром жена послала в магазин за молочкой для мелкого. Конечно же, в воскресенье с утра в молочном отделе меня поджидала очередь. Я встал в самый конец, и вдруг продавщица меня подзывает: «Идите я вам без очереди отпущу». Оказывается, это мама мальчика, на которого педофил напал. Я это дело года три назад в суд направлял. Помнит меня. Говорит: «Мы вам так благодарны». В очереди зашикали, а она им говорит: «Да вы что, это следователь, он моей семье так помог, преступника в суд направил». Короче, очередь стала мне хлопать. Неудобно, конечно. Я отказывался вперед идти, но меня все-таки

пропустили. Типа вам надо молоко за вредность давать. Приятно, блин. Хотя обычно никто нам, следователям, спасибо не говорит. Нас не любят ни потерпевшие, ни обвиняемые. Мы ведь вестники горя, с радостными вопросами к нам не обращаются.

23 января 2014 года.

Дорогой дневник! Извини, что несколько дней не писал. Реально ничего особенного не происходило. Дело в суд прокурор пока не подписал. Читает еще. Говорит, что еще дня три будет читать. Ну и пусть читает, там все-таки 20 с лишним томов. Одна текучка какая-то. Хотя как текучка... Сейчас посчитал, что за три дня допросил восемь человек, осмотрел кучу документов, одежду обвиняемого, «обильно запачканную веществом бурого цвета, похожим на кровь», два ножа, три ватных тампона со смывами с места происшествия и даже какой-то волос с одежды потерпевшего. Романтика, блин. На самом деле не люблю осмотры. Люблю допросы. Творческий процесс. Мне кажется, я хорошо допрашиваю. Вопросы всякие каверзные придумываю, запутываю, паутиной обвиваю. Может, я в прошлой жизни был пауком?

26 января 2014 года.

Поругался сегодня с нашей кадровичкой. Звоню ей и спрашиваю: «Когда мне майора уже присвоите?». А она мне мол: «Чем больше вы меня будете отвлекать от работы, тем дольше я буду приказ готовить». Пришлось

сказать, что важная работа — это у меня. Наш комитет пока еще называется следственный, а не кадровый, и вообще-то кадры должны выполнять вспомогательную функцию для следователей, а не наоборот. В конце концов, я в капитанах уже пятый год. Вначале взыскание было неснятое, теперь вот кадры тянут. У меня, между прочим, каждая копейка на счету: жена сейчас с ребенком сидит. Пусть там и копеечная доплата за майора будет, но все равно приятно. И вообще, зря я, что ли, здесь корячусь! Майора, говорят, когда хоронят, солдатики в воздух стреляют. Хотя, может, это только у военных. Но я тоже хочу, чтобы меня с салютом хоронили, когда я состарюсь и умру. Сыну приятно будет. Он у меня солдатиков любит.

27 января 2014 года.

Наконец-то прокурор подписал обвинительное. Сам читал, лично. «Люблю, — говорит, — твои дела читать. Обвинения прямо за душу берут». Знает, что его школа. Старая прокурорская. Сам ведь меня, еще молодого следака, формулы обвинения писать учил в 2006-м. Это он не меня, это он себя так хвалит. Но все равно приятно. Хороший мужик, хоть и вредный. Кстати, слышал, что это только в Москве говорят «формула обвинения», а в остальной России «фабула обвинения». Ну должны же мы, москвичи, хоть в чем-то ото всех отличаться. В остальном-то одно и то же у всех: «злодеи», «терпилы», «очняк», и еще обвинительное заключение мы матерным словом иногда называем, но ты и сам это знаешь, дорогой дневник.

5 февраля 2014 года.

Извини, давно не писал. Руки никак не доходили. Зам у нас ушел в отпуск, и я теперь не просто следователь, а еще и и. о. зама. Дела других следователей проверяю, ошибки правлю, закладочки в дела всякие вставляю, где и что исправить. Вообще меня давно во всякие начальники зовут, но не люблю я это дело — другими командовать. Мне бы со своими делами разобраться, а тут еще за другими проверять. Еще и молодежь одна сплошная в конторе, ошибаются много, а начальник отдувайся. Уж лучше я еще последачу пару лет, а потом в писатели пойду. Буду дома сидеть, курить трубку и детективы писать про русского Шерлока Холмса. Жалко, что у нас двухкомнатная квартира (одна комната наша с женой, другая ребенка) и кабинета своего нет. Ну ладно, летом на балконе буду романы писать, а зимой на кухне.

Кстати, дали мне майора. Даже почти и не напился. Ну так, чуть-чуть совсем.

6 февраля 2014 года.

Сегодня дежурю по округу. Буду вместе с медицинским экспертом и криминалистом выезжать на все трупы и осматривать место происшествия. Хотя надеюсь, что не буду. Зима, холодно. Не люблю осматривать труп зимой на улице. Можно и пальцы на ногах отморозить, если забыл шерстяные носки. Я так один раз чуть не отморозил пару лет назад. В квартире еще туда-сюда. Хотя опять же, смотря какая квартира и какой труп. Если квартира чистая и труп свежий — нормально.

Но если бомжатник какой-нибудь и труп пару недель там полежал. Бррр, тухлячок. Меня от запаха не тошнит, хотя некоторых, я знаю, выворачивает. Особенно с непривычки. Утешает лишь то, что кто-то должен выполнять и такую работу.

10 февраля 2014 года.

Сегодня было настроение пошалить. Люблю иногда пошалить. Позвонил молодому следаку из соседнего кабинета, представился замом руководителя главка, отчитывал его за то, что по делу срок продлевает, грозил выговором. Он, блин, чуть не описался со страха. Пришлось ему открыться. Чудак. Где он и где зам главка! Это же почти генерал. А зачем почти генералу звонить солдату? Для этого инспекторы всякие есть. Полглавка инспекторов. Мне кажется, что скоро на каждого следователя будет по инспектору. Все контролируют и контролируют: представьте справку по тому делу, информацию по другому делу, копию постановления по третьему. Когда работать-то? Хотя я многих инспекторов знаю, они сами бывшие следаки и особо не зверствуют. Работа у них просто такая, инспекторская. С другой стороны, если у некоторых следаков дела не проверять, они там такого наворочают! Сам видел, когда обязанности зама исполнял.

14 февраля 2014 года.

День всех влюбленных, а также вечер и, по всей видимости, ночь всех влюбленных я встречаю на рабочем месте. Задержали сегодня днем главного пожарного округа

на взятке. Работаю. Завтра с арестом в суд. Хорошо, что моя влюбленная половина давно к такому привыкла и уже не ворчит.

15 февраля 2014 года.

Уважаемый дневник, нет, ну ты представляешь, забрали у меня дело по пожарному сегодня утром! В город сказали срочно передавать. Типа там более опытные следователи, и вообще, надо объективно разобраться, что там к чему. Знаю я этих более опытных, когда-то дела мне подшивали, будучи помощниками следователей. Ну ладно, я не гордый. Пожарным больше, пожарным меньше. Мне это дело не особо и нравилось. Просто слишком. С личным в кабинете, и разговоры хорошие.

17 февраля 2014 года.

Вчера был выходной. Вместе с женой ходили в гости к семье друга по институту. Начальник управления в банке, свой дом в Подмоскowie, «мерседес», все такое, а у меня «хундай акцент» и двушка в хрущевке. Даже немного расстроился. Он всегда двоечником был, а у меня повышенная стипендия. Уволиться, что ли? Буду романы писать. Писатели вроде должны много зарабатывать. Хотя нет, я еще последачу. Дело вот интересное наклеивается. Поддельные договоры, печати, участковый. Люблю такое...

Заяц

Июль 2005 года выдался жарким. Следователь в волнении ходил по душному кабинету, каждые несколько минут вытирал пот со лба замусоленным носовым платком, хватался за телефонную трубку, набирал чей-то номер, затем в сердцах бросал ее и все время бормотал: «Ну, Заяц, ну спасибо тебе, ну удружил, сделал экспертизу за три дня».

Следователя звали Антонов. Завтра был последний день срока по делу об убийстве, которое он обещал своему прокурору Волкову направить в суд еще на прошлой неделе. По делу было сделано практически все, но не хватало заключения судебно-медицинской экспертизы; ее и должен был подготовить эксперт по фамилии Заяц. За скорость, две недели назад, Антонов презентовал Заяцу бутылку дорогого коньяка, купив ее на последние деньги. Заяц божился, что экспертиза будет готова через три дня, но, получив презент, на следующей же день пропал. Заведующий экспертного бюро пояснял по телефону: «Заяц вторую неделю не выходит на работу, экспертные материалы у него в сейфе, ключа от сейфа нет, но не надо так горячиться, молодой человек, время еще есть, и я уверен, что в предусмотренный месячный срок заключение будет готово». Пояснения Антонова, что времени-то как раз и нет, заведующего волновали, к сожалению, не сильно.

Несчастный Антонов ходил по кабинету и представлял, что сегодня вечером с ним сделает прокурор Волков, а чуть позднее – и его жена Наташа, которой он объявит, что запланированная поездка на море вновь срывается. Он и сам знал, что скажет Наташа: «Мы с тобой ни разу нигде не были, вся моя молодость прошла впустую, зачем я только за тебя замуж вышла, неудачник, ни денег в семью не приносишь, ни дома никогда не бываешь, теперь еще и отпуск у него якобы пятый год подряд срывается». Возразить ей на это он не мог. Они действительно ни разу в жизни, кроме медового месяца, не были на море, он действительно практически жил на работе, и с деньгами в семье действительно было туговато. Объяснения же о том, что он любит свою работу, Наташу, последнее время устраивать перестали: «Вот и женись на своей работе, а я к Петрову уйду». Петров был их соседом по двору, числился президентом какого-то общественного фонда по борьбе с коррупцией, был не женат, производил впечатление весьма состоятельного и уверенного в себе молодого человека, а значит, считался в их дворе завидным женихом. Антонов, помня о когда-то направленном им в суд деле Шнеерсона, подозревал, что Петров никакой не борец с коррупцией, а самый настоящий коррупционер и проходимец. Но какого-либо дела в отношении Петрова у него не было, о наличии таковых он не знал, а потому предъявить Наташе в споре соответствующие аргументы не мог.

Вот и набирал Антонов грустно и уже несколько безнадежно телефон внезапно сгинувшего Заяца. Вдруг на том конце провода раздалось бархатистое: «Алло». «Алло, это Заяц?» – спросил с надеждой в голосе Антонов. – «Сейчас

я тебя покажу Зайца», – грозно ответила трубка. Антонов понял, что связь его подвела, и он разговаривает со своим прокурором Волковым. Он нервно хохотнул в трубку и бросил ее, как ошпаренный.

«Уф, пронесло, – сказал сам себе Антонов, – вроде не узнал старый черт».

Однако через минуту дверь кабинета открылась от звонкого удара, и внутрь ворвался сам прокурор Волков. Он и правда был похож на черта: «Антонов, вы что, до белочки допились? Пойдемте ко мне в кабинет, сейчас я вам и про зайца, и про Хрюшу со Степашкой, и про «Ну, погоди» расскажу!» Антонов понял, что час страшного суда настал. В гневе Волков был суров, а если еще и на «вы» с тобой перешел, можно было начинать заказывать по покойнику панихиду.

В кабинете Волков орал минут 10 не переставая, а Антонов сидел с головой, втянутой в плечи, и уныло молчал, предвкушая будущий разговор с Наташей. Возражать действительно было нечего. Это был реальный залет. Позвонить прокурору, обозвать его серым пушистым зверьком, засмеяться и бросить трубку – такого провала даже следователь-алкоголик Макаров еще не допускал.

Вдоволь наоравшись, Волков внезапно повеселел:

– Ладно, Антонов, не потей, убийство в следующем месяце направишь, а Зайца твоего я лично за крюк подвешу.

– Спасибо, Леонид Васильевич, – пролепетал Антонов.

– Не за что, в отпуск ты, конечно, не пойдешь. Но есть у меня для тебя радостная новость: Родина доверила тебе серьезное дело. Какой-то жулик открыл на нашей территории несколько юридических консультаций, где облапошил парочку бедных старушек, кинув их на квартиры, а потом

дал взятку самому начальнику УВД. Фээсбэшники приняли обоих. Уже заместитель прокурора города звонил, материал на контроле в Генеральной. Смотри не осрамайсь мне! Жулик, говорят, шибко говнистый.

Антонов хмуро взял материалы со стола, пробормотал про себя бранное слово и побрел в свой кабинет.

Поездка на море накрылась окончательно. Вяло раскрыв материал, он через несколько мгновений неожиданно повеселел, а лицо его загорелось привычным следовательским азартом: фамилия жулика была Петров. Аргумент в споре с Наташей был найден. К тому же дело предстояло и правда интересное...

Осмотр в феврале

Вечерело. Был морозный февральский день. Следователь протер рукой запотевшее стекло дежурного автомобиля. За стеклом москвичи спешили домой после трудового дня. Он же спешил на происшествие: на их территории киллер расстрелял директора продуктового магазина.

Он думал о том, что день, предвещавший вечером празднование третьей годовщины их с любимой женой семейной жизни, сложился на редкость неудачно. Так, нужная экспертиза была не готова, из-за этого не получалось направить в суд дело, да еще и новый прокурор-криминалист весь день выносил мозг своими рекомендациями об изъятии образцов почвы, повторной отработке жилого сектора, которую нужно проводить почему-то в районе пустыря, назначении одорологической экспертизы по делу о древнем и тоскливом висяке. Дома в последнее время тоже как-то не ладилось. Жена была недовольна и грозилась уехать к маме, дочурка болела, и даже попугай, когда хозяин подходил к клетке и протягивал палец, не садился на него, как раньше, а злобно шипел и кусался.

Он сегодня не дежурил, но дежуривший следователь уже был на другом происшествии, и начальственный перст пал на него, как на самого ответственного и безропотного сотрудника. Робкие попытки возразить, что у них дома был запланирован семейный вечер, успеха не

возымели. Мол, осмотришь быстренько труп – и домой, под бок к любимой жене.

Радовало лишь, что киллера вроде бы не задержали, а значит, всей работы было только – осмотр места происшествия и назначение экспертизы. Однако по приезде на место выяснилось, что день разочарований только начинается. Радостные и уже изрядно принявшие по этому поводу опера сообщили, что киллера случайно в соседнем районе задержали пэпээсники, имеется старушка, которая может киллера опознать, киллер уже сидит в ОВД, «дает все расклады» и готов дать показания на директора местного авторынка. Он понял, что домой не попадет не только сегодня, но, возможно, и завтра.

А еще на месте происшествия зачем-то нарисовались начальник отдела криминалистики и прокурор-криминалист, которые весело переговаривались с милицейским руководством и бросали окурки прямо возле трупа. Увидев его, прокурор-криминалист сразу принял грозный вид и стал выяснять, почему он не в форме – здесь же телевизионщики, не дай Бог, прокурор города увидит. Он возразил: пускай видит, может, зарплату повысит, чтобы на пошив полагающейся ему новой майорской формы хватило. Возражения приняты не были, и он понуро сел на корточки, приступив к осмотру места происшествия.

Как назло, еще больше подморозило. Он вместе с медицинским экспертом составлял на корточках протокол осмотра и мысленно проклинал китайские ручки, где чернила замерзают уже при температуре чуть ниже нуля, отсутствие нормальной меховой шапки, внезапно продырявившийся носок, сквозь который, как ему казалось, чувствовался ледяной снег. Начальство тем временем стало рассасываться

по направлению к ближайшей палатке. Прокурор-криминалист, для приличия поведив минуты три по снегу металлоискателем, буркнул, чтобы он не забыл вписать в сводку руководство, и рысью побежал в ту же сторону. «Греться побежали»,— захохотал медицинский эксперт, закончивший свою часть работы, и тоже пошел по направлению к милицейской «газельке», где у него была запрятана дешевая рябиновая настойка, после которой он любил предаваться философским размышлениям об общественной значимости работы патологоанатома.

На месте происшествия остались только он, два дворника-понятых и застывший труп. Пальцы на ногах заоченели окончательно. Но все плохое рано или поздно заканчивается... и начинается все самое плохое. Осмотр был закончен, нужно было ехать в отдел, работать с киллером.

В отделе выяснилось, что русским языком киллер владеет далеко не в совершенстве, посему еще два часа пришлось ожидать переводчика. За это время удалось немного вздремнуть. Проснувшись, он обнаружил на телефоне четыре пропущенных вызова от жены и восемь эсмэсок гневного содержания. Перезванивать было поздно, поэтому он коротко написал: «Прости-прости-прости, у нас убийство, буду послезавтра»,— и ушел работать с киллером и переводчиком.

Закончив работу, он решил немного освежить голову и прогуляться до родной прокуратуры пешком. На другой стороне улицы, возле палатки, качаясь, стояли прокурор-криминалист и начальник отдела криминалистики. Один держал другого за плечи, а второй пытался, почему-то безуспешно, справиться малую нужду на тротуар. Начался новый рабочий день. Светало.

Преюдиция

Николаю Антоновичу было далеко за сорок, и он являлся весьма известным адвокатом в своем городе. Он не был столь финансово успешен или внешне представителем, как некоторые его более молодые коллеги, но все в городе знали, что в безнадежных случаях надо обращаться только к Николаю Антоновичу. Этот случай как раз выглядел как безнадежный. Предприниматель уже был арестован, его обвиняли в незаконной банковской деятельности, якобы в деле имелась масса прослушек, а оперативное сопровождение осуществлял центральный аппарат ФСБ. Более молодые и финансово успешные коллеги, первоначально с усердием взявшиеся за дело, через месяц отошли в сторону, оставив семью предпринимателя без одной из квартир.

Обо всем этом жена предпринимателя только вчера, при заключении соглашения на защиту, в слезах рассказала Николаю Антоновичу. Николай Антонович взялся за дело, поскольку оно показалось ему юридически достаточно интересным, а кроме того, других дел в этом жарком июле у него не было, но целыми днями валяться в гамаке на даче ему категорически не хотелось.

И вот Николай Антонович уже сидел в кабинете у начальника следственного отдела. До этого он уже успел побывать у следователя, расследующего это дело, попросить

разрешение на свидание со своим подзащитным и на резонный вопрос о том, на каком основании обвиняемый в экономическом преступлении, ранее не судимый отец троих детей находится под стражей, получить ответ, что подобного рода вопросы следует адресовать руководству.

Кабинет у руководства был богатый. Плазменная панель на полстены, уютные бархатные кресла, кондиционер, серебряные подстаканники и неременный теперь для нынешних кабинетов портрет Дзержинского в позолоченной раме. Николаю Антоновичу было в этом кабинете так уютно и прохладно, что он, казалось, даже задремал, заслушавшись начальника следственного отдела. Начальником этим был молодой краснощекий человек, лет 25-ти, уже немного полноватый, в шикарном светлом костюме, с золотыми запонками и часами на руках, стоимость которых немного превышала стоимость автомобиля Николая Антоновича (к слову, не самого дешевого). Было видно, что начальник очень любит свою работу, а в особенности ее атрибуты в виде новенького кабинета, серебряных подстаканников и портрета Дзержинского на стене. Тем не менее молодой человек был не очень-то доволен приходом незнакомого адвоката, имевшего наглость задавать вопросы об основаниях заключения под стражу обвиняемого.

— О чем вы вообще говорите! — патетически вскрикивал начальник. — Ваш клиент — это короста на теле нашей демократической Родины. Его преступная деятельность подрывала основы экономической политики новой России. Только благодаря деятельности сотрудников ФСБ и нашему вмешательству этот гнойный нарыв был вскрыт. Я вам больше скажу: под подозрением и другие члены

семьи этого негодяя. Вопрос изменения меры пресечения при таких обстоятельствах даже не может обсуждаться. Мне искренне жаль, что сейчас не советские времена, когда за такого рода деяния расстреливали. Я вам так скажу. Ваш клиент — это враг, враг народа.

Николай Антонович помалкивал, разглядывая свой зеленый ежедневник, который он зачем-то вытащил из портфеля и выложил на стол в самом начале разговора. Николай Антонович думал о том, родился ли молодой человек в советские времена или же он дитя новой России. Вспоминался ему и его третий по счету начальник следственного отдела, тоже большой любитель Дзержинского и серебряных подстаканников, попавшийся на взятке и до сих пор замаливающий собственные грехи в скромной часовенке на территории исправительной колонии строго режима где-то под Нижним Новгородом. И Николай Антонович когда-то работал следователем, хотя в последнее время не очень любил об этом вспоминать.

Впрочем, ничего этого он начальнику не сказал, а внезапно вскочил с бархатного стула, хлопнул в ладоши, подошел к начальнику вплотную и, глядя тому прямо в глаза, полушепотом спросил: «Сколько?» Несмотря на то что Николай Антонович перебил его на полуслове, начальник резко сменил тематику разговора и столь же коротко и тоже полушепотом ответил: «Триста». Николай Антонович спросил про количество нулей и получил ответ, что нулей должно быть после тройки пять. Тогда Николай Антонович показал на свой ежедневник зеленого цвета и спросил, такой ли цвет бумаги устроит. На это был получен ответ, что начальник является приверженцем европейских ценностей, а не валюты злых американских империалистов.

Николай Антонович сел на стул, грустно покачал головой, почмокал и затем изрек: «Вы знаете, молодой человек, я абсолютно уверен, что с учетом требований закона вы сегодня же дадите следователю указание освободить моего подзащитного из-под стражи и, более того, прекратить осуществляемое незаконное преследование без каких-либо условий». Молодой человек криво улыбнулся и недоуменно посмотрел на него. Николай Антонович тем временем очень медленно, проговаривая каждую букву, продолжил: «Дело в том, молодой человек, что по этому делу только что возникло важнейшее преюдициальное обстоятельство, исключающее дальнейшее преследование моего уважаемого подзащитного».

Сразу после этого Николай Антонович жестом фокусника раскрыл свой зеленого цвета ежедневник, и молодой человек увидел, что внутри лежит тоненький плоский диктофон. Молодой человек внезапно очень побледнел, начал бегать по кабинету, говорить, что это провокация, что прекратить дело в любом случае не получится, ведь дело на контроле у прокурора города. Николай Антонович был спокоен и уверен в себе. «Вот прокурор города и проконтролирует»,— сказал он, жестом указав на диктофон. Начальник следственного отдела совсем сник: «Хорошо. Я согласен. Но я вам этого так не оставлю,— и потом просительно: — Ну дайте хотя бы сотку». Николай Антонович был непреклонен: «Молодой человек, здесь железобетонная преюдиция. Необходимо как можно скорее освободить невиновного».

На этом они распрощались. Пожимать протянутую ему руку Николай Антонович почему-то не стал, а сказал, указывая жестом на портрет Дзержинского: «Не могу.

Он не позволяет с коростой на теле нашей демократической России ручкаться». Дзержинский на портрете подмигнул Николаю Антоновичу и расплылся в улыбке.

В этот же день подзащитный Николая Антоновича был освобожден из-под стражи. Уголовное дело спустя несколько дней было прекращено в связи с отсутствием состава преступления. Когда на очередном семинаре в Адвокатской палате молодые адвокаты спросили Николая Антоновича, каким образом ему удается добиваться столь высокого процента прекращенных уголовных дел, он коротко изрек: «Преюдиция, господа. Всегда ищите в деле преюдицию». Тем временем у него в архиве было уже 14 дисков с записями, имевшими преюдициальное значение для прекращенных уголовных дел...

Зуев на букву Х

Была пятница, последний день его работы в прокуратуре города. Он увольнялся. Обходной лист подписан, вещи упакованы и вывезены из кабинета еще вчера. Его ждала новая, вольная жизнь. Переживал ли он из-за этого? Нет. Решение принято, тысячу раз обдумано и обсуждено.

В общей сложности он отдал прокурорской системе 12 лет: восемь лет следователем и последние четыре года на надзорной работе. Этот надзор его и доконал. Тяжело было после живой следственной работы перестраиваться на монотонные докладные и ответы гражданам. Тяжело привыкать к вечно кричащему начальнику, занятому лишь заменой в документах одних слов другими. Тяжело учиться стоять часами в очереди в приемной заместителя прокурора города, дожидаясь аудиенции. Тяжело готовить приказы о наказании районных следователей, многих из которых он хорошо знал, а они знали его. Тяжело, тяжело, тяжело... Сплошные «тяжело». А еще скучно и временами противно.

Возвращаться на следствие было бы уже поздно и странно. Там теперь работала сплошь молодежь, среди которой он смотрелся бы белой вороной. Идти в начальники тоже не хотелось, да особо и не звали, тем более что у него имелся один достаточно неприятный пьяный залет.

А рабочий день все тянулся и тянулся. Скорее бы уже закончился, и можно будет напиться в кругу старых прокурорских друзей. Вечером его ждала грандиозная пьянка. Но до этого нужно было подготовить ответ на обращение депутата о якобы необъективном расследовании уголовного дела. Этот ответ он откладывал на самый последний день. Дело в том, что ответ давался за подписью прокурора города, а значит, необходимо было собрать визы всех начальников – вплоть до заместителя прокурора города, а потом еще и корректора. Собрать визы означало по несколько часов ожидать в коридоре перед каждой начальственной дверью до тех пор, пока его соблаговолят принять, а затем еще и выслушивать какой-нибудь руководящий маразм: почему не бриты, почему заходите, когда я разговариваю по телефону, почему начинаете документ с даты, у вас здесь запятая пропущена, давно что-то вас не депремировали, вы случаем не выпили, сегодня я не могу вас принять, а почему следователи не наказаны до сих пор; и так далее в том же духе.

Сегодня он уже был обруган за то, что вошел без стука, затем заместитель прокурора выявил в ответе опечатку, корректор полтора часа меняла слова местами. В итоге, когда документ был согласован, на часах пробило 18. Самый конец рабочего дня. Можно было уходить. Он достал из сейфа заранее приготовленную бутылку пива, открыл ее об стол, сделал пару глотков, после чего вставил в принтер номерной бланк, чтобы вывести на печать согласованный со всеми документ от имени прокурора города. Предварительно в тексте он заменил первую букву фамилии прокурора с «З» на «Х» и только после этого

нажал кнопку печати. Затем он вложил распечатанный документ в красную папку и отнес ее на полочку, предназначенную для подписи прокурору города.

В последний раз оглядев свой кабинет, он закрыл его на ключ и уехал в кафе: там уже ждали проверенные друзья и была заказана отходная.

На следующий день он проснулся в обед с жуткой головной болью. На телефоне было 15 пропущенных звонков от начальника отдела, начальника управления и даже заместителя прокурора города. Он не стал им перезванивать, а набрал своему другу, такому же прокурору отдела управления по надзору за следствием: «Ну что там?». Услышав, что документ прокурором города подписан, уже ушел почтой, и теперь из-за этого вся контора стоит на ушах, он довольно улыбнулся. Свободная жизнь началась.

...Фамилия прокурора была Зуев.

Приговор

Он был опытным замом прокурора района и сегодня вот уже в который раз за последний месяц получил нагоняй от своего непосредственного шефа. Причиной нагоняя являлось очередное возвращенное судом для устранения допущенных нарушений уголовное дело. Таких дел за этот месяц набралось уже пять. Это был такой провал по основному статистическому показателю, что на итоговой коллегии в конце года им наверняка достанется от прокурора города по полной программе.

В общем, ситуацию надо было как-то исправлять. Проблема заключалась в том, что исправить ее должен, по идее, шеф. Ведь это он полтора месяца назад на совместном банкете публично обозвал председателя суда «старым пердуном», тот ответил «козлом вонючим», а затем в течение месяца добил контрольным в голову в виде пяти возвращенных дел за месяц.

– Не буду я извиняться перед этим мухомором, прокурор не должен ни перед кем извиняться; станешь прокурором – тогда и поймешь. И вообще, иди-ка ты лучше поработай, дела за своими балбесами вычитывай, чем мне советы раздавать! Еще один возврат – и я с вас три шкуры спущу! – вот и был весь ответ шефа на робкие просьбы о его примирении с председателем.

Собственно, шефу-то что на все эти проблемы: выгонят на коллегии – так пенсия уже выработана 18 лет назад, будет спокойно внуков нянчить и рыбу ловить. А заму прокурора района до пенсии оставалось ровно 2 года 4 месяца и 11 дней.

Нужно было что-то делать, как-то брать инициативу на себя. И он решился: председатель суда – мужик хоть и с говнецом, но в целом не особо вредный, а еще любит подхалимаж и крепкий алкоголь, причем второе еще больше первого. Ради такого дела и раскошелиться не жалко: купил две бутылки французского коньяка, надел форму, поехал в суд. Благо и повод имелся: в этот день у председателя суда слушалось их, прокурорское, дело. Заодно можно было и обвинение по делу поддержать.

Приехав за два часа до заседания, он осторожно постучался в кабинет председателя: «Иван Николаевич, разрешите войти?»

Николаевич находился в благодушном настроении, сидел в кресле, и, закинув ногу на ногу, увлеченно занимался делом жизни – раскладывал пасьянс «косынка» на экране монитора. Время было как раз послеобеденное и, очевидно, располагало председателя к спокойному размышлению над правовыми и не очень вопросами.

– Здорово, чего пришел?

– Да вот, дело у вас наше сегодня слушается, буду обвинение поддерживать.

– Какое дело? Это то, которое я вам сегодня на дослед пну?

– Упаси Бог, Иван Николаевич! Да я, собственно, не по этому поводу. Шеф меня прислал к вам. В ноги говорит, кинься председателю. Сам не может: эпилептический припадок был после последнего доследа.

Иван Николаевич самодовольно улыбнулся: «Ну, допустим, не последнего. Будете мне знать, как самому председателю перечить. Ишь, удумал – пердуном меня называть. Ну, понравилась мне ваша девчонка-секретарша, ну ущипнул пару раз, с кем не бывает. Но пердуном в присутствии дам! Я вам не пять доследов, я вам все дела за это возвращать буду!»

Зампрокурора боязливо перекрестился. Бутылки в пакете зазвенели.

Председатель суда с интересом взглянул на пакет:

– Чего это там звенит у тебя? Гранату, что ли, принес? Покушение на меня задумали готовить?

– Что вы, какое покушение. Небольшой презент.

– Небольшим тут не отделаться. Ставь на стол, будем обсуждать вопросы уголовного права в отдельно взятом районе, а также дальнейшую судебную политику в отношении вашей никчемной прокуратуры.

Дальнейшие события он помнит отрывисто. Вроде бы сначала разговор шел достаточно натужно, но после второй бутылки коньяка откуда-то появилась гитара, и председатель суда начал петь «Последнюю осень». Затем они звонили прокурору и, включив телефон на громкую связь, пели тому про «расцветали яблони и груши». Подпевал ли им прокурор, он уже не помнит. После этого события в голове совсем перемешались. Вспомнилось, что председатель суда почему-то был одет в его форму на голое тело и пытался всучить ему мантию и молоток, а он отказывался...

...Он проснулся от настойчивого телефонного звонка – дома, на диване, завернутым в судейскую мантию. На часах было 13:15. Звонил председатель. Голос его был бодр и даже

несколько встревожен: «Здорово. Похмеляешься? Не помнишь, мы вчера дело рассматривали? Вот и я не помню. Тут это, начальник СИЗО звонил, говорит, вчера вечером осужденного из нашего суда привезли с пожизненным приговором по 318-й, части первой. Езжай скорее в СИЗО, да пивка не забудь купить, будем думать, что делать».

Это было ЧП. Часть первая статьи 318-й предусматривала уголовную ответственность до пяти лет лишения свободы. Тут уже не выговором попахивало, а полноценным таким уголовным делом за соучастие в заведомо незаконном осуждении.

Он рысью метнулся в СИЗО. Председатель суда уже был там и спокойно попивал пиво в кабинете у начальника. Зампрокурора с завистью посмотрел на его пышущее здоровьем лицо. Выглядел председатель и в правду огурцом. Было видно, что решение у него уже имелось:

— Давай, заводи осужденного, будем повторный суд вершить.

Осужденный был перепуган и крайне подавлен, при виде председателя с бутылкой пива в руках его затрясло: «Ваша честь! Прощу вас: только не бейте, как вчера». — «Я тебя что, еще и бил?» — «Да, ваша честь, Уголовным кодексом. Говорили, что дурь выбиваете».

— Ну ладно, ладно, будет тебе выдумывать, не может судья бить. Приговор с собой? Рви при мне. Какое сам себе наказание назначаешь? Два условно и два испытательного? Позиция прокурора? Поддерживаете? Адвокат? Поддерживаете (за адвоката почему-то высказался начальник СИЗО)? Так тому и быть. Приговариваю. Собирай пока вещи. Выпускайте. За приговором завтра ко мне в суд придешь. Кабинет помнишь? Все, бывай.

На этом выездное судебное заседание было завершено, и они приступили к активному распитию пива. Затем на столе откуда-то появилась водка, приехал прокурор — и дальше заместитель прокурора вновь ничего не помнил. На следующий день он проснулся на столе в кабинете у прокурора. Из одежды на нем был лишь китель, и то почему-то не его собственный, а прокурорский. Правая щека у него сильно саднила и была расцарапана.

Лучшее дело Николая Антоновича

Это было лучшее дело Николая Антоновича. Николай Антонович был адвокатом. В этот раз он выложился до конца. Но он проиграл, потому что, казалось, изначально не мог победить.

Дело началось еще 3 года назад, когда ему позвонила Ольга, жена его лучшего друга: «Коля, Алешку задержали». Алешка был его лучшим другом вот уже 30 с лишним лет. В свое время они вместе начинали работать следователями в прокуратуре, но Алексей быстро уволился и ушел работать в коммерцию: у него родилась дочка, денег в семье не хватало, и он устроился не по специальности, а начал гонять первые иномарки из Германии. Понемногу раскрутился, открыл небольшой автосалон, потом еще один, появились кое-какие деньги. Потом продал автосалоны, открыл еще какую-то контору, потом еще какую-то. Чем он занимался далее, Николай Антонович уже не вникал: все равно ничего в этом не понимал. Бизнесом и бизнесом, а каким бизнесом... Да какая, собственно, разница; главное, что друг – хороший человек и верный товарищ.

И вот друга задержали. Контрабанда. Якобы завез какие-то часы без декларирования. За первые дни с момента

задержания Алешки Николай Антонович вспомнил все свои связи, обежал всех бывших коллег, однокашников, еще остававшихся работать в системе. Он не любил и не умел договариваться, потому никогда не считался адвокатом результативным: к нему обращались только тогда, когда договориться было уже невозможно и нужно было работать. Но здесь был случай особенный и исключительно личный. Ему все были рады, все жали руку, усаживали за стол, предлагали выпить, но, когда он заводил речь об Алеше, собеседники внезапно мрачнели, старались разговор свернуть, почему-то показывали пальцем в небо и говорили про какую-то стену, которую в данном случае не пробить.

Все, что ему удалось выяснить, – экономические интересы Алешки каким-то образом пересеклись с такими же интересами сына начальника ГУВД. Алешу предупредили, предлагали отойти по-хорошему, но он всегда был упрям и принципиален. И вот теперь он в следственном изоляторе.

В первую встречу в изоляторе Николай Антонович поразился, как буквально за неделю его всегда жизнерадостный, уверенный в себе, немного ироничный и такой начитанный друг превратился в маленького растерянного мальчика с очень грустными и очень усталыми глазами. Неволья давалась его другу очень тяжело. И Николай Антонович поклялся себе, что он сделает все, умрет, но вытащит Алешу оттуда. Алеша с жаром убеждал его, что никакой контрабанды не было, что вся деятельность носила прозрачный и легальный характер, – словом, вел себя с ним так, будто не освобождение из-под стражи, а мнение Николая Антоновича о нем как о честном человеке

являлось для него самым важным в жизни. Для Николая Антоновича же вопросы виновности или невиновности Алеши с точки зрения его отношения к другу не имели ровно никакого значения. Он уже очень давно пришел к разделению людей на хороших и плохих, а не на нарушавших Уголовный кодекс и не нарушавших. Бывали в его жизни случаи, когда профессиональные преступники и даже убийцы совершали поступки справедливые, а лица, наделенные властными полномочиями по защите закона, творили такие мерзости, что и самый подлый человек казался на их фоне героем. Все это он и сказал Алеше, объяснив, что тот навсегда останется для него другом – вне зависимости от того, в чем его обвиняют. Тогда Алеша его не понял, поскольку еще жил эмоциями от несправедливого обвинения и ареста.

Николай Антонович включился в это дело так, как будто оно было делом его жизни. Оно и было для него таким. Под стражей находился друг. Николай Антонович не просто защищал. Он творил. Каждый его документ, каждое ходатайство, каждая жалоба были настолько убедительны, настолько разбивали всю версию следствия, что, казалось, деваться следствию некуда и дело должно быть прекращено. К сожалению, только казалось. Всякий раз, получая ответы о наличии достаточных доказательств и законности предъявленного обвинения, Николай Антонович в остервенении рвал эти ответы, пил валокордин, потом коньяк, а затем принимался за новое ходатайство, выискивая и выискивая в обвинении очередные несуразности.

Уже давно каждый вечер болело сердце, он начал стремительно худеть, забросил все остальные дела – но

результата не было. К концу следствия даже Алеша смирился с тем, что будет осужден на длительный срок, жена Алеши говорила про бесполезность борьбы, не сдавался лишь один Николай Антонович. Он не мог сдаться: для него это было бы предательством по отношению к другу. Окрыляло его еще и то, что теперь он уже был уверен: его друг абсолютно не виноват в контрабанде, и все собранные им доказательства полностью и безоговорочно опровергали позицию обвинения.

Копию обвинительного заключения в отношении Алеши Николаю Антоновичу вручал сам заместитель прокурора города. Он сказал Николаю Антоновичу, что желает ему удачи в суде, назвал последнее ходатайство совершенным и спросил разрешения использовать материалы его документов защиты при написании кандидатской диссертации. Николай Антонович на пожелание удачи в суде ответил «спасибо», а потом весь вечер мысленно жалел, что не плюнул прокурору в лицо.

В суде Николай Антонович превзошел самого себя. Он рвал и метал, клеймил следствие и полностью разгромил позицию обвинения. Его выступление в прениях потом разбиралось на цитаты для курсов повышения квалификации молодых адвокатов. К сожалению, судье было все равно. Весь почти годичный процесс она читала книгу, демонстративно зевала, а в прениях несколько раз умышленно перебила Николая Антоновича со словами: «Извините, вам еще долго? Рабочий день скоро заканчивается». Исходя из такого поведения судьи, все уже понимали, что процесс проигран. Все, но не Николай Антонович. Он даже в день приговора за завтраком говорил своей жене, что обвинительного приговора просто не

может быть, что уверен — сегодня же Алешу освободят. Он давно был опытным адвокатом и не верил в справедливый суд, но в этот раз он не мог не верить: судили его друга.

Сразу после приговора Алешу увезли обратно в изолятор. Судья отмеряла ему 7 лет строгого. Николая Антоновича увезли в больницу с тяжелейшим сердечным приступом.

Кассационную жалобу писал уже не он, а другой адвокат, взяв за основу выступление Николая Антоновича в прениях. Через месяц начальника ГУВД уволили, а еще через две недели посадили. Оказалось, что его экономические интересы пересеклись с экономическими интересами заместителя директора ФСБ. Еще через месяц городской суд отменил обвинительный приговор, Алешу освободили и оправдали...

...К сожалению, Николай Антонович этого так и не увидел. Он в это время находился слишком далеко и все время спрашивал, не прибыл ли еще заместитель прокурора, собиравшийся писать кандидатскую. Некто с крыльями пояснил ему, что расчетное время прибытия прокурора — 4 года, 7 месяцев и 18 дней, что его, Николая Антоновича, действия по плевку в лицо получили полное одобрение и санкционированы, а пока ему предлагается продолжать подготовку обвинительного заключения в отношении недавно поступившего к ним судьи Верховного суда.

Сон прокурора

Старый прокурор района Виктор Венедиктович Карташев спал. Он был уже так стар, что часто засыпал в собственном кабинете в разгар рабочего дня, в особенности в послеобеденное время. Последние 7 лет он уже даже перестал притворяться, что не спит, а размышляет над каким-нибудь уголовным делом, когда подчиненные робко заходили к нему в кабинет. Однако здесь сон сморил его в весьма неблагоприятной к этому обстановке — на полугодовой коллегии в прокуратуре города. Старый опытный волк явно потерял бдительность.

Нет, сегодня поднимать его с места, ставить на вид, приглашать на трибуну не планировалось — показатели в его районе были в целом неплохими и на всех участках надзора он выглядел не хуже, хотя и не особенно лучше своих более молодых и шустрых коллег. Он был настолько стар и опытен, что во всякого рода статистических играх достиг уровня профессионального шулера, а кроме того, вот уже 15 лет дружил и регулярно выпивал с начальником отдела статистики городской прокуратуры.

Но в этой ситуации сна на коллегии выглядел он, мягко скажем, неприглядно, а по-хорошему, просто безобразно: старый, обрюзгший, две верхние пуговицы форменной рубашки почему-то расстегнуты, галстук на плече, голова там же, а изо рта стекает тонкая струйка слюны. К тому

же рот его издавал отвратительные свистяще-хрипящие звуки. На коллегиях частенько спали многие прокуроры, но так безобразно, как Виктор Венедиктович... Нет, это был форменный позор. Уже некоторые молодые коллеги стали посмеиваться и показывать на него пальцем, уже и начальник одного из управлений несколько раз с неудовольствием оглядывался назад и покачивал головой, а Виктор Венедиктович все спал. Хорошо, еще прокурор города был так увлечен своим выступлением и своим же новеньким генеральским мундиром, что пока ничего не замечал.

Впрочем, Виктор Венедиктович не слышал, о чем вещает с трибуны прокурор города. Он спал. Сон ему снился нехороший. Почему-то он во сне снова был 11-летним мальчиком и воровал яблоки из соседского двора вместе с деревенским мальчишкой и лучшим другом Серегой. Внезапно их заметили – и вот уже за Серегой и Виктором Венедиктовичем гонится собака. Сереге удалось убежать, а Виктор Венедиктович уже и тогда был слегка полноват и неспортивен, в связи с чем его и догнали. Поскольку сон был крайне неприятным, то в довершение всего собака оказалась еще и бешеной. Она повалила Виктора Венедиктовича на землю, разорвала ему куртку, прокусила руку и уже подбиралась к горлу. Помимо этого, собака отвратительно лаяла, а с ее клыков капала слюна, которая почему-то была желтого цвета.

Внезапно Карташев понял, что кто-то громким неприятным голосом зовет его по имени-отчеству. Прокурор города. Это было даже хуже сна с бешеной собакой. Виктор Венедиктович резко открыл глаза и тут же закрыл. Все-таки он был очень опытным прокурором и, несмотря на

постигший его провал, умел находить выход из, казалось бы, безнадежных жизненных ситуаций. Но сейчас, сейчас ситуация была не просто безнадежная; представлялось, что она была безвыходной: он впервые в жизни заснул на коллегии и попался. Виктор Венедиктович продолжал сидеть с закрытыми глазами и всеми обострившимися в этот момент чувствами, «сек поляну», как бы сказали старые зеки. Из разговоров со своими подследственными Виктор Венедиктович знал, что именно так ведут себя опытные осторожные заключенные, когда просыпаются в недружелюбной камере и обдумывают свое дальнейшее поведение.

Прокурор города тем временем безумствовал: «Это что такое! Виктор Венедиктович, вы совсем берега потеряли! В чем дело? Спать, когда выступает прокурор города! Что там у него со статистикой? Почему провал по проценту прекращенных?»

Виктор Венедиктович снова открыл глаза и стал медленно сползать с кресла. Руками он начал хвататься за горло, как будто ему не хватает воздуха, ноги его при этом взметнулись вверх. После этого Виктор Венедиктович упал с кресла, издал хрюкающий звук и, казалось, бездыханно распластался на полу.

– Что вы, что вы, человеку плохо, это же Виктор Венедиктович, он старый сердечник, скорее дайте воды, – зашелестело по залу.

Через 40 минут Виктор Венедиктович уже полулежал в кабинете прокурора города. Голова его была обвернута мокрым полотенцем. Прокурор города суетился рядом, разливая коньячок, предназначенный для срочного расширения сосудов. Карташев тихим, дребезжащим голосом

называл прокурора города Виталиком и рассказывал тому историю про короля тушеночной мафии, которого он, Виктор Венедиктович, отправил в далеком 72-м на вышак. Тогда, в далеком 72-м, у него еще не было всех этих болезней – пупочной грыжи, изжоги, отложения солей, почечного холецистита, закупоренного правого желудочка сердца и хромоты на обе ноги. Его старые низко посаженные глаза отражали в себе всю глубину старческой мудрости и грусти, с которыми он и смотрел на прокурора города. Глубоко же внутри себя Виктор Венедиктович тихонько хихикал, так тихонько, что это было слышно только ему, но от этого почему-то было щекотно в больном желудке. Это был его одиннадцатый прокурор города.

Еще жив

Ему было 64 года. Последние восемь из этих 64-х были у него украдены. Впрочем, он об этом не думал. Ему было некогда. Он жил борьбой.

Восемь лет назад у него было все или почти все. Небольшое, но приносящее стабильный доход предприятие, в котором он был генеральным директором, любимая жена, взрослый сын, а также обычные атрибуты жизни успешного человека в возрасте: хорошая квартира, машина, дача.

Его предприятие отобрали рейдеры. Просто подделали все документы, перепродали, затем ворвались и выкинули его вместе с сотрудниками на улицу. Он пытался бороться. Он вообще был человеком принципиальным и не привык отступать перед трудностями. Трудностей в его жизни и до этого было достаточно. Но здесь, казалось, это была стена. Предприятие так и не вернули, уголовное дело возбуждать не хотели, гражданский суд он тоже проиграл. Дача и машина уже давно были проданы: они ушли на оплату шустрого адвоката, который обещал помочь с возбуждением уголовного дела, но после передачи ему денег внезапно растворился, перестав отвечать на звонки.

Потом его посадили. На его борьбу за свое предприятие рейдеры ответили заказным уголовным делом о мошенничестве, которого он никогда не совершал.

Дело расследовал уже немолодой следователь одного из окружных УВД, который с усталым видом оформил его задержание, с таким же усталым видом привез его в суд на арест, а потом с этим же видом вежливо, но настойчиво предлагал ему подписать заявление о примирении с противоположной стороной «гражданско-правового конфликта», связанного со спором в отношении его бывшего предприятия. Он ответил следователю категорическим «нет», порвал переданное ему заявление и швырнул в лицо. Следователь грустно посмотрел на него, собрал с пола обрывки и сказал с тем же усталым видом, что, видимо, придется ему посидеть подольше.

На суде усталая немолодая судья в первый день судебного разбирательства спросила, признает ли он свою вину. После его горячей речи о том, что вину он не признает, а дело в отношении него сфабриковано рейдерами, немолодая судья грустно посмотрела на него и более никаких вопросов ни ему, ни кому-либо из свидетелей уже не задавала, а тихонько читала женский роман о любви, запрятанный в широкую папку одного из томов его уголовного дела. Она отвлекалась от чтения и немного вздрагивала, лишь когда в зале судебного заседания хлопала дверь, указывающая на прибытие или убытие очередного свидетеля. Тем же тихим и грустным голосом она огласила ему приговор: семь лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Он, конечно же, жаловался, писал из следственного изолятора, а потом из колонии. Писал много и, как ему казалось, красиво и правильно. Писал прокурорам, судьям, президенту, премьеру, депутатам, в Общественную палату. Написал даже в Европейский суд по правам человека.

Впрочем, жалобы его были длинны, написаны крайне неразборчивым почерком и человеку, не знакомому с существом дела, малопонятны. Вначале ему еще отвечали. Коротко писали, что уголовное дело в отношении него возбуждено и расследуется правильно, признаков фабрикации не усматривается, а полученный ответ он может обжаловать в установленном порядке. Через несколько лет ему в колонию стали приходить еще более короткие ответы о том, что переписка прекращена, а после ответы и вовсе перестали поступать.

Он отсидел от звонка до звонка семь долгих лет. Он был слишком принципиальным, чтобы просить об УДО, а амнистировали в тот период почему-то только бывших сотрудников полиции и несовершеннолетних преступников. В колонии его не обижали и какую-либо работу в силу возраста не поручали, поэтому он весь был предоставлен самому себе, а потому писал и писал свои длинные, многоречивые жалобы, на которые уже никто не отвечал.

Когда он освободился, его никто не встретил. Жена умерла за два года до освобождения, так и не дождавшись его и не выдержав бремени навалившихся бед. Взрослый сын давно эмигрировал и теперь проживал в далекой солнечной стране, зарабатывая на жизнь программированием.

На свободе он продолжал жить борьбой. Правда, все, что он мог, — это писать жалобы и записываться на приемы к разным чиновникам. Несколько жалоб на неправильные, по его мнению, ответы чиновников, ему даже удалось оспорить в суде. Впрочем, удовлетворение от этого было коротким, поскольку повторные ответы чиновников также

были отрицательными, как и дальнейшее обжалование полученных ответов в суде. Когда он приходил на прием, чиновники старались притвориться, что очень заняты, а если он все-таки прорывался в кабинет, как можно быстрее его оттуда выпроваживали.

Но он всего этого уже не понимал. Он жил одной лишь борьбой. Рейдеры, похитившие когда-то его небольшое предприятие, теперь стали уже не рейдерами, а руководителями крупной государственной корпорации, активно мелькали по телевизору, жали с усердием важные руки таких же бывших авторитетных бизнесменов, произносили красивые патриотические речи о важности духовных ценностей в воспитании современной молодежи. Но этого он не знал, поскольку телевизор не смотрел. Ему было некогда: он писал жалобы.

И вот, сегодня был ответственный и значимый для него день. Его ждал прием у самого начальника ГУВД. Кто-то в управлении по приему граждан, видимо, сжалился над ним и записал на прием.

Он надел свой лучший пиджак, оставшийся от былой роскоши, взял с собой все свои 19 папок с жалобами и за два часа до времени приема приехал в ГУВД. Начальник ГУВД был явно не в духе: «Так, старик, у меня через 10 минут селектор, говори, что там у тебя, только коротко». Старик начал говорить про свои беды, про рейдеров, про заказной приговор, но начальник вдруг резко оборвал его: «Все ясно. Приговор суда имеется, он вступил в силу. Никаких рейдеров тоже нет, есть решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Судом оно признано законным. Покиньте кабинет». И тогда старик как-то весь засуетился, стал копаться в своем выдавшем виды

портфеле, сказал что-то про дополнительное неоспоримое доказательство и вдруг быстрым жестом достал из портфеля гранату, после чего резко разжал руку...

Начальник ГУВД скончался на месте, а старик... Старик каким-то чудом выжил.

По телевизору показывали репортаж про павшего смертью храбрых в борьбе с преступностью высокопоставленного полицейского. Про три миллиона евро, обнаруженные в сейфе в кабинете начальника, в репортаже почему-то не сказали. Старик лежал в тюремной больнице, смотрел репортаж и впервые за последние восемь лет улыбался. Он был уверен, что присяжные не могут его осудить, а потому с улыбкой вспоминал про тротильную шашку, запрятанную на чердаке его дома, которую почему-то в ходе обыска не нашли. Его борьба продолжалась, а значит, он был еще жив.

Вестник горя

Студенту было 19. Он был единственным сыном в хорошей, порядочной семье. Только что перешел на третий курс исторического. Скромный, простой, немного стеснительный парень. Вся жизнь впереди, живи себе и радуйся. Месяц назад он познакомился с девушкой – студенткой медицинского. У подружки той девушки был день рождения. И на этот день рождения пригласили и девушку, и ее нового парня-студента.

Он весь день не хотел идти: компания новая, люди все незнакомые, неудобно и стеснительно, но девушка все же уговорила. Отмечали день рождения в квартире в одном из спальных районов Москвы. Компания небольшая: человек десять, из них семь парней и три девушки. Стол обычный для небогатых студентов: водка и закуска для парней, шампанское для девушек. Он выпил совсем немного, не хотел опьянеть среди малознакомых людей. Было весело, разговаривали, немного танцевали, слушали музыку, потом немного играли в фанты. Ему достался фант – спеть песню, и он спел, хотя петь совсем не умел и стеснялся этого. Получилось неловко, но все очень смеялись, и на душе у него было радостно от того, что его любимая девушка смеялась вместе со всеми.

В какой-то момент к компании присоединились еще два гостя, таких же молодых парня, но было видно, что

они явно не из этого круга. Они жили в этом же дворе, и один из них когда-то встречался с именинницей, вот и зашли поздравить. Уже потом выяснится, что оба были ранее судимы, а один еще и находился в розыске в связи с совершенным убийством. Но поначалу они просто выглядели как чуть менее образованные и чуть более развязные ребята для этой компании. Выпили, закусили. Один из пришедших почему-то завел разговор на тюремные темы, показывал наколки на руках и упрекал остальных в том, что они не сидели и из-за этого не знают настоящей жизни.

Другой парень зачем-то отозвал хозяйку квартиры на разговор. Когда-то, еще в школе, они встречались, и он хотел бы возобновить отношения. Она отказалась, тем более что в квартире на кухне сидел и ее теперешний парень. Тогда бывший школьный друг ударил девушку по лицу, от чего она заплакала.

Никто даже и не подумал заступаться, даже ее теперешний парень. Никто, кроме студента. Он сделал наглую замечание, а когда тот не отреагировал и продолжал приставать к чужой девушке, первым нанес удар по лицу. Преступник не стал драться честно, а сразу же достал из кармана нож. Несколько ударов в живот и грудь – и студент уже лежит на полу. В довершение еще несколько ударов ножом лежащему, чтобы уже наверняка.

Затем преступник помахал ножом перед остальными участниками праздника, в том числе и дрожавшими от страха пятью парнями, на глазах одного из которых только что били его девушку, после чего убежал из квартиры вместе со своим другом. Предварительно они забрали у всех мобильные телефоны.

...Все это он знал из уголовного дела, которое только вчера возбудил, выехав на место происшествия. Ему было 23, и он был молодым следователем прокуратуры. 23, немногим старше убитого. Он перечитывал тонкое дело и думал о том, где та грань между храбростью и трусостью, кто и почему решает, кому жить долго, а кому умирать молодым, и сколь дешево на самом деле стоит жизнь человека. Ответов на эти вопросы у него не было. Он просто думал.

Выдавая разрешение на захоронение, он слушал плач матери этого студента о том, каким хорошим человеком тот был, что она лишилась в жизни самого дорогого, что это такая несправедливость. Ему было жалко мать и жалко погибшего, но он молчал. Нужно было быть беспристрастным, ведь уже через час предстояло выслушать плач и стенания другой матери, той, чьего сына он сегодня утром задержал. Вторую мать тоже было жалко.

Потом он стал старше, опытнее и гораздо циничнее, но так и не привык к этим плачущим матерям. Ни одна из этих матерей его не любила, ведь он, следователь прокуратуры, был для матерей вестником горя.

Перри Мейсон

Это было воскресенье, поэтому какой-либо работы сегодня не предвиделось. Не так давно отобедав, молодой начинающий адвокат Миронов мирно посапывал на диване. На груди у него так же мирно возлежал раскрытый томик американского писателя Гарднера, остроумно рассказывавшего о похождениях знаменитого адвоката Перри Мейсона. Последний был знаменит тем, что не проиграл ни одного дела, его отличали творческий подход к защите клиентов, проведение полноценного адвокатского расследования и представление суду добытых им неопровержимых улик невиновности. Все дела, за которые брался Мейсон, а это были, как правило, самые сложные и запутанные дела, непременно заканчивались оправданием подсудимых и приносили адвокату баснословные гонорары и известность. Адвокату Миронову и до баснословных гонораров, и до известности было так же далеко, как Перри Мейсону до далекой и холодной России, но свой адвокатский статус Миронов получил всего лишь четыре месяца назад и пока лишь учился профессии.

Когда-нибудь в будущем Миронов обязательно достигнет вершин адвокатского мастерства, а пока... Пока он спал, отложив на время любимую книгу. Ему снился сон, и в этом сне он был уже почему-то не начинающий

адвокат Миронов, а знаменитый адвокат Перри Мейсон. Только вчера он, Миронов-Мейсон, принял поручение защищать американского предпринимателя, обвиненного в далекой России в совершении убийства собственной жены. А уже сегодня он находился в Москве и готовился к посещению следственного отдела, где расследовалось дело об убийстве, чтобы официально вступить в это дело в качестве защитника. Уважаемый читатель, мы с тобой хорошо знаем, что по закону иностранный адвокат может оказывать юридическую помощь на территории России лишь по вопросам права иностранного государства и при этом должен обязательно зарегистрироваться в органе юстиции. Знал это и начинающий адвокат Миронов, но, поскольку ему снился сон, то и все события в этом сне носили несколько фантастический и не совсем соответствующий яви характер.

Итак, Миронов-Мейсон был в России и готовился к посещению следователя. В деле об убийстве он разобрался очень быстро. Для него, корифея американской судебной адвокатуры, оно не представляло какой-либо сложности. Американский гражданин был не виновен.

Адвокату быстро удалось разыскать истинного убийцу. Им был полковник полиции, сосед американской семьи по шикарному дому, располагавшемуся в центре Москвы. У убийцы и предпринимателя был давний конфликт из-за машино-места в подземном паркинге, которое полковник считал своим и на которое рассеянный американец несколько раз по ошибке ставил свою дорогую машину. С расчетливым хладнокровием в дневное время убийца проник в квартиру американца, зарубил топором его жену, потом стер с топора собственные отпечатки пальцев

и подбросил орудие преступления в автомобиль предпринимателя. Затем он для верности обрызгал кровью убитой одежду американского гражданина и скрылся. Несчастный предприниматель был задержан, обвинен в убийстве собственной жены и теперь еще долго не сможет поставить свой автомобиль на парковочное место полковника. Грязное дело было сделано.

Но даже коварный убийца-полковник не смог предусмотреть, что за дело возьмется сам Миронов-Мейсон. При содействии своего помощника и хорошего друга частного детектива Пола Дрейка адвокат раскусил убийцу. На руке у убитой были специальные часы, которые записали все произошедшее на встроенный жесткий диск. Никто не обратил внимания на эти часы, никто, но не знаменитый адвокат. Запись позволила посекундно восстановить всю картину ужасающего преступления. Дело было раскрыто. Часы с записью находились в руках адвоката.

Об этом адвокат Миронов-Мейсон и собирался прямо сейчас рассказать следователю. Для пущего эффекта он сел за руль своего самого любимого и дорогого автомобиля – коллекционного «мерседес бенц» 1952 года выпуска. Припарковать свой автомобиль возле здания следственного отдела знаменитый адвокат не смог: вся площадка была заставлена новенькими, блестящими и не менее дорогими, чем его, автомобилями немецкого производства. Да, видимо, российские следователи очень и очень неплохо обеспечиваются государством, решил для себя Миронов-Мейсон. Ему пришлось оставить свой автомобиль за три квартала до следственного отдела и идти по лужам к месту назначения, отчего он слегка промочил

ноги, обутые в роскошные туфли из крокодиловой кожи. Впрочем, это несильно огорчило адвоката, ведь с собой у него было доказательство невиновности его клиента, которое он прямо сейчас собирался предъявить следователю.

Следователь встретил адвоката неприветливо, про бурчал что-то про отсутствие у него времени, про то, что дело ясное и через две недели будет уже в суде, но Миронов-Мейсон привык, что следователи во всем мире не доверяют представителям адвокатской профессии. Собеседнику американского защитника было 25 лет от роду, он был молод и весьма уверен в себе. На ногах у него были роскошные туфли из кожи австралийского питона. Миронов-Мейсон был несколько удивлен. Такие туфли не мог позволить себе даже он, знаменитый американский адвокат. Впрочем, кто знает этих русских с их миллиардными зарплатами. Сообщение о наличии важнейшего доказательства вызвало у юного следователя легкую панику: он почему-то побледнел, а затем потребовал передать ему часы. После просмотра видеозаписи следователь сказал, что ему необходимо посоветоваться с руководством, и вышел из кабинета вместе с часами.

Прошло два часа. Миронов-Мейсон в одиночестве сидел в кабинете следователя и с тоской смотрел на портрет неизвестного ему мужчины в кожаном плаще, кожаной же фуражке и с остроконечной бородкой, висевший на стене. Рама портрета была любовно инкрустирована бриллиантами. Миронов-Мейсон подумал, что это какой-то весьма дорогой родственник следователя. Следователя тем временем все не было. Внезапно в кабинет вошел молодой мужчина, лет 30, который представился как начальник следственного отдела и стал энергично жать руку Миронова-Мейсона.

Начальник следственного отдела выглядел как старший и чуть более обрюзгший брат следователя. На ногах у него были туфли из иранской игуаны. Начальник сразу же сказал знаменитому адвокату, что он благодарен тому за проделанную работу и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество. Он пояснил, что по российскому законодательству Миронову-Мейсону необходимо заявить на имя следователя ходатайство о приобщении часов с видеозаписью. Миронов-Мейсон такое ходатайство тут же написал, передал его начальнику и с нетерпением спросил, когда же выпустят его подзащитного. Начальник почему-то замаялся, но сказал, чтобы он не переживал, что рано или поздно это произойдет, но вопрос надо согласовать еще с кем-то, кого он назвал таинственным и непонятным американскому юристу словом «руководство».

Они попрощались. В этот же день Миронов-Мейсон улетел домой, где его ждало очередное запутанное дело об убийстве английского посла. А еще через два месяца, разбирая за утренним кофе почту, знаменитый адвокат наткнулся на несколько странных писем. Первым письмом было уведомление от некоего районного прокурора из Москвы о том, что уголовное дело по обвинению его подзащитного в убийстве собственной жены направлено в суд для рассмотрения по существу, мера пресечения в виде заключения под стражу оставлена без изменения. Миронов-Мейсон не мог поверить своим глазам. Как? Как же это возможно? Ведь была же запись! Он лично передал ее следователю, и следователь эту запись в его присутствии просматривал. Но второе письмо расставило все по своим местам. Это было уведомление от следователя, расследовавшего дело, в котором уважаемому

Миронову-Мейсону сообщалось, что его ходатайство о приобретении часов рассмотрено и удовлетворению не подлежит в связи с отсутствием в памяти часов какой-либо значимой для дела информации. Согласно уведомлению часы возвращались ему по минованию надобности. Миронов-Мейсон был в ужасе. Часов в письме не было.

Он позвонил по телефону следователю, и тот будничным голосом подтвердил, что да, дело давно в суде, а часы вместе с ответом на ходатайство были отправлены почтой. На почте ему сказали, что ничего не знают, и посоветовали звонить в канцелярию следственного отдела; в канцелярии порекомендовали звонить следователю, а следователь почему-то прокричал, чтобы Миронов-Мейсон больше ему никогда не звонил, после чего бросил трубку, предварительно назвав знаменитого адвоката американской сволочью, паразитирующей на теле трудового народа. Впрочем, мы с тобой, уважаемый читатель, понимаем, что сон этот был исключительно фантастический, поскольку российские следователи никогда трубки не бросают и сволочами адвокатов не называют.

На этом карьере знаменитого адвоката Миронова-Мейсона в России закончилась, поскольку начинающий адвокат Миронов проснулся.

Более адвокат Миронов американского писателя Гарднера не читал и вообще в дальнейшем читать художественную литературу практически бросил, поскольку у него было очень много работы по своей адвокатской специальности.

Падальщик

Падальщик – так адвоката Алексея Михайловича Конева за глаза называли его более молодые и дерзкие коллеги по юридической консультации. Нет, Алексей Михайлович не был плохим юристом и не питался обедками. Просто так сложилось, что он «питался обедками» от уголовных дел. Все сливки доставались его более молодым и дерзким коллегам, которые, вступая во вновь возбужденное дело, «объедали» клиента, как голодные пираньи, а затем, когда поживиться было уже нечем, оставляли несчастного. Вот тогда уже оборванный до нитки клиент и шел с поклоном к Алексею Михайловичу. Денег у клиента к этому моменту не было или почти не было, дело также было фактически проиграно. Как правило, наступал этот момент, когда дело уже находилось в суде. Алексей Михайлович не отказывал в защите, потому что других дел ему все равно не доставалось, да к тому же он все-таки любил свою работу и делал ее, как умел, а работать он умел, надо сказать, совсем неплохо.

Вот и прослыл Алексей Михайлович в глазах своих более молодых и дерзких коллег падальщиком. Ему было известно об этом нелюбимом прозвище, но он не обижался и даже как бы посмеивался сам над собой, поскольку являлся человеком достаточно ироничным.

Меняться было уже поздно, ведь Алексей Михайлович был не так уж и молод.

Но в этот раз, казалось, адвокату повезло: к нему на первоначальном этапе следствия обратился настоящий клиент с настоящими деньгами. Более молодые и дерзкие коллеги назвали бы этого клиента «жирным». Клиент был готов платить за защиту ежемесячно и в таком размере, от одной мысли о котором могло захватить дух не только у Алексея Михайловича, но и у куда более успешного адвоката. Это был весьма крупный и известный в их городе предприниматель, задержанный на днях по подозрению в мошенничестве.

Впрочем, новое дело с хорошим гонораром прямо сейчас не особо-то и радовало Алексея Михайловича. Его в принципе вряд ли что-то могло сейчас обрадовать. Вчера врачи объявили, что у его любимой дочери Насти обнаружен рак. На лечение требовалось 250 000 долларов. Таких денег у Алексея Михайловича никогда не было и не предвиделось. Насте было 17, и он души в ней не чаял. Он был готов сделать все, чтобы дочь поправилась, но сделать-то как раз ничего было нельзя. Таких денег он собрать не мог. Можно было продать квартиру, но другого жилья у их семьи не было, а кроме того, даже суммы от продажи квартиры не хватило бы дочери на лечение. Ситуация была безвыходной. Во всяком случае, Алексей Михайлович никакого выхода для себя не видел.

Тем не менее жизнь продолжалась. От работы Алексея Михайловича никто не освобождал, и прямо сейчас он вел беседу со своим более молодым и гораздо более успешным коллегой – адвокатом Беридзе.

– Михалыч, есть отличная тема по твоему новому делу. Давай твоего коммерса расчехлим. У тебя к нему подход есть, он тебе доверяет. Скажи ему, что вопрос со стражей можно прорешать за единичку евро. Мы бабки возьмем, а сами его шваркнем, типа, нас менты накрыли и бабки изъяли. Сделаем все красиво: задержание, изъятие. Потом скажем, что бабки ушли ментам, чтобы ситуацию замять. С начальником следствия я уже обговорил, он готов исполнить театр. Сам же знаешь, что у меня с ним все на мази, – так говорил Алексею Михайловичу его молодой коллега.

Алексей Михайлович молчал.

– Ну, давай, Михалыч, чего ты молчишь! Тебе четвертая часть. Все равно твой коммерс теплый совсем. Его либо мы, либо другие расчехлят. Сидеть ему долго, я узнавал. Михалыч, не ломайся. Либо мы их, либо они нас. Это жизнь. Закон джунглей.

Алексей Михайлович молчал. Он уже мысленно подсчитал, что четвертая часть – это 250 тысяч евро. Как раз хватало дочери на лечение, и даже кое-что могло остаться. Это был шанс, который нельзя упускать. Алексей Михайлович знал, что Беридзе уже проворачивал такие темы, и все всегда сходило тому с рук: у него имелись серьезные подвязки где-то в прокуратуре и ФСБ. Как же болит голова!.. Такое впечатление, что кто-то воткнул острую иглу в затылок. Наверное, надо решаться.

Он закрыл глаза и подумал о Насте. Как же она молода и красива! Жить, еще раз жить, быть здоровой, счастливой, выйти замуж, нарожать деток – вот что ей нужно. Она и только она – смысл всей его жизни. Он должен сделать все, чтобы она жила. Алексей Михайлович вспомнил, как лет 12 назад забирал Настю, тогда еще совсем

маленькую девочку, из садика. Они держались за руки и мило болтали.

— Папа, а кем ты работаешь, что делаешь на работе? — спросила Настя. Он рассказал ей, что работает адвокатом и защищает разных людей. — Папа, да ты у меня настоящий герой. Защищаешь и спасаешь людей, прямо как спасатель Черный плащ, я тобой горжусь! — сказала ему тогда Настя.

Черный плащ? Защитник? Спасает людей? Да когда и кого он в последний раз спас и защитил? Так он думал прямо сейчас. Может быть, того мальчика, которому подкинули наркотики и которому после его назойливых жалоб снизили наказание с девяти лет лишения свободы до восьми? Или тому предпринимателю, которого по заказу обвиняли в мошенничестве, посадили на шесть лет, а через год после освобождения Европейский суд присудил компенсацию за несправедливое судопроизводство в размере трех тысяч евро? Да сколько их было, этих «или»... Один оправдательный приговор за почти 18 лет адвокатской практики. Нет, никакой он не защитник и не спасатель. Он самый настоящий падальщик, который питается объедками от уголовных дел. Так, может, и прав Беридзе: к черту все, задержанному все равно не помочь, а деньги у него есть...

Внезапно он открыл глаза, встал со стула, подошел вплотную к Беридзе и медленно, по слогам произнес: «По-шел ты на хрен». Даже в такой момент врожденная вежливость помешала ему заменить общеупотребимое слово «хрен» на что-то более грубое. Впрочем, после небольшой паузы он так же медленно добавил: «Су-ка».

Беридзе тоже встал. «Как ты был падальщиком, так им и остался. Ну и дурак, скоро твоего коммерса все равно менты расчехлят», — сказал он и вышел не попрощавшись.

Алексей Михайлович сидел, обхватив голову руками. Головная боль прошла так же внезапно, как и появилась.

А в это время где-то очень далеко, так далеко, что ни у Алексея Михайловича, ни у Беридзе к этому месту доступа не было, за шахматной доской сидели двое: один в белой накидке, другой в темной. Белый передвинул последнюю фигуру и объявил: «Шах и мат. Как я тебе и обещал, эта партия тобой проиграна. Раскручивай колесо обратно». Черный несколько недовольно встал, крутанул небольшое, но весьма тяжелое колесо, поклонился белому и пошел к двери: «Спасибо за игру, продолжим после обеда. Не забудь, что счет на сегодня 8:2 в пользу черных».

Этим вечером Алексей Михайлович, как и обычно, приехал домой. Он изо всех сил делал вид, что все в порядке, и ничего не сказал ни жене, ни любимой дочери Насте о сегодняшнем разговоре. Когда все заснули, он впервые за последние лет десять заперся в одиночестве на кухне и напился так, что на следующий день опоздал в суд.

А еще через три дня к Алексею Михайловичу пришла на работу супруга его состоятельного клиента и сказала, что соглашение на защиту расторгается, поскольку у них теперь новый, очень успешный адвокат, фамилия которого Беридзе. Алексей Михайлович не расстроился, ведь сегодня врачи сказали, что подозрение на рак у Насти не подтвердилось, и его дочь здорова. Он был счастлив, и думать о любимой, хоть и паскудной, работе падальщика ему сейчас совсем не хотелось.

По цепочке

Председатель суда был не в духе с самого утра. За завтраком он пролил кофе на белую рубашку, потом наступил на хвост коту, от чего тот протяжно заорал и разбудил весь дом, затем попал в неприятную пробку, и в довершение всего прямо на входе в суд ему на новое шикарное пальто нагадил голубь. Сорвать гнев на голубе не получилось, поскольку тот предательски улетел. Председатель сидел в своем кожаном кресле, вертел в руках остро заточенный карандаш и думал, с кем бы разделить полученный с утра негатив. Внезапно на глаза ему попалось уголовное дело, которое поступило только вчера. Дело расследовал следователь прокуратуры района. Ну что же... Прокурору мы и позвоним: есть, есть к его ведомству претензии.

— Николай Сергеевич, я к вам по весьма неприятному поводу, — сухо начал он. — Ваши следователи совсем распоясались. В каждом деле опечатки, грамматические и орфографические ошибки. О доказательствах я вообще молчу. Обычно они отсутствуют. Мне надоело с вами миндальничать и прикрывать вашу безграмотность. Отныне каждое дело, которое направляют в суд ваши следователи, я буду передавать судье Петухову. Он научит вас, что такое оправдательные приговоры. С городским судом я вопрос согласую. Что-то мне подсказывает, что

после парочки оправдательных вы будете лучше следить за собственными подчиненными. Нет, не хочу слышать от вас никаких объяснений. Запомните, все ваши дела — только Петухову. Впредь будете внимательнее. Пока.

Он положил трубку и довольно улыбнулся. Настроение его улучшилось.

У прокурора района день не сложился с самого утра. Вначале он слегка поспорил с женой о том, где они будут отдыхать на новогодние праздники; потом по дороге на работу по телефону поссорился с любовницей, сообщив той, что новогодние праздники проведет с женой; затем вляпался новыми туфлями в собачьи экскременты. Окончательно добил его звонок председателя суда. Последний был не доволен работой его следователей, предъявлял претензии и грозил все расследованные дела впредь передавать судье Петухову. Судья Петухов прослыл личностью весьма одинокой, поскольку являлся единственным судьей в городе, который не боялся выносить оправдательные приговоры. Вопросы наличия или отсутствия доказательств его при этом не волновали, он просто любил всегда поступать наперекор прокурорам, которых ненавидел лютой ненавистью. У прокурора имелись подозрения, что какой-то его коллега в детстве отобрал у Петухова пятак. Поговаривали, что Петухов был в родстве с кем-то из руководителей городского суда. Доказательств последнего у прокурора не было, но Петухов, по его мнению, являлся человеком явно неадекватным и недоговороспособным. Угроза председателя суда была не просто неприятной, она пахла весьма дурно, даже похуже, чем те собачьи экскременты, в которые прокурор вляпался утром. Надо было что-то делать. Он в гневе сжимал в кулаке ручку.

— Машенька, вызовите-ка мне Сидорова, — позвонил он по селектору своей секретарше.

Следователь прокуратуры Сидоров робко вошел в кабинет прокурора буквально через минуту.

— Сидоров, почему из твоего кабинета опять вчера вечером несло перегаром? — без разгона начал прокурор. — Ты у меня допрыгаешься, Сидоров. Я подготовил рапорт на имя прокурора города. Будем тебя депремировать. И вообще, почему ты без формы? Я же сказал — всем ходить на работу в форме. Ах, денег у тебя нет, Сидоров? Так ты их пропил. Ты Сидоров пропил и зарплату, и форму, и совесть. Но я тебе, Сидоров, пропишу лекарство. Для начала ты будешь лишен премии, потом я организую тебе выговор, а потом ты пойдешь в народное хозяйство. Все, Сидоров, я все сказал, а теперь пошел вон с глаз моих.

Прокурор откинулся в кожаном кресле и нажал кнопку селектора: «Машенька, сделай мне, пожалуйста, кофе». Настроение его улучшилось.

Следователь районной прокуратуры Сидоров находился в прескверном настроении. Вчера вечером он перебрал со спиртным, а потому сегодня в желудке было совсем тоскливо. Ему страшно хотелось похмелиться, но денег, впрочем, как и обычно, не было. Это безденежье принимало хронический характер, что также настроения не добавляло. Девушки у Сидорова не было и не предвиделось. Все его свободное и несвободное время отнимали два увлечения: работа и алкоголь. Иногда ему даже удавалось их совмещать. А еще прямо с утра его вызвал к себе прокурор, который был явно не в духе: шумел, кричал, топал ногами и грозился наказать. Сидорову тоже хотелось кого-то наказать, ну или хотя бы наорать, причем как можно грубее.

С этой мыслью он и приехал в следственный изолятор и вызвал для беседы обвиняемого Афанасьева.

Дело Афанасьева было в производстве Сидорова уже четыре месяца, но он так и не знал, как к нему подступиться. Афанасьева обвиняли в мошенничестве. Дело начинал другой следователь, который веских доказательств так и не собрал, после чего перевелся в другую прокуратуру, оставив неприглядное наследство Сидорову. Афанасьев вину не признавал, писал жалобы и называл свое уголовное дело сфабрикованным. Сидоров, возможно, был бы и рад освободить Афанасьева и прекратить уголовное дело, но сделать этого было никак нельзя: в этом году у прокуратуры уже имелось два прекращенных дела, и заирать процент прекращенных еще выше не позволял прокурор, которого за это могли отчитать на итоговой коллегии. В общем, с Афанасьевым надо было что-то делать, а что делать — Сидоров не знал.

Как только конвойный завел Афанасьева в следственный кабинет, Сидоров начал с резкости: «Ну что, Афанасьев, не надумали признаваться? Вы, Афанасьев, вор, и вас скоро будут судить. Признание и чистосердечное раскаяние позволит облегчить вашу тяжелую участь. Я сегодня говорил с прокурором: он запрещает давать вам какие-либо свидания с женой до тех пор, пока вы не проявите истинное раскаяние и не признаете собственную вину. А еще, Афанасьев, уже решено, что скоро к вам присоединится в изоляторе ваш отец, такой же вор, как и вы. Но у вас еще есть время подумать. Так что думайте крепко, Афанасьев».

Когда Афанасьева увели, Сидоров резко встал со стула, после чего понял, что мучавшее с утра похмелье

отпустило и о грозившем неприятностями прокуроре тоже думать не хочется. Настроение его улучшилось.

Обвиняемый Афанасьев был только что водворен конвоиром обратно в свою камеру после беседы со следователем. Его дело о преступлении, которого не было, длилось уже 5 месяцев. Все это время Афанасьев находился под стражей. Он знал, что не виноват, но так до конца и не понял для себя, почему его в чем-то обвиняют. Виноват ли в этом идиот-следователь или его кто-то заказал? Ответа на этот вопрос у него не было. Дома оставались жена и маленькая дочка. Настроение у Афанасьева было отвратительным. Кроме того, прямо сейчас его вызвал к себе следователь, который требовал признаться и угрожал посадить отца.

Афанасьев оглядел камеру. Здесь никого не было. Последнего сокамерника перевели от него четыре дня назад, а новых пока так и не подселили. Он посмотрел на включенный телевизор. По телевизору показывали интервью какого-то пухлого чиновника, который рассказывал о том, что экономика России переживает период бурного роста. Афанасьев подошел к телевизору вплотную, внезапно пронзительно закричал: «Сука! Сука! Сука!» — после чего с силой ударил кулаком по экрану. Телевизор разбился.

Еще через два часа Афанасьев находился в карцере, куда был водворен за порчу казенного имущества. Он с грустью взирал на порезанную руку. Настроение его было отвратительным.

Собака

Конец 90-х годов XX века... Сейчас многие следователи вспоминают это время с любовью, ведь это были не только времена расцвета разнообразных убийств, взрывов, расстрелов и передела сфер влияния между преступными группировками, но и период, когда следователи и прокуроры были частью единой системы и крепко дружили между собой.

В те времена в ночь с четверга на пятницу молодой следователь районной прокуратуры Петров спокойно спал у себя дома. Говорят, именно с четверга на пятницу не только следователям, но и всем прочим людям снятся сны, которые принято считать вещими. Однако Петрову в эту ночь не снилось ничего: он очень устал после тяжелого трудового дня. Тот день был даже не просто тяжелый, а очень тяжелый: Петров провел три очные ставки, допросил четырех свидетелей и произвел осмотр двух ножей, одного кастета и восьми ватных тампонов со смесями крови, изъятых с места происшествия. В производстве молодого следователя на тот момент находилось одиннадцать уголовных дел. Завтрашний день тоже намечался напряженный, а потому спал Петров крепко, практически как убитый. Впрочем, этого сравнения он не любил, как и всякого рода убитых, убийц и убийства: их в его жизни в силу специфики работы было в последнее время с избытком.

Но Петров в эту ночь, к сожалению, не просто спал; он являлся дежурным по своей любимой районной прокуратуре. А дежурство означало: если на территории прокуратуры случалось какое-либо происшествие, следователю непременно необходимо было на это происшествие выезжать – вне зависимости от того, есть ли у него иные дела, занят ли он по другой работе или просто отдыхает от трудового дня. Петров дежурить очень не любил, тем более что в последнее время ему везло на происшествия, как утопленнику. Ах да, утопленников Петров не любил еще больше, чем убийц, поэтому не будем о них вспоминать.

Дежурства в четверг обычно протекали для следователей прокуратуры все-таки достаточно спокойно. В рейтинге дежурств нехороших, то есть тех, когда непременно что-нибудь случалось, всегда лидировали пятничные и субботние: народонаселение активно отмечало наступление выходных, алкоголизировалось и в состоянии опьянения любило драться между собой с применением разного рода колюще-режущего и огнестрельного оружия.

И все-таки, несмотря на то что дежурство в четверг не предвещало особенной опасности, Петров, перед тем как отойти ко сну, предпринял все дежурные для себя ритуалы. Он трижды перекрестился, плюнул через левое плечо и пропел шепотом отрывок из песни Виктора Цоя: «Тем, кто ложится спать, спокойного сна». После этого, пожелав всем гражданам на территории обслуживания прокуратуры района провести эту ночь спокойно, Петров закрыл глаза и моментально заснул. Как мы уже установили, в ту ночь ему ничего не снилось.

По закону подлости в 4 часа 48 минут и 16 секунд в квартире Петрова раздался телефонный звонок. Следователь резко открыл глаза, посмотрел на часы и с трудом понял, что ритуал не сработал. Он взял трубку в надежде, что кто-то ошибся номером. Однако и здесь Петрова ждала неудача.

– Алексей Алексеевич! – радостно (а о вызовах на происшествие всегда почему-то сообщают радостно) заверещала трубка. – Это дежурный по ОВД. У нас ЧП, весь город на ушах, собирайтесь скорее – собаку убили.

«Собаку? Убили? Что за чушь. Причем тут какие-то собаки! Опять в дежурке упились и прикалываются», – все это за мгновение пронеслось в голове Петрова. И, несмотря на то что он был слегка взбешен, мысль о том, что ехать никуда не надо, Петрова немного согревала. Слава Богу, наши законодатели еще не додумались до того, чтобы следователи прокуратуры занимались расследованием дел об убийствах собак.

Петров постарался, чтобы голос его прозвучал как можно более грозно, и медленно, практически по буквам произнес: «Ни на какое убийство собаки я не поеду. Прекратите бухать на рабочем месте», – после чего с наслаждением бросил трубку.

Он уже развернулся по направлению к кровати и с легкой улыбкой представил, что вот-вот, прямо сейчас завернется в теплое одеяло и еще пару часов вздремнет. Но... телефон снова зазвенел отвратительным звонком. Петров в бешенстве снял трубку.

Это был все тот же жизнерадостный дежурный. Однако в этот раз в его голосе уже звенели нотки официальности. Дежурный еще раз сообщил следователю прокуратуры

Петрову, что на территории ОВД произошло убийство собаки, и ему, Петрову, предлагается незамедлительно прибыть на место происшествия. «До чего же актер, хоть и пьяный – а смех сдерживает», – подумал про себя Петров. Однако эту клоунату пора было заканчивать, и трубка содрогнулась от его крика: «Ни на какую собаку я не поеду, больше не звони сюда никогда!» Дежурный получил в догонку обидное «козел» – и следователь нажал на кнопку отключения разговора.

Телефон зазвонил снова. Окончательно проснувшийся и разъяренный Петров снял трубку. Это снова звонил дежурный, который полностью официальным тоном потребовал принять телефонограмму: «Дежурному следователю Петрову. На территории ОВД произошло убийство. Вам предлагается незамедлительно прибыть на место происшествия. В случае вашего отказа о ситуации будет незамедлительно доведено до дежурного по городу. Телефонограмму передал дежурный по ОВД Арбузов». «Нет, он не пьяный. Сумасшедший, и хорошо, что не буйный», – подумал Петров. Тут на ум ему пришли лекции курса судебной психиатрии – сумасшедших ни в коем случае нельзя злить, и он ответил в трубку уже примирительно: «Ну хорошо, хорошо, дежурный, поясните, как произошло убийство?» В ответ прозвучало, что имел место взрыв собаки в своем автомобиле. Петров, стараясь не выдавать удивления, спросил, была ли собака за рулем, на что был получен ответ – нет, за рулем находился телохранитель, который выжил. «Идиот, телохранителей у собак не бывает!» – в сердцах прокричал Петров и уже в третий раз бросил трубку.

...А телефон не унимался. Петров в ярости снимал и тут же бросал трубку. Надо же было нарваться на

сумасшедшего дежурного! Впрочем, всю эту клоунату нужно было прекращать как можно скорее.

Он набрал телефон дежурного по ГУВД: «Доброй ночи! Следователь прокуратуры Петров. Примите, пожалуйста, меры – мне уже полночи названивает сумасшедший, который представляется дежурным по районному ОВД, сообщает, что у нас на территории убийство собаки, и требует моего выезда на место происшествия».

Из трубки раздалось: «Одну минуту», после чего зашелестели какие-то бумаги, а затем тот же голос спокойно произнес: «Да, улица Ясная, 42, на проезжей части убийство собаки в автомобиле». Петров почувствовал, что с ума сошел, похоже, он. Следователь попросил дежурного по ГУВД «повисеть» на трубке буквально одну минуту, а сам рванул в ванную. Из зеркала на него глядело его, Петрова, лицо, никаких изменений на котором, за исключением небольшой припухлости, он не заметил. Петров закрыл глаза, потом открыл и снова закрыл, выпил холодной воды из-под крана, умылся, затем зачем-то перекрестился и – направился в комнату.

Он снова подошел к трубке и чуть охрипшим голосом спросил: «Извините, я правильно понял, что на улице Ясная произошло убийство собаки и мне необходимо на это убийство выезжать?». Трубка подтвердила, что он все понял правильно. Петров попросил трубку еще секундочку подождать, побежал к своему портфелю и достал оттуда новенький уголовно-процессуальный кодекс. Раскрыв книгу на нужной странице, он убедился, что дела о жестоком обращении с животными по-прежнему к подсудности прокуратуры не относятся. С кодексом наперевес он вновь подошел к трубке и вежливо спросил,

известны ли дежурному по ГУВД положения уголовно-процессуального закона о подследственности. Дежурный столь же вежливо ответил, что эти положения ему известны, и в свою очередь спросил, известны ли эти положения ему, Петрову? Потеряв терпение и остатки вежливости, Петров поинтересовался у собеседника, все ли дежурные у них в милиции такие идиоты. Ответом было «от идиота слышу». Тут Петров стал яростно выкрикивать в трубку положения УПК о том, что следователи прокуратуры никогда, слышите – никогда! – не занимаются, не должны и не будут заниматься убийствами животных.

Внезапно трубка захохотала, и из нее раздались пояснения дежурного, что собака – это собака, но только она мужского рода и человек: Собака Петр Станиславович, 1963 года рождения, ранее дважды судимый, криминальный авторитет. Алексей Алексеевич понял, что ехать на происшествие все-таки придется, и со злостью сказал: «Вот, сссобака», положил трубку, после чего стал стремительно одеваться, понимая, что он уже давно опаздывает на место заказного убийства, и если кто-то из начальства приедет раньше его, это грозит массой неприятностей по службе.

...Убийство Собаки было раскрыто, а заказчик установлен и задержан. Фамилия заказчика была Клоп. Клоп Денис Карлович. Он был немцем по национальности, и к концу следствия это зловерное насекомое вместе со своим жалобщиком-адвокатом выпило из Петрова всю кровь. Впрочем, это уже другая история.

Горячие бедра

Прокурор района Александр Семенович Левинзон только что плотно отобедал и сейчас сидел в своем кресле, разложив на столе утренний «Спорт-Экспресс». Сегодня был первый день после выхода прокурора из отпуска, а потому работать ему категорически не хотелось. Мыслями он еще пребывал весьма далеко от своего кабинета, а именно на жарком греческом курорте, откуда вернулся всего два дня назад. В кабинете бесшумно работал кондиционер, а в мягком кожаном кресле было так уютно, что Александр Семенович уже было подумал закрыть дверь изнутри и немного «поработать с бумагами», что на тайном, только ему понятном языке означало банальное вздремнуть на диване.

«Работать с бумагами» Александр Семенович научился лет 20 или чуть более назад, когда еще был молодым прокурором отдела в городской прокуратуре и только постигал азы подлинного прокурорского мастерства. С тех пор прокурор весьма преуспел в развитии данного навыка, к 54 годам (а Александру Семеновичу было уже 54) достигнув в этом вопросе уровня суперпрофессионала. Все в родной прокуратуре давно знали, что после обеда с 14 до 15 «папа работает с бумагами» и заходить в это время в кабинет чревато крупными неприятностями. Периодически раздававшийся из кабинета храп уже никого из сотрудников не смущал и не смешил, к нему

просто привыкли и не замечали, как не замечают люди, живущие рядом с железнодорожной станцией, звука проезжающего поезда.

Несмотря на довольно-таки крутой нрав, а также определенного рода чудачества и пунктики прокурора, подчиненные в целом любили Александра Семеновича, поскольку начальником он был справедливым.

Итак, прокурор района читал свой «Спорт-Экспресс» и подумывал о том, не следует ли ему «поработать с бумагами», когда он самым подлым образом был отвлечен от этого важного дела телефонным звонком. С явным неудовольствием Александр Семенович снял трубку и пробасил в нее суровое «алло», что означало: кто посмел отвлечь меня, занятого человека, от важной деятельности на благо государства? Неудовольствие Александра Семеновича еще более возросло, когда он понял, что звонили из бухгалтерии прокуратуры города. Александр Семенович в этой жизни не любил несколько вещей, и, несмотря на его одесское происхождение, а также не самую русскую фамилию, одной из таких вещей была бухгалтерия и связанные с ней вопросы. Общение с бухгалтерией, вопросы материального обеспечения, канцелярских принадлежностей он уже давно возложил на верного первого зама, но в данный момент почему-то бухгалтер позвонила именно ему.

— Александр Семенович, здравствуйте, как я рада вас слышать! — залепетала она в трубку.

Александр Семенович прохрипел что-то вроде «я тоже рад» и приготовился выслушивать очередную нудную пургу, которую он не понимал, не воспринимал, а главное, не хотел понимать или воспринимать.

— Александр Семенович, вы знаете, к нам пришел счет из центрального телеграфа по вашей прокуратуре. Звоню предупредить. С одного из номеров телефона в прошлом месяце практически каждый день звонили в службу «секс по телефону», в результате чего прокуратура города теперь имеет задолженность на сумму 58 тысяч 270 рублей.

Александр Семенович даже привстал со стула: «Что по телефону? Секс? Это сколько же надо было наговорить на 58 тысяч?»

— В общей сложности произведено 24 соединения длительностью от 5 до 48 минут, — ответила бухгалтер.

Сонливость прокурора как рукой сняло.

— Дед в курсе? — спросил он и почему-то сглотнул слюну.

Дедом в городской прокуратуре называли прокурора города за его пепельно-белые волосы и такого же цвета окладистую бороду, из-за которой он более всего напоминал не высокопоставленного работника прокуратуры, а Деда Мороза. Впрочем, был этот Дед Мороз весьма суров к своим подчиненным и одаривал их, как правило, не подарками, а разнообразными приказами о наказании.

— Нет, нет, что вы, что вы, Александр Семенович. Деда мы в курс не ставили, так что не переживайте, — успокоила его бухгалтер. — Мы все тихонечко выплатим, но доступ к восьмерке мы на этом телефоне отключили, и вы уж, пожалуйста, разберитесь с этим вашим сексуальным маньяком, пока он городскую прокуратуру банкротом не сделал.

Александр Семенович сказал, что разберется самым суровым образом, записал номер телефона кабинета, с которого неизвестный пользовался интим-услугами, после чего, предварительно пообещав заехать в бухгалтерию с конфетами на чай или что-нибудь покрепче, повесил трубку.

— Маша! — тут же заорал он своей секретарше. — Вызови-ка мне того мерзавца, у которого в кабинете установлен номер телефона 254-40-00, и поскорее, буду из него котлету делать.

— Одну минуточку,— отозвалась Маша из приемной, однако через несколько минут зашла к нему в кабинет в одиночестве и почему-то загадочно улыбаясь. — Александр Семенович, я не могу выполнить ваше поручение, поскольку это ваш номер телефона.

Это был удар не просто коварный, а фактически сразивший прокурора наповал и нанесший тяжкое, непоправимое увечье. Мало того что некий неизвестный негодяй в тот период, когда он, прокурор района, находился в заслуженном отпуске, ежедневно общался по телефону с девушками легкого поведения из его, прокурора района, кабинета, так еще теперь именно на его телефоне прокуратура города отключила выход на международную линию! Прокурор для проверки снял трубку и нажал кнопку 8. Восьмерка не работала...

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. У прокурора была пожилая мама, которая, так уж сложилось, проживала в далекой Одессе. Прокурор маму очень любил и ежедневно звонил ей в 17–00 по московскому времени, рассказывая о том, как прошел день, что он кушал, не промочил ли ноги, как там Семен и Анечка — в общем, те вещи, которые обычно рассказывает хороший и любимый сын своей любимой пожилой мамочке. Александр Семенович был очень хорошим сыном, а потому никогда не позволял себе нарушать с годами выработанную традицию. Служба в прокуратуре и наличие в кабинете телефона с выходом на международную линию в свое время весьма

способствовали установлению этой традиции, и ее нарушение в планы Александра Семеновича ну никак не входило. Александр Семенович не был хапугой или коррупционером, это был прокурор старой традиции, но он так долго служил государству, что полагал, будто и государство может ему хоть в чем-то послужить, а потому звонил маме в Одессу со служебного телефона безо всякого зазрения совести. Отныне такой возможности у него не было.

Прокурор был не просто взбешен, он находился в той стадии раздражения, которая была близка к эпилептическому припадку. Все сотрудники прокуратуры, поднятые Машей по тревоге, боязливо сидели, вцепившись в стулья прокурорского кабинета, в то время как Александр Семенович брызгал слюной, кричал, топал ногами, размахивал руками, угрожал, пугал — словом, пытался вспомнить все приемы из некогда прочитанной им в студенческие годы брошюры «Инквизиционное дознание времен Средневековья». Впрочем, сотрудники прокуратуры были тоже людьми тертыми, а потому дознание вскоре зашло в тупик, и прокурор выдохся. Не стоит забывать, что он был человеком уже немолодым, а потому любые нервные перегрузки переносил с трудом. Глубоко выдохнув, прокурор взглянул на часы и вдруг в ужасе выбежал из кабинета с криком: «Вернись из города и с вами разберусь!»

На часах было 16 часов. До телефонного разговора с мамой оставался ровно час. А мама у Александра Семеновича, несмотря на возраст, была дамой весьма строгой и могла не простить любимому сыну нарушение традиции. В последний раз, когда Александр Семенович пять лет назад закрутился на работе и забыл позвонить маме, на следующий день в 8 часов утра он имел удовольствие

лицезреть маму на пороге своей московской квартиры. Повторения того разговора прокурору совсем не хотелось.

Уже через 25 минут Александр Семенович пулей влетал в отдел бухгалтерии прокуратуры города. Несмотря на почтенный возраст, старый волк еще умел иногда притворяться пушистым котенком. Он одарил главного бухгалтера поистине царскими подарками, от которых растаяла бы любая женщина. Здесь были и конфеты, и шампанское, и даже шикарный букет цветов. Исподволь восхитившись «молодостью» и «красотой» пожилой дамы, вручив ей букет и отказавшись от предложенного чая, прокурор сразу же перешел в наступление.

— Прибыть к вам меня заставила серьезная оперативная необходимость. Злоумышленник, пользовавшийся секс-услугами с телефона, установлен и обезврежен. Его постигло жесточайшее наказание с моей стороны. Но сейчас я вынужден просить вас о крайней милости. Пожалуйста, включите восьмерку на этом злосчастном номере телефона. У этого негодяя в производстве есть одно уголовное дело, по которому требуется ежедневно контролировать исполнение международного поручения на Украине, а передать дело другому следователю я сейчас не могу. Буду вам так благодарен, так благодарен, должник навеки, — разливался соловьем Александр Семенович.

Он умел быть дьявольски обольстительным. Уже через пять минут, послав на прощание бухгалтеру воздушный поцелуй и произнеся троекратное «спасибо», Александр Семенович все так же пулей выбегал на улицу.

Еще через 30 минут он сидел в своем кабинете и с уставшим, но довольным видом рассказывал по телефону маме, что первый день после отпуска был очень напряженным,

ноги удалось сохранить в тепле, ревматизм отпустил, а у Анечки теперь новый кавалер.

Вдоволь наговорившись с мамой, прокурор повесил трубку и теперь пребывал в том прекрасном расположении духа, когда понимаешь, что рабочий день уже почти подошел к концу и совсем скоро можно будет совершенно законно отправиться в сторону дома, предварительно заехав в недавно открывшийся магазин с манящим названием «Пиво со всех концов света».

От этих приятных мыслей его отвлек телефонный звонок. Александр Семенович снял трубку и обомлел. Игривый женский голос поприветствовал его и стал выяснять, почему же почетный клиент последние несколько дней перестал звонить в телефонную службу «Горячие бедра». Прокурор стал было что-то объяснять, говорить, что все это какая-то ошибка и он никуда не звонил, а находился в отпуске, но игривая дама внезапно оборвала его и стала в мельчайших подробностях описывать, что и как она бы сейчас хотела с ним сделать. Александр Семенович сам не заметил, как через несколько минут уже сам набирал продиктованный девушкой номер телефона. К ужину в этот день он опоздал.

А уже через месяц все сотрудники прокуратуры знали, что отныне «папу» не стоит беспокоить не только с 14 до 15 часов, когда он работает с бумагами, но и с 17–30 до конца рабочего дня, когда ведет важные телефонные переговоры с ответственным должностным лицом из Генеральной прокуратуры.

День рождения

Опытный заместитель районного прокурора Иван Иванович Долгополов пребывал в отвратительнейшем настроении с самого утра. Сегодня, 22 февраля 2014 года, был день его рождения. Иван Иванович не любил этот праздник. С каждым днем рождения он чувствовал себя старше почему-то не на один, а сразу на 3 года. Вообще-то он был не так чтобы очень стар, однако приобретенные за годы службы заболевания здоровья и бодрости явно не добавляли. Голова была совсем седой. А утром в субботу было тяжело в желудке и противно во рту, даже если накануне в пятницу он не особенно сильно злоупотреблял алкоголем.

Свою работу Иван Иванович одновременно и любил и не любил. Любил за то, что она давала чувство востребованности и нужности: ему постоянно по рабочим дням кто-то звонил, просил совета, требовал отчета, взывал о помощи. Всегда было с кем поговорить, поспорить, ну и выпить, конечно же. А не любил... Наверное, за ту же самую востребованность. Не было Ивану Ивановичу покоя на работе, и из-за вечной занятости он уже третий месяц не мог пройти 26-й уровень в любимой старенькой стратегии – все время кто-то отвлекал.

Вот и сейчас, как только Иван Иванович отключил телефон и запустил компьютерную игру, откинулся в кресле

и впервые за день слегка улыбнулся, дверь кабинета без стука отворилась. Иван Иванович досадливо поморщился. Ну почему, почему он опять забыл закрыться изнутри, как это всегда делает его еще более опытный шеф – прокурор района?! За допущенную роковую ошибку его ждала горькая расплата. В кабинет влетела известная всему району старуха-жалобщица по фамилии Бумажкина. Иван Иванович не знал, сколько лет было Бумажкиной, но старухой она была еще в тот момент, когда он сам только пришел молоденьким стажером следователя в эту прокуратуру. Жаловаться Бумажкина начала, по всей видимости, еще лет за 20 до этого и весьма в этом вопросе поднаторела. Крыша у нее давно и изрядно протекала, причем протечки в основном происходили по разнообразным национальным вопросам. Бумажкина была ярым борцом с жидомасонами, без запинки цитировала в обращениях протоколы сионских мудрецов и во всех своих невзгодах профессиональным языком винила сионистов и примкнувших к ним подпевал. А невзгод у Бумажкиной было много. Это и звуки дрели, мешавшие читать, и запах газа, которым жидомасоны пытались ее отравить, и мальчик-еврей, музицировавший по заданию своих руководителей-сионистов в послеобеденное время и насылавший тем самым на нее проклятие....

Самое неприятное было в том, что подавать свои жалобы Бумажкина особенно любила аккурат в приемные часы Ивана Ивановича. Прокурору района по фамилии Штейнберг жалобщица не доверяла, подозревая в нем тайного приспешника сионистов. Надо сказать, что эта нелюбовь носила взаимный характер: всякий раз, когда Бумажкина прорывалась к прокурору на прием, тот в

свою очередь выбежал из своего кабинета с криками о внезапной боли в животе, после чего заперся в туалете и выбирался оттуда только по окончании рабочего дня. Зато заместителя прокурора Бумажкина обожала. Во-первых, заподозрить его в еврейском происхождении в силу внешности, которую сам Гитлер назвал бы арийской, было невозможно, а во-вторых, врожденную вежливость не изжили в Иване Ивановиче даже 20 с лишним лет работы в органах прокуратуры. Вот и приходилось выслушивать ему часами очередные жалобы Бумажкиной каждый приемный день, если он забывал своевременно закрыть дверь изнутри.

В этот раз участники мирового сионского заговора взяли за видного представителя патриотической общественности всерьез. Сначала они летали вокруг дома Бумажкиной на игрушечном вертолете, а затем вживили в одну из стен скрытую видеокамеру и фиксировали каждый ее шаг, после чего отсылали видео непосредственно руководителю масонской ложи гражданину США Шлосбергу. Такого рода действия опытная в юридических вопросах Бумажкина квалифицировала как вмешательство в частную жизнь, покушение на убийство и вдобавок геноцид.

Слушая монолог Бумажкиной, заместитель прокурора все более мрачнел. Сегодня заявительница была явно в ударе. Похоже, что до обеда избавиться от нее не удастся. Мало того что придется выслушивать эти откровения антисионского мудреца, так еще и потом весь кабинет провоняет кошачье-старушечьим запахом, и друзья-прокуроры, приглашенные на 18 часов для празднования дня рождения, будут весь вечер подтрунивать,

что с возрастом он стал ссаться. Все это было крайне неприятно. Иван Иванович скривился. Вот как, как он опять забыл закрыться в кабинете?! Эх, старость, старость....

Внезапно его посетила светлая мысль.

— Как вы сказали, на вертолете? — спросил он.

— Да, да, именно что на вертолете, зеленый такой, а на нем звезда Давида, — затараторила Бумажкина. Редко, очень редко кто из тех, кому она жаловалась, задавал какие-то вопросы и проявлял интерес к тому, о чем она рассказывала. Обычно ее выслушивали молча, а здесь сам заместитель прокурора задал вопрос по существу.

— Раз на вертолете, то вы, к сожалению, не по адресу. Это вам надо в транспортную прокуратуру, они за вертолетами надзирают, — быстро выдохнул Иван Иванович.

Сработало. Бумажкина извинилась, собрала со стола ворох желтоватых жалоб и вместе с кошачье-старушечьим запахом покинула кабинет.

Иван Иванович откинулся в кресле и еще раз выдохнул. Вот уж пронесло так пронесло. Все-таки день рождения — хороший праздник. Теперь можно заняться прохождением 26-го уровня.

Иван Иванович был уже на 29-м, когда дверь кабинета открылась без стука и на пороге вновь появилась Бумажкина.

— Иван Иванович, я опять к вам, только что из транспортной прокуратуры. Там мне все разъяснили. Оказывается, мне все-таки к вам. Я же не все вам рассказала. Сионисты летали на игрушечном вертолете, а следовательно, вопрос ваш. Мы с заместителем транспортного прокурора Деминим всю ситуацию тщательно разобрали.

Очень, очень хороший человек. Вот, и письмо вам передал, – радостно протараторила Бумажкина.

Иван Иванович обреченно протянул руку и взял бумагу. Там было указано, что жалоба гражданки Бумажкиной на действия неустановленных лиц еврейской национальности переправляется районному прокурору, поскольку транспортная прокуратура осуществляет надзор только за зарегистрированными в установленном порядке гражданскими воздушными судами, а игрушечные вертолеты – прерогатива районной прокуратуры. На обороте документа была нарисована рожица с рожками и карандашом написано: «Иваныч, с днем рождения, дорогой. Буду не в 18.00, как договаривались, а в 19.30. Раньше тебе не освободиться». Заместитель транспортного прокурора Демин тоже был весьма опытным прокурорским работником.

Результаты труда

Отношения с новым начальником отдела у следователя Иванова не сложились с первого дня. Он так любил начальника старого, что не мог и не хотел терпеть никого в его кабинете. Старый начальник работал в этой конторе лет 25, из них 15 был вначале заместителем прокурора по следствию, потом руководителем следственного отдела. Он был отличным профессионалом и таким же человеком, но в современные условия следствия уже не вписывался: был тягуч, ворчлив, имел по каждому вопросу свое мнение да к тому же последние несколько лет страдал от разных болячек. Начальнику управления не нравился его независимый характер, не устраивали постоянное ворчание и споры, поэтому старый начальник отдела давно являлся первым кандидатом на увольнение. Начальник управления искал подходящий повод. Искал, но так и не успел найти. Старый начальник ушел сам, причем так далеко, что там бы его не смог достать даже сам председатель следственного комитета. Он просто однажды не пришел на работу, а когда удалось дозвониться к нему домой, жена сказала, что он тихо умер во сне от инфаркта. Его хоронили всем отделом, говорили всякие хорошие слова, многие плакали. Следователь Иванов не плакал: он был самым взрослым и опытным в этом отделе, а кроме того, работа давно приучила его к смертям и сделала немного фаталистом.

И вот в кабинете старого любимого начальника теперь каждый день работал новый человек. Новый начальник был одного возраста и звания с Ивановым, но имел перед ним одно преимущество: он был сыном или внуком какого-то крупного работника прокуратуры. К сожалению, ума это родство не добавляло, а добавляло лишь апломба, непонятной чванливости и машину иностранного производства – из разряда таких, которые Иванов видел припаркованными у стен одного из банков, где не так давно он проводил обыск. Обстановка в кабинете тоже кардинально поменялась. Репродукцию картины «Бурлаки на Волге» сменил портрет президента в позолоченной раме, коллекцию пивных этикеток – настенный календарь с надписью ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ, а большую чайную кружку с надписью «BOSS» – набор из шести серебряных подстаканников и шести новеньких граненых стаканов. Кроме того, в кабинете появились новое окно со стеклопакетом, новые жалюзи и блестящий серебристый кондиционер.

Новый начальник сразу же объявил всем сотрудникам, что и работать они теперь будут по-новому, а также озвучил требования, которыми отныне нужно руководствоваться: костюм с галстуком вместо прежде разрешенных джинсов и свитеров, отсутствие щетины и обязательная явка на все совещания с блокнотом и ручкой, чтобы записывать за начальством ценные мысли. На довольно культурный вопрос Иванова, нельзя ли просто запоминать ценные мысли и приходить на совещание без блокнота, так как он, Иванов, не страдает плохой памятью, начальник отреагировал в сугубо некультурной форме, в связи с чем стало понятно, что каких-либо возражений он не потерпит.

Изучение дел перед согласованием обвинительного заключения теперь тоже происходило по-новому. Если старый начальник всегда возвращал дело с массой закладок, на которых немного корявым почерком было указано, что нужно доделать или исправить, то новый просто спрашивал: «Признается?» Если обвиняемый признавался, то обвинительное заключение подписывалось тут же и без вопросов. Если же ответ на вопрос был отрицательным, то задавался следующий вопрос: «Косяков точно нет?» – и после получения ответа, что, конечно же, их нет, следовала фраза: «Смотри у меня, три шкуры спуцу, если что», – а уже затем обвинительное подписывалось. Еще через месяц новый начальник и вовсе переложил бремя изучения уголовных дел на вновь назначенного следователя, который являлся его, начальника, знакомым по прежней работе. Этому же следователю нужно было относить на согласование все другие документы, требующие подписи начальника, и уже он сам после согласования носил их для подписания руководителю. От расследования уголовных дел и проведения проверок этот следователь, конечно же, был освобожден, то есть нагрузка для других следователей увеличилась.

А спустя два месяца с момента назначения на должность новый начальник через своего следователя-ординарца вызвал к себе в кабинет двух самых опытных следователей, среди которых был и Иванов, и сказал, что он работает уже два месяца, все это время присматривался к их работе, но не чувствует для себя никакой отдачи. Следователи поначалу не поняли, о чем идет речь, но начальник был прямолинеен и пояснил, что у них в производстве имеется много материалов проверок и

принятие решений по этим материалам должно зависеть от выполнения лицами, проходящими по материалам, своих финансовых обязательств. Если обязательства выполняются, то должно приниматься решение, устраивающее это лицо, ну а если консенсуса не удастся достичь, то уж, извините, придется договариваться с другим заинтересованным лицом по этому же материалу. Иванов был тоже человеком прямолинейным, а потому спросил: «Взятки, что ли, мне брать предлагаете?» Начальник перекрестился, попросил не выражаться в его кабинете нехорошими словами и сказал, что он имел в виду не взятки, а обычную материальную помощь, которая, и это он подчеркивает особо, желательно должна выражаться в иностранной валюте. Кроме того, он, начальник, предоставляет им, следователям, полную свободу в принятии решений по материалам, но уже в конце этого месяца ему хотелось бы лицезреть в ящике своего стола первые результаты их совместной деятельности на общее благо отдела и личное благо каждого конкретного сотрудника. Иванов выслушал все это с непроницаемым выражением лица, после чего спокойно встал со стула, придвинул его к столу и со словами: «Я таким вещам не обучен», – вышел из кабинета. Другой опытный следователь в кабинете почему-то остался и, посмотрев Иванову вслед, чуть слышно прошептал: «Дурак».

На следующий день, когда Иванов опоздал на 5 минут на работу, начальник составил рапорт об опоздании и направил его в следственное управление города для объявления следователю замечания. Еще через неделю следователь-ординарец сказал, что начальник поручил ему изучить все дела Иванова на предмет наличия волокиты.

Естественно, волокита была выявлена, ведь ее при желании можно найти в любом уголовном деле. В результате к концу месяца Иванов имел на руках объявленное ему приказом руководителя следственного управления города замечание, а также был депремирован по итогам квартала на сто процентов в связи с выявленной волокитой по делам.

Прошло еще три недели. Репрессии начальника не прекращались, и вчера в конце рабочего дня Иванов робко постучал к нему в кабинет, после чего, получив разрешение войти, пояснил, что он пересмотрел свое отношение к работе. Начальник довольно улыбнулся, сказал, что его предложение в силе и он ожидает увидеть конкретные результаты следовательского труда у себя в верхнем ящике тумбочки в конце месяца. Иванов сказал, что можно и не ожидать конца месяца и он готов предоставить результаты уже завтра. Начальник был весьма доволен и даже благосклонно напоил Иванова чаем, но в конце разговора напомнил, что завтра суббота, а потому следователь может взять ключи на вахте охраны, ну а где оставить результаты труда в иностранном (неприменно, непременно в иностранном!) эквиваленте, Иванов и так уже знает.

В этот субботний, а потому выходной день Иванов пришел на работу к 10 часам и сразу же взял на вахте два ключа. Один от кабинета начальника, а второй от комнаты вещественных доказательств. В комнате вещественных доказательств он взял два пухлых белых конверта. На одном было написано: «уголовное дело №82705, трупы потерпевшей Галкиной, изъятые в ходе осмотра места происшествия», а на втором – «уголовное дело №82713,

объект экспертного исследования — ногти и подногтевое содержимое с пальцев рук подозреваемого Оганесяна». Иванов отнес конверты в кабинет к начальнику, взял ручку и на обоих конвертах поверх других надписей написал: «результаты следовательского труда». Затем он немного подумал и чуть ниже написал уже латиницей: «Rezultaty Sledovatel'skogo Truda». Английским языком Иванов владел плохо. Он положил два пухлых белых конверта в ящик стола, задвинул ящик, после чего вышел из кабинета, предварительно закрыв дверь на ключ.

После этого Иванов зашел в свой кабинет, сел за компьютер, напечатал слово «рапорт», немного посидел с закрытыми глазами, закурил сигарету и продолжил текст словами: «прошу уволить меня по собственному желанию». Поставив точку, он откинулся на кресле и включил на полную громкость старую, но от этого не менее любимую песню «Время менять имена» группы «Алиса». Начинаясь новый этап его жизни.

Аттикус Финч

Молодой начинающий адвокат Миронов с сожалением захлопнул потертую книгу, которую только что дочитал до конца. Сегодня был выходной день, а потому он мог позволить себе без ущерба для завтрашней работы почитать перед сном хорошую художественную литературу. Прочитанная им книга называлась «Убить пересмешника». В ней рассказывалось о немолодом американском адвокате Аттикусе Финче, который из чувства сострадания принял на себя защиту чернокожего, несправедливо обвиненного в изнасиловании белой женщины. Аттикус в ходе этого процесса превзошел самого себя, но так уж случилось, что он проиграл. Расовые предрассудки были в тот период так сильны, что белокожие присяжные не смогли оправдать чернокожего: тот был приговорен к смертной казни и в дальнейшем погиб при попытке побега. Это была очень известная книга, и Миронов сам не знал, как он раньше упустил ее из виду. Но однажды, случайно обнаружив книгу на полке в шкафу родительской квартиры, Миронов так и не выпустил ее из рук, пока не дочитал до конца.

И вот роман был прочитан, но то послевкусие, за которое все мы и любим по-настоящему хорошие книги, еще оставалось. Миронов мысленно еще соперничал адвокату Аттикусу Финчу и думал о том, что он, Миронов,

хотел бы хотя бы немного приблизиться к этому адвокату – как по уровню юридического мастерства, так и по человеческим качествам. Да, Аттикус Финч был настоящим адвокатом и настоящим человеком. Впрочем, время было уже позднее, завтра Миронову предстоял ранний подъем, ведь ему необходимо было ехать в областной суд – там будет рассматриваться дело об убийстве, и это первое в его жизни уголовное дело с участием коллегии присяжных, где Миронов был адвокатом. Он немного боялся неизвестности и переживал за то, как пройдет этот процесс.

С этими мыслями Миронов закрыл глаза и вскоре заснул. Ему снился сон. Разнообразные сны снились ему в последнее время часто, но этот был все же не совсем обычным, а еще очень четким, из разряда таких, о которых на следующее утро после пробуждения думаешь – случилось ли все увиденное во сне или все-таки наяву. Миронову снилось, что его зовут не Миронов, а адвокат Аттикус Финч, и именно он, адвокат Аттикус Финч, принял на себя поручение о защите по делу об убийстве, рассматриваемом в областном суде с участием присяжных.

Миронов-Финч был блестящим адвокатом, имел за плечами большой опыт выступлений в судах присяжных и несколько оправдательных приговоров. Но это дело все-таки изначально выглядело как трудное. Известный политический деятель обвинялся в том, что якобы в конце 90-х годов руководил преступной группой, участники которой совершили несколько заказных убийств. Некоторые участники группировки, являвшиеся исполнителями убийств, признавали свою вину и уже в рамках

соглашений о сотрудничестве получили относительно мягкие, но все же обвинительные приговоры. В своих показаниях исполнители уверенно называли организатором преступлений политического деятеля, но утверждали при этом, что напрямую с этим политическим деятелем не общались, а получали указания от посредника, допросить которого не представлялось возможным, поскольку он к моменту начала следствия был давно мертв. Иных доказательств причастности политического деятеля к убийству не было, впрочем, ни прокуратуру, ни осуществлявших оперативное сопровождение по делу сотрудников ФСБ, ни многочисленных журналистов, всю клеймивших в своих публикациях и телевизионных репортажах «короля преступного мира, скрывавшегося под личиной политика», это нисколько не смущало.

Не всегда, даже в нашей стране, между словами «политический деятель» и «состоятельный человек» можно поставить знак равенства. Этот политический деятель был честен, небогат и возможности оплатить работу адвоката Миронова-Финча не имел. Миронова-Финча это не смущало. Он почему-то сразу и безоговорочно поверил политическому деятелю. Кроме того, у адвоката и политического деятеля имелись общие друзья, в связи с чем Миронов-Финч не мог отказать в помощи обратившемуся к нему человеку. Защита мужчины, в невиновность которого он верил, была его долгом, и, несмотря на довольно затруднительное материальное положение, он не мог бросить это дело.

К середине процесса адвокат Миронов-Финч уже понимал, что это дело не просто тяжелое, а объективно самое тяжелое в его жизни. Миронов-Финч все-таки, невзирая

на весь свой опыт, был адвокатом американским, а значит, возвращенным в комфортных условиях тамошнего, а не сурового российского судопроизводства.

Судья... При одной только мысли об этом человеке у Миронова-Финча непроизвольно сжимались кулаки, краснело лицо и хотелось громко ругаться матом одновременно на русском и английском языках. Этот судья был кем угодно, но только не судьей. Следователем, прокурором, палачом, наконец, но никак не судьей. Маленький безликий человек лез из кожи вон с одной целью: опозорить, очернить, высмеять перед присяжными адвоката и его подзащитного, не дать защите представить присяжным свою версию событий и доказательства невиновности подсудимого. Этот маленький человек с удовольствием кричал на адвоката, обрывал того на полуслове, грозил удалением из зала и с таким же удовольствием качал головой в такт всем, даже самым нелепым, словам прокурора. В общем, в этом процессе Миронов-Финч был вынужден бороться не только с обвинением, как он привык, но и с судом, что для него было в новинку. Кроме того, эта борьба сразу велась не на равных условиях, ведь в кармане у представителя правосудия имелся последний патрон в виде удаления адвоката из процесса. Всегда сдержанный и вежливый, адвокат здесь был близок к тому, чтобы терпение потерять и швырнуть в ненавистного судью тяжелым томом Уголовного кодекса с комментариями. Был близок, но все же сдерживался. Он понимал, что любой резкий шаг с его стороны вызовет ответную реакцию судьи, который выжидает удобного момента с целью удалить его из процесса.

Видели ли все это присяжные? Понимали ли, что происходит? У адвоката Миронова-Финча никогда не

было ответов на эти вопросы. Он никогда раньше до процесса не видел этих людей с непроницаемыми лицами, сидевших чуть сбоку от него, не знал, кто они, чем живут, о чем думают. Все, что он знал об этих людях, — это то, что одного из них зовут №1, другого №2, третьего №3 и так далее — до №12. Еще он знал, что уже скоро эти люди будут решать в совещательной комнате судьбу его клиента, невиновного человека. Впрочем, было еще кое-что, чего он до конца не знал, но во что ему до ломоты в зубах верилось. Он верил, не мог не верить в то, что присяжные будут беспристрастны и оправдают того, кого он в этот раз взялся защищать. Подзащитному же вообще ничего, кроме веры, не оставалось. Подсудимый жил этой верой, потому что знал, что, если присяжные вынесут обвинительный вердикт, его ждет ПЖ, или на языке арестантов — пожизненное лишение свободы.

И вот настал долгожданный день судебных прений. Адвокат Миронов-Финч был давно готов к этому дню. Нет, у него, когда он вышел к трибуне, не было написанной на бумажке речи. Слова его лились изнутри безо всякого затруднения или какой-либо запинки, и слова эти били версию обвинения весьма болезненно. Он начал с краткого анализа представленных стороной обвинения доказательств, однако завершить выступление в прениях ему так и не удалось. Уже на третьем предложении судья стал перебивать его, требуя прекратить порочить позицию стороны обвинения и поскорее переходить к существу прений. За возражения о том, что суть прений и заключается в критике позиции противоположной стороны, адвокату было объявлено первое замечание. Второе замечание судья объявил ему за

чрезмерную жестикуляцию. После третьего замечания адвокат Миронов-Финч был удален из зала судебного заседания, так и не успев завершить свое блестящее выступление. Что происходило в прениях дальше, он уже не видел, а только через несколько минут услышал громко выкрикнутое подсудимым слово «сволочь» и затем наблюдал, как конвой выводит его подзащитного из зала судебного заседания. Подсудимый был тоже удален из зала судебного заседания за оскорбление судьи. Выступление театра одного актера, в котором солировал судья, можно было признать успешным. Процесс был проигран, и Миронов-Финч понимал это. Не выступить в прениях, не иметь возможности донести свою позицию до присяжных, не представить по воле судьи ни одного доказательства защиты – это было не просто поражение, это был разгром. Оставалось утешать себя только тем, что это был не американский суд, и в этих условиях он сделал все, что мог.

На следующий день адвокат Миронов-Финч обнимал своего плачущего подзащитного, только что освобожденного из-под стражи, и кричал вместе с ним в один голос про чудо, совершенное вопреки всему простыми людьми. Оправдали! Единогласно! Все 12 человек проголосовали за невиновность! Он посмотрел на присяжных. Все они улыбались. Это были улыбки усталых, замученных, но таких настоящих людей. Людей, которые только что совершили очень важный и правильный поступок и которые гордились этим поступком. Адвокат Миронов-Финч улыбнулся присяжным в ответ и показал им два пальца в форме латинской буквы «V». Виктория! Однако расслабляться было рано.

Впереди наверняка ждало разбирательство в Верховном суде, где оправдательный приговор еще могли отменить, а также новое дело в отношении политического деятеля, возбужденное за сгоряча брошенное в адрес судьи слово «сволочь». Надо сказать, что впервые в жизни всегда спокойный и корректный адвокат Миронов-Финч был согласен со столь грубой характеристикой в адрес судьи и даже позволил себе несколько раз пропеть это слово про себя: «Сволочь! Сволочь! Сволочь!» Очередной рабочий день адвоката Миронова-Финча заканчивался. Можно было просыпаться.

Утром молодой адвокат Миронов проснулся в хорошем расположении духа. Сегодня ему предстояло в первый раз выступать в суде присяжных. Но теперь он не боялся областного суда и своего выступления с напутственным словом перед присяжными. Да, к сожалению, он был всего лишь адвокат Миронов, а не Аттикус Финч, но он уже знал, как в этом процессе будут проходить судебные заседания, и был к этому готов.

Плевок

Прокурор отдела Генеральной прокуратуры РФ Максим Алексеевич Ермаков готовился к своему первому в жизни личному приему. Он был достаточно опытным сотрудником и в общей сложности отдал прокуратуре уже 7 лет жизни, но опыта аппаратной работы и тем более приема граждан не имел, а потому слегка волновался. В Генеральной прокуратуре Ермаков работал всего 2 месяца. До начала приема работница канцелярии передала Ермакову 4 пухлых тома надзорного производства по жалобам заявителя. Фамилия заявителя была Моршанский.

Как ни бился Ермаков с изучением переданных ему материалов, но до конца понять суть проблем Моршанского ему так и не удалось. Все, что для себя уяснил перед приемом Ермаков, это то, что Моршанский — очевидно, человек пожилой, жалуется уже года три, каждая его жалоба начинается со слов «Ветеран труда, почетный инженер уже третий год находится в плену ложных обвинений коррумпированных сотрудников МВД» и состоит из не менее чем 7 листов текста, написанного убористым, но плохо разборчивым почерком. Как удалось установить Ермакову, три года назад у Моршанского случился некий дорожный конфликт с двумя сотрудниками МВД, которые посчитали, что

ветеран труда слишком медленно ехал, обогнали и подрезали автомобиль последнего на своем «лексусе», после чего нацарапали на капоте автомобиля гвоздем бранное слово. Моршанский подал заявление о возбуждении уголовного дела по факту повреждения автомобиля, но следователь признаков преступления не усмотрел — полицейские все отрицали, а других очевидцев якобы установлено не было. Потерпевший начал жаловаться и постепенно дошел до обвинений не только в адрес сотрудников МВД, но и всех должностных лиц Следственного комитета и прокуратуры, а в последних жалобах и вовсе начал рассказывать о других неприятностях, случавшихся в его жизни будто бы по вине должностных лиц. Должностные лица мочились у Моршанского в лифте, воровали газеты из почтового ящика, устраивали за ним слежку. В общем, это был самый обычный синдром сутяжника, осложненный преклонным возрастом и, вероятно, наложившимся на него расстройством психики.

Впрочем, Ермаков всего этого пока не понимал. Он был в том относительно молодом возрасте, когда ему еще хотелось помогать другим людям. С этими помыслами Ермаков в свое время 7 лет назад пришел на работу в прокуратуру, и, несмотря на достаточно солидный стаж, эти идеалы утратить еще не успел.

Вот и сейчас более опытный сосед Ермакова по кабинету убеждал его не относиться к этому личному приему так серьезно: «Я этого психа хорошо знаю. Он конкретно чокнутый. Принимай от него жалобу, расписывайся и беги оттуда, а то придется выслушивать его ересь полтора часа». Ермаков, однако, слушал

соседа вполуха, поскольку все еще был занят изучением надзорного производства. Ему хотелось на приеме выглядеть компетентным сотрудником, полноценно владеть материалом и быть готовым дать заявителю все требующиеся разъяснения.

Прием тем не менее сложился крайне неудачно. Моршанский находился в состоянии сильнейшего возбуждения, никак не хотел успокоиться и сразу начал разговор с криком. Он потребовал предоставить письменный ответ на его заявление о возбуждении уголовного дела в отношении другого прокурора отдела Генеральной прокуратуры, который является участником одной с полицейскими преступной группы и из-за этого их покрывает. Узнав, что ответ согласно материалам надзорного производства отправлен ему почтой два месяца назад, Моршанский стал кричать еще больше: ответа он почему-то не получил. Ермакову было грустно смотреть на это действо. Он представлял себе совсем другого, прежнего Моршанского, которым тот наверняка был лет так десять или пятнадцать назад: культурный, спокойный инженер-труженик, копавшийся в своих чертежах. На последние деньги купил себе старенький «москвич» и – на тебе, встретился с наглецами на дороге. Если бы тогда, три года назад, кто-то отнесся к этой ситуации чуть внимательнее, глядишь, и не выкрикивал бы Моршанский все эти безумные слова и не ходил бы сейчас, в ноябре, на прием в официальное учреждение в шортах.

– Кстати, а почему вы в шортах? – спросил Ермаков.

– Денег на новые штаны нет, все вам, коррупционерам, на взятки ушло, – прошипел в ответ Моршанский.

– Вопросов больше не имею. Давайте вашу жалобу, я распишусь на копии. Обещаю вам, что обязательно постараюсь разобраться в вашей проблеме. Приходите на прием ровно через месяц; я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь, – так Ермаков попрощался с заявителем.

Моршанского, впрочем, это не особенно удовлетворило, поскольку он в ответ буркнул: «Лучше ответ мне по действиям вашего дружка-прокурора найдите», – и ушел не попрощавшись.

Весь следующий месяц Ермаков крутился как белка в колесе, желая разобраться в ситуации, связанной с дорожным конфликтом. Не сразу, но ему это удалось. Во-первых, он, несмотря на скептические реплики коллег по отделу и недоуменные вопросы начальника, затребовал из районного следственного отдела для изучения материал по заявлению Моршанского. Во-вторых, он этот материал от корки до корки изучил и пришел к выводу, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела надо было отменять: материал был совсем сырой и какая-либо реальная проверка вообще не проводилась. В-третьих, и это было самое главное, Ермаков нашел реальных очевидцев конфликтной ситуации, которые видели, как один мужчина держал Моршанского за руки, а другой в это время рисовал на капоте гвоздем бранное слово. Помог Ермакову в этом банальный поиск в Интернете. Подготовив и подписав у начальника разгромное постановление об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела, указав в нем на необходимость опроса очевидцев и фактически сделав в постановлении вывод о наличии в

действиях полицейских состава преступления, Ермаков не успокоился. Ему захотелось отыскать следователя, который тогда, три года назад, столь безразлично отнесся к заявлению Моршанского.

Следователь еще работал в Следственном комитете, но теперь уже не в районном отделе, а в городском управлении, и вроде как даже был там на хорошем счету.

– Моршанский, Моршанский... Что-то не помню такого... А, сумасшедший дедок, которому менты капот изуродовали? Да, был такой. Ну, отказал ему. А кто бы не отказал? У него же на лице «шизофрения» написано. Каких еще очевидцев искать? Делать мне, что ли, нечего – с капотом гнилого «москвича» разбираться? У меня на тот момент было пять дел об убийствах и 15 материалов проверок, – вот и все, чего удалось добиться Ермакову от этого следователя.

В день очередного личного приема у Ермакова было приподнятое настроение. Он представлял, как вручит Моршанскому копию постановления об отмене незаконного решения. Конечно же, Моршанский станет протягивать ему руку, а может быть, даже полезет обниматься, но он будет вести себя сдержанно и просто скажет: «Не надо благодарностей. Это моя работа».

Однако в жизни, к сожалению, часто все происходит совсем не так, как мы предполагаем. Копию решения Моршанский, конечно, взял, но, даже не взглянув на документ, принялся кричать на Ермакова: «Взяточник! Коррупционер! Я же спрашиваю тебя – где мой ответ по жалобе на твоего дружка?» – после чего вдруг плюнул Ермакову в лицо, потом попытался ударить его ногой, но поскользнулся и упал на пол, продолжая кричать

даже из положения лежа. Ермаков вытер слюну с лица, сказал «спасибо за благодарность» и, не попрощавшись, вышел из комнаты для личного приема граждан.

...В этот день он впервые задумался о том, что его работа, возможно, никому не нужна, не приносит людям никакой реальной пользы, а прокуратура вовсе и не является его призванием.

Ермаков становился опытным прокурором отдела...

Меркантильный «кю»

— За что? За что? Почему вы надо мной издеваетесь? Что я вам сделал? — яростно выкрикивал в лицо следователю следственного управления при УВД одного из московских округов Князькову бывший генеральный директор небольшого НИИ.

— Будет вам шуметь, уважаемый Михаил Михайлович. Мне вы не сделали ровно ничего, — вещал в ответ Князьков, — но послушайте, я вам поражаюсь. Как? Ну как можно быть таким меркантильным «кю»? Ведь к вам, кажется, на днях сюда же, в изолятор, приходили уважаемые люди, объясняли все позиции. Позиции эти согласованы. Вы сами прекрасно знаете, где и с кем. И тем не менее продолжаете упорствовать. Вам предлагается маленький гешефт. Вы ведь хотите свободы? Хотите — я же вижу. У вас ребенок маленький. А сами знаете кто хочет немножко ваших акций. Подпишите передаточное распоряжение, подпишите — и вам зачтется. Жадность, знаете ли, никого еще до добра не доводила. Это я вам как опытный специалист в этом вопросе говорю.

Михаил Михайлович полубезумным взглядом посмотрел вначале на следователя, потом на лежавшее перед ним передаточное распоряжение, потом снова на следователя — и вдруг резко схватил документ со стола,

разорвал на мелкие кусочки и швырнул их в лицо Князькову: «Мерзавец! Мерзавец! Будь же ты проклят!»

Князьков чуть разочарованно вздохнул, встал со стула, спокойно подобрал с пола каждый обрывок передаточного распоряжения и сказал: «Ну что же, уважаемый Михаил Михайлович, мне искренне жаль, что вы являетесь столь корыстным и недалёковидным человеком. Я буду вынужден доложить о нашем разговоре сами знаете кому. В любом случае совершенно искренне желаю вам удачи. Постарайтесь сильно не грустить там, куда вас придется направить. В Мордовии тоскливо, очень тоскливо, поверьте. Ну да ладно! Поздравьте меня. Это последний наш с вами разговор. Я больше не буду расследовать ваше дело: меня повышают. Еще раз удачи», — с этими словами он протянул обвиняемому свою руку.

Михаил Михайлович увернулся от рукопожатия, смеялся Князькова полным презрения взглядом и сказал: «Какое же ты дерьмо, Князьков».

Князькова это не смутило. Его вообще трудно было чем-либо смутить: «Знаю, Михаил Михайлович, знаю. Ну, прощайте», — сказал он напоследок и вышел из следственного изолятора.

Он сел в свой довольно свежий трехлетний «лексус» и поехал в направлении ресторана, где у него уже была назначена встреча с одним из знакомых. Стромынка, как всегда, стояла. Князьков привычно выехал на встречную полосу и поехал по ней, разгоняя машины морганием дальнего света и резкими недовольными гудками. Параллельно он успевал просматривать сообщения в своем айфоне и громко, но фальшиво подпевать голосу из динамика, призывавшему почему-то не «прогибаться

под изменчивый мир». Князьков не любил ни этого исполнителя, ни тех, кто не прогибается. Он считал, что именно гибкость является секретом успеха в наши суровые времена, но сейчас настроение у него было столь хорошим, что он готов был подпевать и пританцовывать под любую песню. Завтра, уже завтра он уходил на новую должность заместителя начальника следственной части в другой округ. Это должность сулила ему новые, весьма заманчивые перспективы. Давно хотелось обновить «лексус» и купить себе что-нибудь попримечательнее, да и квартира в одном из спальных районов, купленная всего два года назад, уже перестала его устраивать.

Внезапно Князьков резко нажал на тормоз. Кто-то на встречной полосе не пожелал уступить ему дорогу и в ответ на его настойчивые гудки нервно загудел в ответ. Князьков вышел из машины. Из перегородившей ему дорогу иномарки вышел молодой человек, примерно одного возраста с Князьковым, и сразу начал что-то агрессивно выкрикивать, размахивая при этом руками. Князьков был спокоен. Он всегда был спокоен. Он подошел к молодому человеку вплотную, достал из левого внутреннего кармана пальто красную корочку, раскрыл ее и сказал: «Молодой человек, не надо так нервничать, не будьте таким агрессивным «кю». Вы же видите: перед вами сотрудник полиции при исполнении своих служебных обязанностей. Прошу вас уступить мне дорогу и прекратить агрессию в мой адрес. В противном случае я буду вынужден вызвать на место происшествия наряд и сообщить, что вы не подчиняетесь законным требованиям сотрудника полиции».

Молодой человек, посмотрев на удостоверение, как-то сник: проблем с властями ему явно не хотелось. Недавно

его другу, точно так же не уступившему дорогу какому-то важному чиновнику, подбросили в бардачок наркотики, и теперь этот друг четвертый месяц писал жалобы из следственного изолятора на сфабрикованное уголовное дело. Он пробормотал что-то вроде: «Извини, командир, не признал», — после чего быстро сел за руль, перестроился в правый ряд и уехал. Отъехав на безопасное расстояние, он выкрикнул в тишину салона своего автомобиля: «Будь ты проклят, мент», — и зачем-то три раза нервно нажал на клаксон. Князьков, впрочем, этого не услышал, поскольку уже вновь мчался по встречной полосе по направлению к ресторану.

В ресторане он только-только отобедал стейком средней прожарки и как раз наслаждался чашкой ароматного капучино, когда появился тот человек, которого он ожидал. Князьков встал мужчине навстречу и обнял пришедшего: «Ну, здравствуй, дорогой, заставляешь себя ждать».

Это был его старинный школьный товарищ. Они не виделись со школы, но на днях товарищ сам позвонил и попросил о встрече. У него случилась беда: жену, главного бухгалтера небольшой фирмы, вместе с генеральным директором задержали по подозрению в мошенничестве. Единственным человеком, к которому мужчина мог обратиться за помощью, был Князьков.

Князьков сразу же перешел к сути проблемы: «Слушай, я поговорил с уважаемыми людьми. Там в принципе к твоей особых вопросов нет. Все ее проблемы из-за генерального, который чего-то там недопонял, когда ему объясняли. В общем, от нее нужно сейчас дать показания, какие именно — ей скажут, ну и тридцаточку евро ребятам за труды.

Школьный товарищ был явно подавлен.

— Тридцаточку? Но у нас нет такой суммы!

— Слушай, ну нельзя же быть таким меркантильным «кю». Это ведь твой самый близкий человек, а ты здесь какую-то торговлю начинаешь. И потом я не в материале, чего со мной это обсуждать. Ты попросил узнать — я узнал, — спокойно отхлебывая кофе, объяснял Князьков. — Кстати, тридцаточка только за освобождение. По прекращению там другие условия, как мне пояснили. Надо сделать первый шаг и дальше двигаться по направлению друг к другу. Стэп бай стэп, как говорится.

— Ну хорошо, хорошо, я буду думать. Может, родители помогут. А гарантии есть?

— Послушай, если тебе слово твоего школьного друга не гарантия, то я уже не знаю. Старик, нельзя, нельзя не доверять друзьям. Школьная дружба — это дело святое. Если уж мы друг другу верить не будем... В конце концов, думай не об этом, а о том, что любимый человек сейчас в тюрьме гниет.

— Хорошо, буду искать деньги. Как найду — позвоню.

— Давай, старик. Но знай, что с той стороны ребята жесткие, долго ждать не любят. Ну, бывай, я побежал. Родина зовет, поеду законность защищать. Был рад встрече. Заплатишь за меня? А то налички с собой нет.

Они обнялись и попрощались. Когда Князьков ушел, его школьный товарищ еще долго сидел за столиком в одиночестве, обхватив руками голову, и беспрестанно бормотал: «Мерзавец, мерзавец, будь ты проклят».

Князьков же тем временем уже спешил в своем «лексусе» на работу: государственная служба ждала его. О встрече с одноклассником он не вспоминал, поскольку

был уверен, что тот найдет деньги и через несколько дней позвонит, а значит, его, Князькова, третья часть от «тридцаточки» сама скоро упадет в руки.

Князьков не знал и не мог знать, что прямо в этом момент некие силы, которые верующие люди обычно называют высшими, а неверующие никак не называют, потому что в их существование не верят, — решали его, Князькова, судьбу. Выглядело это, впрочем, совсем не как совет неких высших сил, а как самый обычный земной суд.

Обвинитель горячился, озвучивая перечень поступивших в отношении Князькова проклятий.

— Три проклятия за один день, а всего тринадцать за месяц. Более того, количество проклятий за последнее время катастрофически возросло и имеются опасения — с учетом избранного подсудимым пути, — что в дальнейшем это количество будет только возрастать.

— Хорошо. И что вы предлагаете? — спросил тот, кто председательствовал на этом процессе.

— Вы знаете, что я предлагаю, — ответил обвинитель. — Полумерами здесь, к сожалению, не обойтись.

— Что скажет защитник? — с некоторой надеждой спросил председательствующий.

— У защиты нет аргументов, поэтому оставляю решение на Ваше усмотрение.

— Опять на мое усмотрение. Вы же знаете, что я не люблю карать, тем более так жестоко карать. А вам бы все время только вмешиваться, наказывать, карать! Оставьте проект приговора и идите. Мне надо подумать.

После того как все ушли, председательствующий остался наедине с проектом приговора. Он несколько

раз брал в руку ручку, потом опять откладывал ее в сторону и наконец внезапно решился, быстро подписал документ, хлопнул в ладоши — и тут же подписанный им приговор исчез.

...Прошло три года. Начальник полицейского следственного управления одного из округов Москвы по фамилии Князьков отмечал новоселье в только что построенном им шикарном особняке в ближайшем Подмосковье. Гостей было много, все они были людьми успешными, состоятельными, а главное — полезными, и потому Князьков был весьма доволен тем, как проходит праздник. Особенно Князьков был доволен, что праздник посетил один очень высокопоставленный чиновник, которому Князьков и был обязан своей должностью и которого называл не иначе как старший товарищ.

В какой-то момент Князьков взял со стола еще один бокал, наполнил его дорогим испанским вином и подошел к старшему товарищу: «Можно выпить с вами наедине?»

Собеседник был не против. С бокалами в руках они прошли в бильярдную, где их разговору никто не мог помешать.

— Семен Михайлович, хотел с вами посоветоваться как со старшим товарищем, — начал Князьков. — Были тут с женой у врача, думали ребенка завести. Так вот, не будет у нас детей, никогда не будет, бесплодный я. И что-то как-то запереживал я, задумался. Неприятно на душе, гнило совсем, даже вот дому новому не могу радоваться.

— Слушай, не будь ты таким тревожным «кю». Аппарат ведь твой работает как надо, а дети... Ну что — дети? У меня вот их тоже нет и не будет. Будь ты уже современным человеком. Развел здесь, понимаешь, сопли какие-то.

Дети, блин. Ты еще о нуждах человечества задумайся. Живи себе и радуйся, вон домину какую отгрохал. Кстати, есть тема одна по твоей территории, человечка одного нужно прикрыть. Заодно и на домик для прислуги заработок будет. Люди там серьезные обращаются. Сможешь помочь?

Князьков посмотрел на икону в золотой раме, висевшую над бильярдным столом, три раза перекрестился и сказал: «Действительно, чего это я грузюсь? Конечно, помогу, Семен Михайлович, уважаемый, с Божьей помощью всегда вам помогать буду, а Боженька за это мне поможет».

Сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был следователь. И звали его Иван. Фамилия у Ивана была Иванов, а отчество – Иванович. Иван Иванович Иванов был следователем неплохим, но в целом неудачливым. Три года проработал он в одном и том же отделе, но повышения в должности так и не получил. Другие следователи становились старшими, потом уходили на повышение в следственное управление, а Иван так и оставался простым следователем районного отдела. Не было у Ивана ни папы – прокурора субъекта, ни дяди – заместителя председателя суда, ни даже дедушки – почетного работника Комитета государственной безопасности.

Родители у Ивана давно умерли, и жил он с одной лишь старенькой бабушкой, которая Ивана очень любила и заботилась о нем.

Так и работал Иван в своем следственном отделе, расследовал потихоньку уголовные дела, некоторые даже направлял в суд – в общем, тянул себе честно свою следственную лямку. Работал он себе, работал, увольняться не думал, да вот пришла беда, откуда не ждали. Захватили власть в следственном управлении злые-презлые люди – выходцы из другого следственного управления, и стали они насаждать свои злые-презлые порядки, расставили для контроля своих надсмотрщиков и наушников, а всех

несогласных начали наказывать в дисциплинарном порядке да депремировать.

Перво-наперво ввел главный царь-басурманин – начальник управления – правило, что все следователи должны каждый месяц направлять в суд по два дела с носа. Затрещали лбы у следователей и их начальников, но сдюжили, справились с указанием, стали направлять по два дела в суд. Управление тем временем вышло в рейтинге статистики на пятое место во всем царстве-государстве.

Но не унимается царь-басурманин – начальник управления: хочет он быть первым по статистике в царстве-государстве и повелевает, что теперь каждый следователь должен уже не два, а три дела в месяц в суд направлять. Так уж хотелось царю-басурманину к Новому году генералом стать! Тут уж даже самые крепкие следователи не выдержали. Кто поудачливее – перевелись в другие управления, а посмекалистее – так сразу уволились в разные банки да газпромы, ну или хотя бы просто на больничный ушли. Один лишь – горе-Иван не имел ни удачи, ни смекалки расчетливой. Остался он в своем следственном отделе один за всех следователей и за начальника обязанности исполнять. А по штату в отделе было пять следователей. Значит, надо было Ивану по указанию царя-басурманина направить в суд 15 дел, потому как считал царь-басурманин количество направленных в суд дел не как прежний начальник – с учетом реального количества работающих следователей, а просто исходя из имеющихся следственных ставок.

Узнал Иван об этом указании, пригорюнился. Посчитал он количество всех дел у себя в производстве и понял, что их всего-то 15. Даже если без сна и без отдыха работать, не

направить ему столько дел в суд. А тут еще другой враг-прокурор района лютует. «Не подпишу,— говорит,— тебе ни одного дела в суд, пока все постановления об отказе в возбуждении дела и отказные материалы мне не начнешь в срок представлять да не будешь прекращать те дела, на которые я перстом своим боярским указывать буду».

Ну как тут не пригорюниться, когда со всех сторон басурмане давят, а ты один аки перст супротив всей силы басурманской, и нет у тебя ни папы — прокурора субъекта, ни дяди — заместителя председателя суда, ни даже дедушки — почетного работника Комитета государственной безопасности! Пришел Иван домой, заперся в своей комнате, накинул петлю на крюк, где люстра подвешена была, приставил табуретку и — только хотел повеситься, как в комнату бабушка вошла.

— Что это ты, внучок, удумал, чего пригорюнился? — спрашивает Ивана бабуля.

— Нету мне, бабушка, житья на этом свете. Захватили власть в нашем управлении коварные басурмане, жмут, давят, все соки выжимают. Говорят, мол, направь в суд 15 дел в этом месяце. А как же я их направлю, когда у меня их всего 15 в производстве, а некоторые я только вчера и возбудил? Хотел было уволиться — да некуда; и не умею я ничего, только дела расследовать. Вот и решил я Богу душу отдать, может, тогда царя-басурманина самый главный царь-батюшка, тот, что в Москве правит, уволит — и будет хоть другим честным следователям освобождение.

— Эээ, милоч, что удумал. Невелика печаль, 15 дел. Бабушка в свое время, когда ткачихой работала, по 40 костюмов за смену вышивала, и ничего. Ложись-ка ты спать, да выпей перед сном стопочку. Утро вечера мудренее.

А бабуля пока будет думу думать. Завтра за завтраком и поговорим.

Послушался бабушку Иван: выпил стопочку да заснул молодецким сном, как будто и не было у него никакого горя. А наутро за завтраком дает ему бабушка иголку и клубок белых ниток и говорит: «Нитки эти волшебные, возьми их, выложи все свои дела на стол, а поверх дел нитки положи. Глядишь, к концу месяца дела сами собой и сошьются. Сам же и на работу не ходи, ешь-пей-гуляй себе вдоволь. В конце месяца придешь и дела, сшитые волшебными нитками, заберешь».

Посмотрел Иван на бабушку как на умалишенную, да выхода нет — взял нитки с иголкой. Принес он клубочек на работу, выложил все свои пятнадцать дел на стол, положил поверх нитки с иголкой и ушел из кабинета на целый месяц. В конце концов, все равно пропадать — хоть работай, хоть не работай. Месяц Иван на работе не появлялся. Пил-гулял, даже один раз в Пирогово съездил, в водохранилище искупался. К концу месяца поправился Иван лицом, помолодел, посвежел, но пора и на работу идти, смотреть, помогли ли волшебные нитки.

Открыл Иван свой кабинет и обомлел: на столе все пятнадцать дел, уже подшитые, бумажка к бумажке, в новеньких корочках, — ждут-дожидаются, пока их в суд отвезут. Даже подписи прокурора на обвинительных заключениях имеются. Обрадовался Иван, взял со стола все пятнадцать дел, погрузил их в багажник и отвез в суд.

Только недолго радовался Иван. Вызывает его на следующее утро царь-басурманин — начальник управления и говорит: «Молодец, Иван, весь отдел на себе вытянул.

Я тебе за это в отдел еще одну ставку следователя выделяю. Но, пока ставка не заполнена, придется тебе и за этого следователя поработать. Направь-ка ты мне в следующем месяце в суд 18 дел. А не отправишь — я тебя со свету сживу, сгною тебя, будешь ты у меня со строгим выговором вечно жить».

Пригорюнился Иван. Виданое ли дело — 18 дел за месяц в суд направить! У него всего-то в производстве 8 дел и осталось. Где же их взять-то 18, да и расследовать такую махину за месяц ну никак не успеть, даже если новые возбудить.

Приходит Иван к бабушке вечером, рассказывает о своей беде, а она ему: «Не кручинься, прими стопочку да ложись отдыхать, а бабуля будет думать думать».

На утро дает бабушка Ивану шило и говорит: «Вот тебе шило волшебное. Оно само тебе будет дырки в делах делать и дела подшивать, пока ты весь месяц пить-гулять будешь. Выложи ты все свои дела на стол, а поверх них — шило, а сам гуляй себе спокойно, отдыхай. К концу месяца шило само все устроит».

Сказано — сделано. Пришел Иван на работу, выложил все свои 8 дел на стол, а поверх них шило волшебное положил. Поскольку еще 10 дел у Ивана не хватало, достал он из архива 10 всячков, самых дремучих, по которым обвиняемые не были установлены, и тоже на стол положил. Весь месяц Иван развлекался, даже девушку себе нашел. Еще помолодел Иван, поправился, лицом покруглел. В конце месяца приходит он к себе в кабинет. Ай да шило волшебное! Не обманула бабушка. На столе ровно 18 дел, уже подшитых, готовых к отправке в суд лежат, и даже подписи прокурора в обвинительных заключениях

имеются. Обрадовался Иван, погрузил дела в багажник, отвез их в суд.

А на утро опять его к себе начальник управления кличет. Говорит: «Благодарность тебе, Иван, от меня великая. Коли в следующем месяце 25 дел в суд отправишь — будешь ты уже не следователем, а целым начальником отдела. Ну а не отправишь — сгною тебя в помощниках следователя, выговорами обложу и не успокоюсь, пока не уволишься».

Опять закручинился Иван. Где их взять, эти 25 дел? Нету столько дел у него в производстве, и даже с всякими не набрать за весь месяц. Да здесь не просто набрать надо, а еще и в суд направить! А как их отправишь, если по делам еще расследование только началось.

Пришел Иван вечером домой, снова бабушке на судьбу свою, горемычную, жалуется. А бабуля опять за свое: «Не печалься, выпей стопочку, ложись, утро вечера мудренее». На утро дает бабушка Ивану уже не нитки, не шило, а целую дрель — и говорит: «Вот тебе, внучек, дрель. Дрель эта волшебная. Ею еще твой покойный дедушка, почетный строитель, один раз в советские времена за месяц норму в 240 раз перевыполнил. Ты сложи, внучек, все свои дела на стол, положи поверх них дрель, закрой кабинет на ключ, а сам через месяц приходи. Дрель сама с твоими делами разберется».

Послушал Иван бабушку, выполнил, что она советовала. Собрал он все свои дела, сложил их на стол. Туда же навалил и всячков из архива, а поскольку дел все равно не хватало, то еще и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела положил, чтобы ровно 25 папок получилось. Накрыл он всю эту громаду волшебной дрелью

и ушел ровно на месяц. Опять весь месяц пьянствовал-развлекался. Даже в Турцию с новой девушкой на неделю съездил. И вот через месяц приходит Иван на работу, а в кабинете ровно 25 подшитых уголовных дел, готовых к отправке в суд, со всеми подписями – и даже подписями лютого прокурора в обвинительном заключении. Отвез эти дела Иван в суд и хотел было ехать к царю-басурманину за наградой – должностью начальника отдела, да не успел: перевели царя-басурманина на повышение ближе к Москве.

А вместо прежнего царя-басурманина еще хуже лиходея из далеких краев назначили, но это уже другая история. Вот и сказочке конец, а кто слушал – моло...

– Иванов, вы закончили давать показания? – внезапно перебила его судья.

– Да, закончил, – ответил Иванов.

– Тогда поясните суду. Из ваших показаний следует, что все подписи в уголовных делах фальсифицировали не вы, а некие волшебные клубок с нитками, шило и дрель, и делалось все это по наущению вашей бабушки. Я правильно вас поняла?

– Да, ваша честь, вы все поняли правильно.

– В таком случае как вы можете прокомментировать суду тот факт, что ваша бабушка умерла в 1998 году от обширного кровоизлияния в мозг, что следует из справки, приобщенной к материалам дела?

– Ваша честь, это какая-то ошибка. Моя бабушка жива. Она и сейчас находится в зале судебного заседания. Вон, посмотрите на первый ряд.

– Все ясно. С заключением психиатрической судебной экспертизы, согласно выводам которого у вас на фоне

хронической усталости сформировалось болезненное состояние психики, в связи с которым вы не отдавали отчет в своих действиях, не могли руководить ими и в этом состоянии совершили 53 эпизода фальсификаций доказательств по уголовному делу, вы знакомы?

– Да, знаком.

На этом судебное разбирательство было фактически закончено, и следующие 4 года бывший следователь Иванов пребывал на принудительном лечении в психиатрическом стационаре общего типа, где каждый день рассказывал врачам и пациентам одну и ту же сказочную историю. Никто из пациентов не верил в сказки; никто, кроме еще одного бывшего следователя, у которого за два года до этих событий басурманин был начальником отдела и который поэтому знал, что все, что рассказывает Иванов, – до единого слова правда.

Торговля статистикой

30 ноября в кабинете начальника следственного отдела Симкина шла оживленная торговля. О нет, здесь торговали не ставшей внезапно дефицитной в стране гречкой и даже не труднодоступными для простых москвичей французскими сырами. Торговля шла по-крупному: здесь торговали уголовной статистикой. О, статистическая карточка! Любой, самый никудышный опер знает ее истинную цену. Заполучи код своего подразделения в этой карточке — и вот ты, целый месяц ничего не делаая, раскрыл преступление, а значит, выполнил норму, сделал палку. А если ты сделал палку, то ты хороший, правильный сотрудник полиции и имеешь полное право заняться своими делами, то есть ничего не делать дальше. Палки нужны не только операм; их требуют и с дэпээсников, и с пэпээсников, и даже с овощников.

Симкин давно и плотно освоил эту относительно нехитрую науку, а потому в конце каждого месяца возле его кабинета выстраивалась длинная очередь страждущих сотрудников полиции, нуждавшихся хотя бы в самой жалкой, самой никчемной, но такой нужной палке. Конечно же, проставлял коды того или иного подразделения Симкин не просто так, а за определенное вознаграждение, причем у каждой палки была своя цена. Цену эту

знали и продавец, и покупатели, и формировал ее не лично Симкин, а законы статистического рынка Москвы. На этом рынке Симкин работал уже седьмой год и слыл достаточно крупным оптовиком. Не таким, конечно, как аппарат Главного следственного управления ГУВД, где одних только эпизодов фальшивомонетничества могли за месяц продать разным подразделениям под тысячу, но все же продавцом уважаемым и авторитетным.

Поток покупателей не иссякал с самого утра. Одновременно с этим росла пачка долларов в верхнем ящике рабочего стола Симкина. В кабинете уже побывали дэпээсники из другого округа, которым Симкин продал раскрытие нескольких эпизодов фальсификаций доказательств по уголовным делам; овощники, купившие раскрытие одного эпизода служебного подлога за 300 долларов; богатые опера из городского УБЭПа. Последние не торгуясь приобрели оптом все имевшиеся в наличии эпизоды злоупотребления должностными полномочиями и заплатили за них 3000 долларов.

Но сейчас в кабинет к Симкину наведалься особенный гость. Сам заместитель начальника управления уголовного розыска всей Москвы посетил его в этот холодный ноябрьский день.

— Иваныч, выручай. Убийства есть? Нужна одна палка, кровь из носу нужна. Генерал орет. Хоть сам убивай, говорит, но палку мне принеси. Ему завтра в министерстве отчитываться, а у нас одного раскрытия не хватает, — сразу перешел к делу опытный оперативник.

— Ну, есть у меня одно убийство. Но сам знаешь, что сейчас убивают мало. Эксклюзивный товар. А потом я его уже нашим окружным обещал. В общем, как говорят

у нас в Одессе — что вы имеете мне предложить за сей прекрасный товар?

Никаким одесситом Симкин никогда не был и даже ни разу в жизни не приезжал в Одессу. Просто он был опытным торговцем и знал, что от первых слов всегда зависит весь успех сделки.

Муровец взял со стола маленький листок бумаги и ручку и написал цифру «500».

— Что? Пятьсот? — презрительно скривился Симкин. — Шурочка, ты меня сто лет знаешь. Какие пятьсот за такое прекрасное раскрытие? Уже давно по Москве цена самого вшивого, самого бытового убийства — минимум штука. И то бандитский отдел своим демпингом цену сбивает. Хочешь — иди туда, но там ты меньше чем за полторы ничего уже не возьмешь. Конец месяца. Я же тебе предлагаю прекрасное убийство женой мужа за какую-то одну тысячу американских долларов.

Поторговавшись для приличия и поняв, что с таким опытным продавцом статистики попытка сбить цену — дело гиблое, заместитель начальника УУР отслонявил из бумажника 1000 долларов и передал Симкину. Тот в свою очередь беглым почерком заполнил коды подразделения в уже готовой статистической карточке, поставил подпись, печать и отдал муровцу: «На, в ЗИЦ сам отвезешь».

— Спасибо тебе, Иваныч, всегда выручаешь. Кстати, давно хотел тебя спросить: не запахло тебе такими вещами заниматься? Ну ладно мы, менты. Но ты же нас за взятки, за превышения, за злоупотребления сажаешь — и сам же другой рукой бабки за палки с нас берешь.

— Не хочешь — не покупай, — обиделся Симкин. — Чего тогда пришел ко мне с протянутой рукой? Убийство ему,

понимаешь, нужно. Генералу, понимаешь, в министерстве отчитаться. У нас так: спрос рождает предложение, а не наоборот. В конце концов, я не граблю никого и даже дела за деньги не прекращаю. Я всего лишь формирую положительный образ сотрудника полиции через увеличение статистических показателей. Чего тут такого? Ну а если я за счет этого имею кое-какой приработок, так что в этом плохого? Небольшой, кстати, приработок по сравнению с твоим. Знаю, знаю все про тебя и про крышевание притонов, про квартирные темы. И потом, не мы такие — страна такая. Кто-то спирт водой бодряжит и вместо водки продает, кто-то из гнилых ниток костюмы шьет, а я вот имею свой маленький гешефт с продажи палок. И никому ничего плохого, между прочим, не делаю.

— Ладно, ладно, Иваныч, ну чего ты разошелся?.. Сам понимаешь: мы без тебя никак. Такая наша ментовская доля.

— На обиженных воду возят. Так что заходи, если что, — ответил Симкин, после чего старый следователь и старый оперативник обнялись на прощанье.

Напряженный рабочий день заканчивался. Пора было идти домой, радовать любимую супругу полученной прибылью в столь дефицитной сейчас иностранной валюте. Да, заработок сегодня и впрямь получился весьма-весьма неплохим. Достаточно основательная зеленая пачка приятно грела левый карман дубленки. А скоро конец года, и тогда палки будут стоять еще дороже, а значит, наконец-то получится накопить на тот новый большой «мерседес», который они с женой запланировали подарить сами себе на Новый год.

С такими приятными мыслями Симкин вышел из родной конторы на мороз. Он жил неподалеку, а потому домой всегда ходил пешком. Внезапно, когда он проходил мимо плохо освещенного места, его окликнули: «Алле, мужик, стой, разговор есть». Симкин попытался ускорить шаг, но его догнали и окружили с трех сторон молодые парни: «Мужик, давай портфель, дубленку и все бабки по-хорошему, а то сделаем тебе бо-бо». Симкин хотел было крикнуть «полиция», но вспомнил, что сегодня конец месяца, а значит, вся полиция отмечает успешное окончание статистического периода, то есть на помощь ему никто не придет. Поэтому он безропотно позволил себя обыскать и даже не протестовал, когда из левого кармана дубленки была изъята на свет основательная зеленая пачка.

Униженный, ограбленный, получив напоследок увесистый пинок по мягкому месту, Симкин без денег, без портфеля и дубленки уныло брел домой. Идти с заявлением в полицию сегодня было бесполезно: конец месяца, отчеты сданы и все опера занимаются своими делами. Нет, заявление он напишет завтра. Его в этот морозный вечер согревала лишь одна мысль: если ублюдков все-таки поймут, то такую палку он продаст не просто дорого, а очень дорого...

Рыбки

Специалист по уходу за аквариумными рыбками был в полном недоумении.

– Ничего не понимаю: ну почему они именно у вас постоянно умирают? Какая температура воды в аквариуме?

– 26 градусов, как вы и рекомендовали, – ответила симпатичная, средних лет судья, в чьем кабинете и был установлен аквариум с экзотическими рыбами.

– А кормите как часто? – продолжал аквариумист.

– Раз в день, как вы и говорили. Прямо с утра кормлю. Прихожу на работу – и в 9 утра кормлю. Импортным дорогим кормом. Они утром корм жрут активно, а на следующее утро минимум одна рыба дохлая плавает.

– Чистите тоже регулярно?

– Да, раз в 10 дней примерно той помпой, что вы мне в прошлый раз продали.

– И что, ничего не помогает?

– Нет, не помогает. После ночи хотя бы одна рыбка, но подыхает.

Специалист почесал в затылке.

– Не знаю, что и посоветовать-то. В первый раз с таким сталкиваюсь. Может, у вас здесь атмосфера какая-то гнетущая или карма испорчена? Мне вон самому как-то тревожно у вас в кабинете становится. Смотрю на вас и думаю: того и гляди в тюрьму посадит.

Сказав это, аквариумист угодливо улыбнулся, продемонстрировал судье свои белые зубы, тем самым намекая на то, что предыдущая фраза носила шуточный характер.

Но судья неожиданно восприняла сказанное всерьез.

– Карма? Может быть, может быть. Надо бы с председателем посоветоваться, он как-то на корпоративе хвалился, что у него дома игуана перестала болеть.

С этими словами судья выпроводила специалиста по аквариумам из своего кабинета, предварительно сунув ему в руку на целую тысячу больше оговоренного, а сама, стуча высоченными каблуками, побежала в кабинет председателя районного суда.

– Павел Сергеевич, Павел Сергеевич, – затараторила судья, – я к вам по очень важному делу, посоветоваться надо.

– Ну давай, советуйся, я сегодня добрый, – милостиво разрешил Павел Сергеевич, – только не тараторь, не приговор же оглашаешь.

– Рыбки у меня в аквариуме помирают, Павел Сергеевич. Уж не знаю, что и делать. Специалиста вызывала, опытного. Он мне и чистил его, и смесь какую-то подсыпал. Ничего не помогает: мрут – и все тут! Аквариумщик говорит, что, мол, карма в кабинете плохая. Вот я и подумала: может, мне оправдать кого, чтобы карму почистить?

Председатель закашлялся.

– Ты что, мать, хочешь меня под цугундер? Чего удумала! Хрен с ними, с рыбами твоими, уху из них мужу сварю. Ты видишь, что в стране творится? Кризис, понимаешь, а ты со своими оправданиями!

– Павел Сергеевич, ну пожалуйста, – запричитала судья, – ну я вас очень прошу. Это же живые существа,

нельзя быть таким бессердечным. Они такие маленькие, такие хорошие, так мило ротик открывают, когда кушают. Ну помните, когда у вас игуана болела, вы обвиняемого из-под стражи освободили, и она выздоровела?

– Во-первых, не игуана, а карликовый питон, а во-вторых, это было 5 лет назад. Тогда у меня своя квота была и по оправдательным, и по освобождениям из-под стражи, а сейчас меня в области этой квоты лишили, все согласовывать надо с председателем областного. Сама знаешь, каков он в общении.

– Павел Сергеевич, ну пожалуйста-пожалуйста! – продолжала упрашивать судья. – У меня же ни одного оправдательного в жизни, ну один разик – и все. А я с вами в ресторан схожу. Вы же предлагали, помните? – она кокетливо улыбнулась.

Председатель помнил. Ему давно нравилась эта судья. Всегда такая строгая, такая недоступная. Он представил, чем может закончиться этот поход в ресторан. Как раз и диванчик новый в комнату отдыха на днях прикупил... Как же он любит таких вот строгих и недоступных судебных дам! Эти дамы – его слабость. Она будет в мантии, непременно в мантии и непременно на новом диване, подумал он, но вслух этого не произнес, а сказал другое:

– Ты и мертвого уговоришь. Точно не было оправдательных в этом году?

– Ни в этом, ни в прошлом, ни в позапрошлом, – с готовностью ответила судья.

– А кого оправдывать-то будем?

– Сами же знаете: можно хоть кого оправдать, с каким-то качеством следствия!

– Невиновные есть по делам?

— Да фиг их поймешь, на словах они все невиновные. Я и не вникаю, все равно никого не оправдываем.

Председатель достал из ящика стола список дел, находившихся в производстве судьи.

— Ладно, давай закрывай глаза и тыкай пальцем в любое дело. Кто выпадет — тому и удача. Только не подсматривай, чтобы все по-честному.

Судья закрыла глаза и красивым тонким пальцем с только вчера сделанным французским маникюром указала на дело за номером 21. Повезло некоему Сергееву.

— Кто это? — спросил председатель.

— Фиг его знает, Сергеев какой-то, обвиняется в мошенничестве вроде, я еще не вникала, там дело большое. Думала, что буду приговор писать — там и пойму, чего совершил, — ответила судья.

— Ладно, готовь справку по делу, что состава нет, под стражей находится невиновный, весь больной-хромой-косой, отец десяти детей, ветеран труда. Хотя чего я тебя учу? Не маленькая, разберешься. Справку завтра до 9—30 мне занесешь. В 11 утра как раз в областном совещание, попробую поговорить об этом с главным. Но если откажет, то уж не обессудь. Сделаю все, что в моих силах, но не больше.

Несколько раз проворковав «спасибо» и одарив многообещающей улыбкой, судья вышла из кабинета председателя. Павел Сергеевич посмотрел ей вслед, еще раз представил новый диван и мантию и даже негромко крякнул от удовольствия.

Через две недели зал судебного заседания, в котором оглашался приговор подсудимому Сергееву, был заполнен родными и близкими этого, в общем-то, неплохого, но

немного неудачливого бизнесмена, который в результате конфликта с бизнесменом чуть более удачливым внезапно потерял и бизнес, и свободу. Люди, пришедшие поддержать близкого им человека, чуть слышно перешептывались о том, что хорошо бы зачли болезни, дали ниже низшего и отправили сидеть куда-нибудь поближе к дому. Сергеев бесцельно мерял шагами пространство клетки и почему-то думал о том, успеет ли он сегодня в изолятор к ужину или опять автозак попадет в пробку, как в прошлый раз. Внезапно дверь совещательной комнаты открылась — и к месту председательствующего прошла симпатичная судья средних лет со строгим лицом, одетая в черную мантию. Она скороговоркой с непроницаемым выражением лица начала оглашение приговора: «Сергеев обвинялся в том, что совершил мошенничество, то есть хищение чужого имущества...»

Присутствующие переглянулись: почему обвинялся? Переквалифицировали обвинение? Ничего не понятно. Сергеев в волнении схватился руками за решетку и стал вглядываться в лицо судьи, желая понять, что же она скажет дальше и что написано у нее в приговоре на самом последнем листе.

Еще через час, когда судья дошла до слов «Сергеева по предъявленному обвинению оправдать», подсудимый, уже понимавший, что ему отныне можно именоваться оправданным, бессильно повис на прутьях решетки, как будто потеряв на мгновение сознание от того, что с ним произошло. Свобода! Он был свободен! Это было просто невероятно. А еще через 10 минут уже на улице, прямо возле выхода из суда, он бросился с головою в снег и стал целовать его: «Здравствуй, свобода, я так долго тебя ждал!»

На следующий день Сергеев с женой приехали в офис к адвокату. Сергеев был до сих пор так ошарашен, что по большей части молчал, ему предстояло еще несколько месяцев привыкать к тому, что он свободный человек и может каждый день хоть по сто раз поднимать голову вверх и видеть там голубое небо, а не тюремный потолок с лампочкой. Разговор в основном вела его жена:

– Николай Михайлович, большое вам спасибо, мы так благодарны за все, что вы для нас сделали! Пожалуйста, вот ключ от ячейки. Там все, как мы договаривались. У меня только один вопрос. Вы же говорили, что договорились на условное, а здесь оправдательный. Как такое случилось?

Солидно одетый адвокат Николай Михайлович Крюков взял ключ, усмехнулся и бархатным баритоном произнес:

– Милочка моя, Николай Михайлович знает правильных людей и умеет вести правильный бизнес. Но ты, я надеюсь, понимаешь, что за оправдательный надо бы добавить тысяч 300. Договорился о нем в самый последний день и вам не говорил, чтобы не сглазить.

– Конечно, конечно, Николай Михайлович, никаких вопросов, завтра тогда подвезем ровно 300 тысяч, нет, даже 350. Мы просто не знаем, как же вас отблагодарить! Чудо! Настоящее чудо! А в апелляции точно не отменяют?

– Милочка моя, мы всегда это можем обсудить. Ты же знаешь. Николай Михайлович умеет вести правильный бизнес.

На этом адвокат и его клиенты расстались, весьма довольные друг другом.

Вечером этого же дня, когда в кабинете судьи никого не осталось, самая крупная из экзотических рыбок собрала

вокруг себя группку экзотических рыбок поменьше и скороговоркой зашлюпала: «Подсудимый тетрадон зеленый совершил преступление, предусмотренное частью 4 статьи 159 УК РФ». Тетрадон зеленый бессильно закрыл свои большие, всегда немного выпученные глаза, понимая, что никакого иного приговора, кроме съедения своими собратьями, в этом суде не выносится.

Профессор

«Профессор» сидел, скрючившись в три погибели, в маленьком одноместном боксе одного из московских СИЗО и в ожидании конвойного, который должен был отвести его обратно в камеру после визита следователя, бесцельно водил ручкой по тетрадному листу, выписывая на бумаге причудливые узоры.

«Профессором» или Федорычем его нарекли здесь, в СИЗО, всего 4 месяца назад, до этого же много лет своей жизни он числился Николаем Федоровичем Лопуховым, профессором, доктором юридических наук, преподававшим на кафедре уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного университета дисциплину под названием «Уголовный процесс», а также спецкурс «Проблемы предварительного расследования». В первый же день его прибытия в СИЗО дважды судимый Вася Ложкин, выслушав историю Николая Федоровича, сочувственно похлопал человека науки по плечу и сказал: «Ну ты, профессор, и попал». С этого времени и стал для простоты называться пожилой преподаватель уголовного процесса «профессором» или «Федорычем»: «Профессор, посмотри мою делюгу, посоветуй чего», «Федорыч, помоги кассатку написать», «Профессор, иди за дубок, чайку попьем».

История, услышав про которую сам профессор еще полгода назад сказал бы «так не бывает, дурацкая

выдумка», началась в декабре 2013 года, когда он возвращался с научной конференции по вопросам уголовного процесса, проходившей в г. Москве. Конференция прошла успешно, выступление профессора по теме «Правовые аспекты задержания подозреваемых» была встречена представителями научного мира с большим одобрением. По этой причине, а также в связи со встречей с несколькими старыми приятелями-учеными, в процессе которой профессор употребил стандартные для себя три рюмки коньяка, в московский аэропорт Шереметьево он приехал слегка навеселе. До посадки оставался еще час, а потому профессор решил скоротать его в одной из небольших кафешек за чашкой кофе с лимоном.

Профессор помешивал ложкой кофе, обдумывал выступления других участников научной конференции, когда к нему за столик подсел молодой, приятной наружности мужчина.

– Уважаемый, можно к вам обратиться с маленькой просьбой? Вы, я вижу, человек солидный, не обманете. Покараульте, пожалуйста, мой чемодан. Мне надо срочно до машины добежать: забыл билеты, а чемодан тащить тяжело, – с такой, в общем-то, обычной просьбой обратился к профессору молодой человек.

Профессор не возражал: до посадки время еще было, а просьба обратившегося не показалась ему странной или обременительной.

Прошло полчаса; молодого человека все не было. Профессор к этому моменту допил свой кофе и начал в беспокойстве поглядывать на часы. Еще через 5 минут в помещение кафе вбежал тот самый молодой человек, которого почему-то сопровождали два сотрудника полиции

в форме. Молодой человек сразу от входа указал пальцем на профессора и закричал: «Он, он у меня чемодан отобрал полчаса назад, хватайте его скорее, только осторожнее: у него пистолет был!» Профессор растерялся, пытался сумбурно пояснить, что никакого чемодана он ни у кого не отбирал, а молодой человек сам попросил за ним присмотреть. Но полицейские только и сказали, что они обязаны отреагировать на поступивший сигнал и всем необходимо пройти в отдел для досмотра.

В отделе дело приняло совсем неприятный оборот. Молодой оперуполномоченный составил акт личного досмотра профессора, в котором указал, что у последнего при себе был обнаружен чемодан черного цвета с находящимися в нем личными вещами, документами на имя некоего гражданина Фокина, а также бумажником с денежными средствами на общую сумму 45 000 рублей. В правом кармане пальто профессора был обнаружен и изъят предмет из металла темного цвета, напоминающий пистолет. Конечно же, это был никакой не пистолет, а обычная сувенирная зажигалка, но гражданин Фокин злобно закричал: «А, вот и пистолетик нашелся! Им этот грабитель мне угрожал, когда чемодан отбирал».

В ответ на возражения, что личный досмотр проводится с участием понятых разного с ним пола, профессор получил от оперуполномоченного удар дубиной по печени, что окончательно лишило его самообладания. Профессор закричал: «Что же вы делаете, сволочи!», бросился на оперуполномоченного, но только и смог, что один раз лягнуть того ногой по бедру, — и тут же оказался на полу в скрученном состоянии. «Понятые, вы видели, как этот гражданин осуществил нападение на сотрудника

полиции при исполнении своих служебных обязанностей?» — спросил оперуполномоченный. Понятые — две официантки из того же кафе — оживленно закивали.

Еще через четыре часа профессор, которого к тому моменту успели свозить на медицинское освидетельствование и выявить факт употребления алкоголя, сидел в небольшом кабинете напротив молодого следователя, бойко оформлявшего протокол задержания подозреваемого. Профессор пытался возражать, заявил, что он имеет в протокол заявление о том, что с момента фактического задержания прошло более трех часов. На это следователь вяло зевнул, сказал в пространство комнаты: «Ишь ты, умник какой попался!» А профессору: «Ты адвокату своему эти сказки рассказывай, понял? Здесь у нас не кафедра. Мозги лечить студентам будешь, лет через пять», — после чего продолжил заполнять протокол.

Через час прибыл адвокат, которым оказался слегка потрепанный мужчина средних лет. В ответ на возбужденный шепот профессора о том, что дело сфабриковано, нужно срочно позвонить какому-то Шляхтеру, который работает в Академии Генеральной прокуратуры и может помочь, адвокат сочувственно закивал: «Все знаю, все знаю. У меня четвертое дело по грабежу с этим потерпевшим, и ничего сделать нельзя. Нужны деньги. 20 тысяч зеленых. У вас есть?» Денег у профессора ни с собой, ни дома не было, поскольку жил он честно, но бедно, о чем безапелляционно заявил адвокату. Адвокат почему-то обиделся и более ни на допросе в качестве подозреваемого, ни на очных ставках с заявителем и оперуполномоченным не произнес ни слова.

На следующий день в суде при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу профессор выступил с блестящей речью, которая в большей степени напоминала лекцию опытного преподавателя перед нерадивыми студентами. Он прошелся и по сомнительности доказательств, и по нарушению основополагающего принципа презумпции невиновности, и упомянул про нарушение процессуального порядка процедур возбуждения уголовного дела и задержания подозреваемого. Не обошел он стороной и отсутствие каких-либо предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении него, гражданина России, имеющего постоянное место жительства, ранее не судимого, видного ученого. Напоследок он оставил поистине убийственный, по его мнению, довод: следователь неверно указал в протоколе задержания его фамилию – Лохоухов вместо правильной Лопухов, а также данные паспорта. В ответ прокурор и следователь синхронно поднялись с места и скороговоркой произнесли: «техническая ошибка», после чего так же синхронно сели.

Судья сурово посмотрела на профессора через очки, спросила: «У вас все или еще что-то желаете пояснить суду?» Поскольку у профессора было все, она молча удалилась в совещательную комнату и через 15 минут, глотая слова, огласила ему решение об избрании меры пресечения.

Первые дней десять после ареста профессор находился в таком шоке, что практически ни с кем в камере не разговаривал. Днем он строчил и строчил бесчисленные жалобы на действия следователя, а по ночам, накрываясь

с головой, тихонько плакал в подушку над своей горькой судьбой. В одну из таких ночей все тот же ранее судимый Вася Ложкин подошел к кровати профессора, положил ему руку на плечо и сказал: «Федорыч, да не грузись ты так. Обычная мусорская гниль. Мы с пацанами самогончика сварили, пойдём попробуешь». Еще через 2 часа щеки у профессора после 70-градусного напитка порозовели, и он стал разбирать «делюгу» каждого из своих коллег по несчастью. Выяснилось, что уголовные дела всех его сокамерников расследовались с ужасающими процессуальными нарушениями, в связи с чем профессор прямо со следующего утра приступил к написанию разнообразных жалоб и ходатайств.

Месяца через два он стал уважаемым человеком – борцом с «мусорским беспределом», как называл его Вася, не только в своей камере, но и во всем изоляторе. Ночами Вася тянул дороги для профессора с разными просьбами о юридической консультации и одновременно принимал в качестве оплаты подношения в виде сигарет, чая, а когда попадался особенно состоятельный клиент, и колбасы. Некоторым его жалобы даже иногда помогали, и их освобождали.

Своим делом профессор заниматься перестал: «гнилые мусора» на жалобы практически не реагировали, следственные действия с его участием практически не проводили, а потому можно было спокойно ждать суда.

Сегодня следователь предъявил ему обвинение. В окончательной редакции профессор обвинялся уже не в грабеже, а разбое с применением оружия, а также в применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти. Профессор уже подсчитал, что

дадут ему по этим статьям по первой ходке и с учетом возраста года четыре. Впрочем, он уже практически не переживал по этому поводу, поскольку знал, что его специальные познания отныне найдут гораздо лучшее применение, чем на некогда любимой, но теперь такой далекой кафедре.

Профессор посмотрел на листок бумаги, потом на ручку, потом еще раз на листок и отложил ручку в сторону. Немного подумав, он снова взял ручку и на стене рядом с надписями «Здесь был Коля», «Судья Зимин – фашист» и «АУЕ» нацарапал: «Жизнь воров, смерть мусорам». Сидеть ему оставалось еще минимум два года.

Проблема

Прокурор одной из областей, расположенных весьма далеко от Москвы, проснулся, как и обычно, в 7 часов утра, и, как и обычно в последние несколько дней, в прескверном состоянии духа. В эти дни у него из головы никак не выходила одна проблема, окончательного решения которой он для себя так и не смог выработать. Это нервировало, не давало сконцентрироваться на других делах и, можно даже сказать, мешало полноценно жить и работать.

Прокурор с закрытыми глазами пошарил рукой по второй половине кровати в поисках жены, но вспомнил, что жена с детьми еще неделю назад уехала на отдых на Мадагаскар – то есть посоветоваться с ней не было никакой возможности. Он с досадой хлопнул по холодной подушке супруги, потянулся к своему туалетному столику и взял в руки колокольчик для вызова прислуги. Нервный звон колокольчика мгновенно распространился по большому дому.

Уже через 30 секунд в спальню вбежала горничная.

– Машка! – гневно закричал прокурор. – Ты чего так долго возишься? Опять спала, что ли?

– Никак нет, Виктор Иванович, – поспешно ответила Машка, – костюм вам отпаривала.

– Какой костюм? Почему костюм? Совсем нюх потеряла? Сегодня четверг, у меня прием, мундир отпаривать

надо! Ничего не помнит. Где вас только Варвара Семеновна набирает таких! Точно лишу всех премии на Новый год.

— Виновата, Виктор Иванович, простите, Виктор Иванович, исправлюсь, Виктор Иванович,— только и осталось лепетать горничной. Она работала в этом доме недавно, но от другой прислуги уже была наслышана и о крутом характере хозяина, и о патологической любви к наложению на подчиненных всякого рода штрафов.

— Ладно, прощаю. Не до тебя сейчас, думаю я думаю, серьезную. Вот скажи мне, Мария... Хотя нет, не надо, чего с тебя взять. Человек ты темный, с такими делами точно не сталкивалась. Иди, мундир отпаривай. Повару скажи, чтобы завтрак в кабинет принесли. В бассейн не пойду, поработаю лучше часик. Мундир мне в кабинет подашь, и чтобы тепленький был, получше утюжком его. Я люблю, когда тепленький, он мне спину греет.

— Будет сделано, Виктор Иванович. Ровно в 8—30 мундир будет подан в кабинет теплым. Разрешите выполнять?

— Выполняй,— разрешающе махнул рукой прокурор.

Сам он накинул на плечи халат и слегка шаркающей походкой направился к лифту — его кабинет находился на третьем этаже особняка.

В кабинете он расположился в мягком кресле, вытянул ноги под стол и принялся за изучение свежих газет, которые уже успел разложить на столе секретарь. Компьютером, а тем более Интернетом прокурор пользоваться так и не научился, а потому по старинке предпочитал работать с живой бумагой. Все центральные газеты пестрели сообщениями о том, что в доме начальника управления делами Генпрокуратуры был проведен обыск, поскольку там проживали члены банды разбойников. Прокурор

пробежался по шапкам статей и со словами: «Эх, Москва, Москва, большие деньги, большие дела, куда торопятся, с кем воюют?..» — отложил газеты с политическими новостями и принялся за любимый «Спорт-Экспресс». Новости спорта тоже в этот день не радовали: московский «Спартак» лихорадило: тренер никак не мог найти контакта с лучшим игроком, основной нападающий травмировался, а основной конкурент при этом не дремал и занимал в таблице гораздо более высокое место.

Через 15 минут прокурор отложил газеты, так как повар подал завтрак. Без аппетита позавтракав и оставив чашку с недопитым кофе, прокурор посмотрел на угодливое розовощекое лицо повара, с умилением смотревшего за процессом поедания пищи, хотел было обратиться к тому по поводу так тревожившей проблемы, но потом лишь махнул рукой: этот ничего не подскажет — тупой и бескультурный человек.

Еще через 20 минут прокурор, в теплом после глажки мундире, новенькой дубленке и норковой шапке, садился на заднее сиденье служебной BMW 7-й модели.

— Иваныч, опять не нагрел до 23? Сколько можно тебя учить, что я люблю, когда кресло тепленькое, а климат на 23-х стоит! — недовольно забухтел прокурор.

— Виктор Иванович, виноват, не успел воздух нагреть, гараж никак не мог открыть. Мороз-то какой на улице, ворота примерзли,— начал извиняться водитель.

— Примерзли-примерзли! Смазывать надо! — продолжал гневаться прокурор.

Впрочем, этот водитель работал у него уже больше 5 лет, был для прокурора человеком близким и знал о нем много тайн, которые, по понятным причинам, не

доверялись даже жене. Потому ругался Виктор Иванович больше для вида, чтобы подчиненный не расслаблялся.

Исполнив миссию строгого начальника, прокурор опустил голову и снова задумался. Та самая проблема никак не шла из головы. Машина ехала так плавно, что он начал чуть клевать головой.

— Иваныч, чего это у тебя играет? Сделай погромче.

Водитель сделал звук громче. Из динамиков раздавалась песня Петлюры «Дочь прокурора».

— Душевная песня, жизненная, — похвалил Виктор Иванович. Петлюра, что ли, поет? Наш парень был, ставропольский. Запиши мне потом диск, буду в кабинете слушать.

— Будет сделано, Виктор Иванович, — послушно ответил водитель.

Первое, что увидел прокурор по приезде на работу, была толпа граждан, которые, по всей видимости, ожидали приемного времени с раннего утра. Прокурор поморщился: граждан было еще больше, чем он предполагал.

— Так, граждане, сегодня приму только десятерых, больше не успеваю, другой работы много, — сказал он, заходя в свой кабинет.

Эта реплика вызвала суету в толпе, люди стали недовольно роптать, а некоторые даже выкрикивали какие-то ругательства: всем хотелось поделиться своими бедами с важным человеком. Прокурор поспешно заперся в кабинете, успев при этом дать команду секретарше, чтобы она вызвала полицейского для зачистки приемной от граждан, не попавших в заветную десятку.

В кабинете прокурор посмотрелся в зеркало в комнате отдыха, довольно отметив, как солидно он смотрится

в синем мундире с двумя большими звездами, сел в мягкое кресло, нажал на нем кнопку подогрева, открыл одну из лежавших на столе красных папок, после чего несколько минут бесцельно смотрел на вложенный в папку документ. Мысль о не разрешенной до сих пор проблеме все не шла из головы. Прокурор нажал кнопку селектора и скомандовал: «Елена Степановна, запускайте».

Вошла первая посетительница. Это была пожилая женщина, источавшая стойкий запах каких-то лекарств. Она разложила на столе не менее семи папок, набитых документами, и стала рассказывать прокурору о том, что пять лет назад был зверски убит и ограблен ее единственный сын, преступников нашли, но следователь их отпустил, и с этого времени дело не расследуется.

— Умоляю, умоляю! Помогите! Я доведена до отчаяния, мне уже скоро в могилу, но очень хочу дожить до того момента, когда гады будут наказаны! — так закончила свою грустную историю женщина.

— Давайте ваши бумаги, — пробасил прокурор. Он никак не мог сосредоточиться, проблема не выходила из головы.

Женщина протянула бумаги, он бегло их просмотрел и спросил:

— А почему, собственно, ко мне пришли? Вы уже были на приеме у моих заместителей? Вам не помогли?

— Нет, я сразу к вам. Я думала, что только вы, Виктор Иванович, и можете разобраться и помочь.

— Все ясно, разберемся, — ответил Виктор Иванович и написал на заявлении гражданке резолюцию: «Отдел приема, разобраться по существу, обращение направить для рассмотрения в районную прокуратуру и доложить,

почему заявительница записана ко мне на первичный прием, минуя начальника управления по надзору за следствием и заместителя прокурора».

— Ваша ситуация взята мной на контроль. Можете идти и умирать спокойно, разберемся, виновных накажем, никто не уйдет от ответа, — распорядился прокурор.

Женщина поблагодарила его и стала раскланиваться.

— Подождите! — внезапно почти закричал прокурор.

Женщина остановилась в дверях.

— Хотя нет, это бессмысленно — просить вашего совета,зовите следующего, — грустно сказал он.

Следующим был отец изнасилованной маньяком девочки, который жаловался на то, что следователь уже пятый раз приостанавливает дело. Потом был пожилой старик: мошенники украли у него квартиру. Далее пришла молодая девушка, жениха которой забрали прямо со свадьбы и посадили на 3 года за кражу, которую он не совершал. Потом еще кто-то, от кого пахло потом и чесноком, и кто жаловался на необоснованные проверки со стороны налоговиков, вымогающих взятки. Потом еще и еще посетители. Всем прокурор обещал разобраться, поставить обращение на контроль, посадить преступников, освободить невиновных, помочь с решением проблем. Самого же его все мучала собственная проблема, по поводу которой он ни к одному из посетителей так и не решился обратиться.

Наконец прием закончился. Прокурор хотел было вызвать по селектору секретаршу и дать указание, чтобы обед подали прямо в кабинет, как вдруг пронзительно зазвенел один из телефонов. «Москва звонит», — почувствовал Виктор Иванович.

— Да, да, — сказал он телефонной трубке, после чего даже привстал от почтительности: звонил сам первый заместитель генерального.

Впрочем, оказалось, что тревога носила ложный характер. Начальство звонило не с целью выволочки, а с просьбой быстренько прислать к новогоднему столу килограммчиков десять черной икры, которой так славилась область, где Виктор Иванович имел честь прокурорствовать. Виктор Иванович, конечно же, с радостью согласился, ответил: «Есть до конца недели лично представить 10 килограммов», зачем-то щелкнул каблуками, хотя собеседник этого, естественно, слышать не мог, положил трубку и только после этого облегченно выдохнул. Пронесло! Да не просто пронесло, а подфартило! Важное лицо могло ведь обратиться не к нему, а к транспортному прокурору. Значит, его помнят, значит, его ценят, значит, в нем еще нуждаются.

Однако помимо столь неожиданной радости имелась в его прокуратуре и проблема, о которой он никак не мог забыть. В очередной раз вспомнив об этом, прокурор помрачнел, начал ходить по кабинету кругами, а потом сам вышел в приемную, что было уже совсем небывалым случаем, и попросил секретаршу: «Созови-ка мне расширенное: и замов, и начальников всех управлений через 20, нет через 10 минут сюда. Я без обеда — и они потерпят».

Ровно через 20 минут в его кабинет робко стали заходить заместители прокурора и начальники управлений, стараясь сесть подальше и стать как можно незаметнее для своего грозного руководителя.

Когда все они уселись за большим, прямоугольной формы столом, прокурор обвел всех суровым взглядом

и произнес: «Товарищи! Выручайте генерала! Не сплю третьи сутки, бьюсь, как рыба, над одной общей, между прочим, для всей нашей конторы проблемой. Скоро Новый год. Давайте все вместе, коллективным умом навалимся и, так сказать, окончательно, раз и навсегда решим, кого же нам приглашать на корпоратив – Стаса Михайлова или Лепса?»

Вишневый пирог

Видавшая виды старенькая «девятка» с ревом припарковалась возле такого же потрепанного гаражного бокса, расположенного на окраине Москвы. Из машины вышел немолодой седовласый мужчина, одетый в летнюю военную куртку старого образца. В Москве было морозно, а потому мужчина поднял воротник почти до самых ушей и слегка поежился. Немного постояв и понаблюдав, как горячий пар вырывается изо рта и испаряется на морозе, он открыл заднюю дверь машины: «Вылезай, приехали».

На заднем сиденье неподвижно лежал одетый в дорожное пальто мужчина лет 35. Руки его были связаны сзади веревкой. Пожилой повысил голос: «Выходи из машины, приехали». Молодой слегка шевельнулся, потом приподнялся и сел. Голова у него была разбита в двух местах, кровь стекала со лба по левой щеке. Вид его был жалок: «Николай Егорович, я умоляю вас, отпустите меня. Я вам все расскажу, отдам деньги, квартиру, только не убивайте». Николай Егорович сурово посмотрел на него: «Сказал же – выходи из машины и иди в гараж. Когда-то и я тебя умолял, а ты смеялся, помнишь? Теперь мой черед. Выходи, а не то здесь изуродую». Для демонстрации серьезности собственных намерений он со злостью пнул молодого человека ногой под колено. Тот

завизжал от боли, потом горько заплакал, но из машины все-таки вышел.

Николай Егорович слегка подтолкнул мужчину рукой в спину: «Иди поскорее в гараж». Они прошли в гараж, после чего Николай Егорович включил свет. Молодой в ужасе отшатнулся. Посередине гаража друг напротив друга стояли два стула, разделенные небольшим письменным столом. На столе лежали топор, паяльная лампа, видеокамера, моток скотча, черные пакеты для упаковки мусора, несколько чистых листов бумаги и ручка.

— Зззачем топор и лампа? — заикаясь, спросил молодой.

— Князьков, ты же следователем долго работал вроде, неужели сам не понял? Садись пока на дальний стул, а я тебе расскажу, как мы с тобой будем вершить правосудие.

— Нет-нет, не хочу! — закричал Князьков.

— Давай уже, садись, а то опять бить начну,— сказал Николай Егорович и многозначительно поднял повыше бейсбольную битку, которую он держал в правой руке.

Князьков покорно прошел к стулу и сел.

— Ну, вот и молодец,— промолвил Николай Егорович и начал обматывать Князькова и стул черным скотчем,— сейчас я тебе расскажу, как мы тебя будем судить, пойду покурю, потом включу камеру — и начнем.

Князьков молчал.

Николай Егорович продолжил: «Итак, Князьков, разъясню тебе, что ты обвиняешься в превышении должностных полномочий, фальсификации доказательств по уголовному делу, привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности и соучастии в мошенничестве. Потерпевшим от твоих действий являюсь я, Кононов Николай Егорович, бывший генеральный директор завода

«Вымпел», а также мои умершие к настоящему моменту близкие родственники — жена и дочь, которые в результате того, что ты посадил меня в тюрьму, скончались: одна — от болезни, другая — покончив жизнь самоубийством. Обстоятельства собственных преступных деяний тебе известны, но содержание обвинения будет озвучено тебе, когда мы включим камеру. Поскольку здесь никого, кроме меня, нет, то обвинителем и судьей на этом суде выступлю я. После оглашения обвинения ты будешь допрошен. Если ты будешь отказываться отвечать на вопросы или говорить неправду, я буду отрубать тебе пальцы по одному. Когда пальцы закончатся, я начну прижигать твое тело паяльной лампой. После допроса тебе будет оглашен приговор, вероятнее всего смертный, поскольку иного наказания, по мнению обвинителя, то есть меня, ты не заслуживаешь. Хотя, может быть, тебе повезет, и я, как судья, вынесу тебе иной, более мягкий приговор. Весь процесс будет записываться на видеокамеру, запись твоего допроса я потом pošлю твоему начальству в Министерство внутренних дел, генеральному прокурору и председателю Верховного суда. Тебе все понятно?»

Князьков не отвечал. Глаза его были закрыты, веки дрожали, а по щекам струились слезы.

— Ну и чудненько, раз понятно. Пойду покурю, а ты пока вспоминай обстоятельства совершенных преступлений, чтобы ни один эпизод не ушел от внимания суда,— сказал Кононов и вышел на улицу.

Он стоял на улице, смотрел на серое московское небо и вспоминал. Этого дня он ждал последние восемь лет с того самого момента, когда суд по ходатайству Князькова заключил его под стражу. Каждые сутки в тюрьме, а

потом в колонии он думал о том, как будет выносить приговор следователю Князькову. Восемь лет назад Князьков был уверен в себе, много улыбался, шутил, но при этом не забывал требовать от него подписания передаточного распоряжения на уступку акций завода в пользу рейдеров, которые и заказали его уголовное дело. Он плевал Князькову в лицо, сыпал в его адрес проклятиями, но тот только смеялся над ним. Отсидев по несправедливому приговору суда семь лет, он вышел на свободу. Жена после его приговора прожила всего год и скоропостижно скончалась от внезапной болезни. Дочь, 18-летняя красавица, студентка престижного вуза, не выдержала свалившихся на нее невзгод и решила покончить с собой. Он остался один наедине с собой и мыслями о возмездии. Уже полгода он готовился к этому дню, дню возмездия: специально снял гараж, купил старый автомобиль, бейсбольную битку, изучил маршруты передвижения Князькова. И вот этот день, которого он так долго ждал, настал. Рано утром он подкараулил Князькова на подземной стоянке возле его дома, несколько раз ударил по голове битой, после чего связал руки и затолкал в машину. Сейчас уже беспомощный Князьков ждет в гараже, когда он, Николай Егорович Кононов, свершит правосудие. «Судья» докурил сигарету. Можно было начинать.

— Камера включена, мы начинаем судебное заседание трибунала спецкомиссии по борьбе с коррупцией. Рассматривается дело по обвинению бывшего следователя Князькова. Подсудимый, назовите свои анкетные данные и место работы, — так начал этот процесс Кононов.

Князьков поднял голову и слезливо промолвил: «Николай Егорович, не убивайте, я умоляю вас! Пощадите меня!»

Кононов недовольно посмотрел на него: «Подсудимый, стадия прений и последнего слова еще не наступила. Отвечайте внятно на вопрос, или государственный обвинитель будет вынужден отсечь вам топором палец в связи с неуважением к суду и неподчинением указаниям председательствующего в процессе. Анкетные данные. Живее!»

— Князьков Павел Игнатьевич, 23 мая 1977 года рождения, работаю заместителем начальника главного следственного управления, женат, имею несовершеннолетнюю дочь.

Кононов поморщился.

— Подробности о вашем семейном положении суд не интересуют. Вас же не интересовали подробности семейного положения потерпевшего, у которого на момент совершения вами преступлений дочь также являлась несовершеннолетней. Вам это понятно?

— Понятно.

— Тогда я продолжаю. Вам разъясняется, что преступления, в которых вы обвиняетесь, совершены вами при следующих обстоятельствах. В 2007 году вы по заказу группы рейдеров в отсутствие каких бы то ни было оснований возбудили уголовное дело о мошенничестве в отношении генерального директора завода «Вымпел» Кононова Николая Егоровича, задержали последнего, предъявили ему незаконное обвинение. В процессе расследования вы неоднократно угрожали потерпевшему Кононову, требуя от него подписания документов об уступке принадлежащих тому акций в пользу рейдеров. Когда Кононов отказался, вы сфабриковали документы, якобы уличающие обвиняемого в несуществующем

преступлении, после чего направили уголовное дело в суд. При вручении обвинительного заключения вы обманом получили от Кононова подпись на чистом листе, которую в дальнейшем ваши соучастники-рейдеры использовали для изготовления поддельного договора и хищения у Кононова акций завода. Подсудимый, вам понятно обвинение?

Князьков снова заплакал и начал было голосить «не убива...», но посмотрел на протянутую к топору руку и осекся:

— Да, обвинение мне понятно,— сказал он уже чуть более твердым голосом.

— В таком случае что вы можете пояснить по существу обвинения? Признаете ли вину? Расскажите об обстоятельствах преступления. Только напоминаю, что отказ от показаний или дача ложных показаний будет караться отрубанием пальцев.

— Не надо пальцы, пожалуйста, умоляю вас. Я все скажу. Да, я признаю вину, но я не так виноват перед вами, как вы думаете. Мне был приказ, понимаете, я не мог его не исполнить. Меня вызвал к себе начальник управления, дал материалы, сказал возбуждать дело и арестовывать вас. Потом он сказал, что заказчик — высокопоставленное лицо и ему звонили откуда-то из администрации. Была задача, понимаете, забрать у вас акции. Вы не отдавали, тогда сказали вас посадить. Это был приказ, я всего лишь следователь. Я доложил, что вы не отдаете акции, не хотите ничего подписывать, тогда он сказал получить подпись на чистом листе под любым предлогом и принести ему. Я получил и принес. Я не знаю, что он делал с этим листом, правда, не знаю, клянусь вам. Да, я знал, что вы

не виноваты, знал, но что я мог сделать? Я был пешкой. Они крутили большими деньгами, а со мной никто ничем не делился. Поймите же. Мне даже премию за это дело не дали. Я боялся его, начальника, он мог меня уволить, от него зависела моя судьба. Пожалейте меня, пожалуйста, ну пожалуйста! Я никому ничего не скажу, только отпустите! Хотите — я уволюсь. Хотите — все деньги вам отдам. Только не убивайте!

Князьков безвольно опустил голову, плечи его затряслись, он снова зарыдал.

Кононов пристально посмотрел на него и сказал: «Злодеяния ваши велики, Князьков, и то, что вы действовали по указанию вашего руководителя, которого в ближайшее время, я уверен, также найдет законное возмездие, не только не оправдывает вас, но и напротив, свидетельствует против вас. Вы имели возможность сделать свой выбор, не исполнять преступный приказ, но вы ей не воспользовались».

Князьков заголосил: «Николай Егорович, я прошу вас, дайте мне шанс. Я исправлюсь. Я все понял. Я больше не буду там работать. Отпустите, пожалуйста».

— Нет, Князьков, трибунал не может согласиться с вашей просьбой о смягчении наказания. С учетом тяжести совершенных вами преступлений назначение вам менее сурового наказания не будет отвечать принципам справедливости. Как вам и было обещано, видеозаписи приговора будут направлены министру внутренних дел, генеральному прокурору и председателю Верховного суда,— с этими словами Кононов взялся за топор.

Внезапно в гараже раздалась мелодия из кинофильма «Следствие ведут знатоки»: в кармане у Князькова

зазвонил телефон. Кононов взял телефон в руки и посмотрел на экран, на котором высветилась фотография маленькой девочки детсадовского возраста с двумя задорными косичками. Князькову звонила дочь.

Кононов нажал кнопку ответа. «Папочка, папочка! — раздалось в трубке. — Приезжай сегодня домой пораньше, меня мама научила испечь вишневый пирог для тебя!»

Кононов отвел трубку от уха, безумным взглядом посмотрел на экран телефона, на котором еще светилась детская фотография, а потом вдруг размахнулся и швырнул телефон об стену. После этого он сел прямо на холодный пол и медленно произнес: «Живи, сука, я тебя отпускаю, ты освобождаешься от наказания». Затем он обхватил голову руками и заплакал. Ему вспоминалась его маленькая дочь и пирог, который она в первый раз в жизни испекла для него далекие двадцать лет назад.

Любовь Паучихи

— Встать! Суд идет! 27 января 2005 года, 10:00. Под председательством судьи Пауковой мы начинаем слушание уголовного дела по обвинению Ракова Александра Семеновича в совершении пяти преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 4 статьи 158 УК РФ. Подсудимый Раков, встаньте! — так, слегка волнуясь, молодая судья по фамилии Паукова начала один из первых в своей жизни судебных процессов.

Ей было чуть за 30 и статус судьи она получила всего месяц назад, а до этого почти 7 лет работала в этом же суде помощником председателя. Паукова была молода, хороша собой, и даже черная судейская мантия не могла скрыть прелестные округлости ее фигуры. Красоту Пауковой не портила даже небольших размеров родинка над губой, которая придавала ее лицу еще большую изюминку.

Ракову было чуть меньше 30 и за его плечами было уже два срока по все той же 158-й статье. Он был высок, сухопар и, если бы еще в 17 лет не избрал профессию домушника, мог бы сниматься в киносериалах в роли героя-любовника. Таким он и был: молодой, сильный, красивый, дерзкий, рискованный. Ему часто везло, у него всегда водились хорошие деньги, но в этот раз удача отвернулась от него. Попался он глупо: плохо сработал наводчик, и хозяева вернулись чуть раньше, чем он ожидал. Потом опера повесили на него еще

четыре эпизода, по которым он оказался не при делах, но ему было все равно. Он был опытным вором и знал, что одного железного эпизода суду достаточно, а остальные четыре сильно на наказание не повлияют. Меньше семи он при своих судимостях все равно не получит, а больше десяти ему тоже вряд ли кто-то даст. Конечно же, как и всякий вор, он не признавался, свою вину отрицал, но сопротивлялся осуществлению правосудия с некоторой ленцой, понимая, что судебный каток запущен и назад уже не повернет. Больше всего в этом судебном процессе ему нравилось внимательно смотреть на молодую красивую судью. Красивая девушка, серьезная, ответственная, умная. И чего она с такой внешностью в судьи пошла? Сидела бы дома, варила бы мужу борщи, ходила в салоны красоты. Так нет же – людей судить вздумала зачем-то. Вот бы сейчас с ней куда-нибудь в Сочи, недельки на две, и из номера не вылезать. Но она там, в кресле председательствующего, а он здесь, в клетке.

Прокурор допрашивал потерпевшую, которая, страшно гордясь, что ее слушают такие серьезные люди, тараторила о том, как они с мужем вернулись с дачи, а в квартире оказался вор. Судья Паукова слушала допрос внимательно, чуть склонив голову на правый бок, и, как ему казалось, чуть с укоризной посматривала на него. Он потерпевшую не слушал. Было и так понятно, что она поведает суду, какой он плохой и подлежит самому суровому наказанию. Вместо этого он задумчиво посматривал на судью и что-то старательно выводил карандашом на листке бумаги. Он протянул листок приставу: «Братан, передай по-тихому судье, очень надо в туалет отпроситься, а допрос перебивать не хочу».

Пристав передал Пауковой записку подсудимого. Она развернула листок, нахмурилась, отложила его в сторону, украдкой посмотрела на Ракова, а потом вдруг улыбнулась и тут же спрятала мимолетную улыбку за суровым выражением лица. В записке было написано: «Улыбнитесь, у вас такая красивая улыбка». Несмотря на то что улыбка была мимолетной, он успел ее заметить, открыто улыбнулся в ответ и начал опять что-то писать на тетрадном листе.

Написав, он опять через пристава передал ей записку. Она прочитала ее, потом с интересом посмотрела на него и чуть-чуть отрицательно помотала головой. Это означало «нет», и он понял это. В записке было написано: «Катенька, скажите, вы замужем?»

В этот день он писал и писал ей записки. Но больше она ему не отвечала и вообще старалась в его сторону не смотреть. Впрочем, на процессе она тоже сконцентрироваться не могла. Она думала о нем. Какие же красивые слова он пишет, как они трогают ее сердце! Но она не может, не может отвечать ему. Ну зачем он беспокоит ее своими признаниями и ласковыми словами? Он подсудимый, а она его судья. И этого не изменить. И она должна назначить ему наказание. Будет приговор, она даст ему 7 лет, ведь именно так напутствовал ее председатель суда, вручая ей дело и первым ознакомившись с ним. Он уедет в лагерь, и больше она никогда-никогда его не увидит. И зачем он стал воровать? Ведь наверняка же он талантливый, мог бы зарабатывать на жизнь писательством. Он так красиво пишет! Или стал бы музыкантом. Какие же у него красивые руки, руки настоящего музыканта! Почему-то больше всего у мужчин она любила именно

руки. Впрочем, наверное, и не могло быть иначе: ведь ее любимый папа был известным пианистом. У Ракова руки были и правда красивые, а еще сильные. От мысли о том, как эти руки могут обнимать, у нее розовели щеки. Нет, нет и нет. Нельзя думать об этом. Все, стоп, табу. Где он и где она...

Раков же все писал и писал свои записки. И еще ласково улыбался, широко показывая свои белые зубы. Уже прокурор с подозрением смотрел то на него, то на судью, уже пристав брал записки с видимой неохотой, уже государственный адвокат оглядывался на него и шептал, чтобы он вел себя чуть тише. Ему было все равно. Он чувствовал, нет, уже знал, что нравится ей. Какое же это было приятное чувство! Вот уже месяцев восемь он был под стражей, а значит, не испытывал и не мог испытывать такого чувства к женщине. Да и женщин-то за это время он, можно сказать, никаких и не видел, за исключением следователя, которая приходила к нему раза два или три и показалась человеком без пола и без возраста.

Теперь на каждое заседание суда он ездил уже не с равнодушием, как раньше. Наоборот, он ждал их и серьезно готовился. Он начал писать стихи о любви, которые на тех же оборванных тетрадных листочках передавал ей через пристава. Теперь он уже не мог позволить себе ездить в суд в джинсах или спортивных брюках, и, для того чтобы произвести на нее еще большее впечатление, выпросил у соседа по камере строгий костюм и рубашку. Она не подавала вида, но впечатление было произведено. Она думала о нем утром, когда просыпалась, и вечером, когда ложилась спать. Днем, слушая уголовные дела, она тоже думала о нем. Он такой мужественный, такой

сильный, и ей так хотелось взглянуть на него не тайно, украдкой, чтобы никто не заметил, а открыто. А потом смотреть еще и еще, и улыбаться, и видеть, как он будет улыбаться в ответ.

Ближе к концу процесса перед самыми прениями сторон она решилась и пошла к председателю суда: «Виктор Степанович, помните, у меня дело есть? Раков, 158-я четвертая, пять эпизодов. Виктор Степанович, совсем тухлое дело, доказательств никаких. Я думаю, может, условно? Там адвокат подходил, они обжаловать не будут, если я условный вынесу».

Председатель суда непонимающе посмотрел на нее:

– Ты что, мать, совсем сдурела? Какие условно? Он квартирный вор, ранее судимый, пойман с поличным. Ну ладно бы у нас интерес какой был, а просто так... Нет-нет, в области нас не поймут.

– Ну Виктор Степанович, прошу вас. Вот чувствую я, что тухлое это дело. Нельзя мне карьеру судьи начинать с жестокости. Может, все-таки условно дать?

– Никаких условно. Я же тебе сказал: 7 лет реального. Жестокости она не хочет. Дело ей, видите ли, тухлое досталось. А мне, думаешь, легко с вами со всеми? Я, можно сказать, каждый день на линии фронта оборону держу, между струйками бегаю. Чуть что – я крайний и окажусь. Ты же знаешь, какой у нас председатель областного.

– Виктор Степанович, ну всего один разик. Считайте, что это моя женская прихоть. Вот сердцем чувствую, что, если дам ему реально, всю жизнь мне мучиться.

Виктор Степанович серьезно посмотрел на нее. Было у него одно дело, при воспоминании о котором ему даже спустя 16 лет становилось мучительно стыдно. Нет,

конечно, стыдиться ему и помимо этого дела было за что. Он уже давно знал, что в рай, если тот существует, попасть ему удастся вряд ли, в связи с чем просто плыл по жизненному и судейскому течению. Но тогда он, еще неопытный судья, по указке мудрого, как ему казалось, председателя и вопреки своему сердцу дал реальный срок молодой девушке по делу, в котором не было доказательств. На следующий день эта девушка повесилась в камере. И вот, даже спустя столько лет, грустные глаза осужденной девушки, с укоризной смотревшие на него при оглашении приговора, не выходили у него из головы. Потом на него грустно смотрело много осужденных, в том числе таких, в виновности которых он сомневался, но эти глаза были первыми, и забыть он их не мог.

Председатель досадливо крикнул и решил:

— Ладно, черт с тобой! Если сердце подсказывает — выноси условный. Что мне прикажешь с сердцем делать? Только с прокуратурой договорись, чтобы не обжаловали и тихо-тихо все прошло. Смотри у меня! Бдительность и осмотрительность!

— Спасибо, Виктор Степанович! С прокурором я уже обо всем поговорила. Ему, как обычно, все равно! — радостно выпалила молодая и красивая судья Паукова.

Через три дня она огласила ему приговор. Условно. 5 лет условно. Освободить в зале суда. Он смотрел на нее и широко улыбался, а она, уже не обращая внимания на прокурора, адвоката и приставов, широко улыбалась ему в ответ.

И вот он уже стоял перед ней в ее кабинете. Такой молодой, такой красивый и такой свободный. Они смотрели друг на друга и улыбались, не решаясь сделать первый

шаг по направлению друг к другу. А потом, потом он, конечно же, первым бросился к ней и начал целовать...

— Саша, — она впервые назвала его по имени, — любимый, прямо сейчас я не могу, сейчас рабочий день. Давай вечером. Вот, возьми ключи от дома, запиши адрес, отдохни, умойся, тебе ведь, наверное, надо умыться. Жди меня дома.

Он вздохнул:

— Конечно, любимая. Я просто хотел тебя поцеловать. Буду ждать тебя дома. Я всегда буду тебя ждать. Спасибо тебе за все. Ты — самая лучшая женщина в мире. Ты поверила мне, вору, дала мне шанс.

— Да, я поверила тебе. Я знаю, что ты хороший, ты всегда будешь со мной, и у нас будет много-много маленьких детишек, которых мы будем очень любить.

— Да, любимая, обязательно все так и будет.

Он взял ключи, поцеловал ее на прощание и уехал. Как оказалось, навсегда.

Вечером она пришла после работы домой, но там никого не оказалось. Квартира была пуста. И только на столе лежала записка, написанная таким знакомым и таким милым почерком: «Прости, я не могу поступить иначе. Я всегда останусь вором, и этого не изменить. Прости и прощай. Ты мое сердце. Навсегда».

Она не плакала. Она просто взяла зажигалку и сожгла эту записку. Потом подошла к холодильнику, прямо из горлышка выпила Бог знает сколько лет стоявшую там почти полную бутылку водки и легла спать. Больше она не плакала никогда.

Прошло десять лет. Два молодых заключенных грустно переговаривались между собой в ожидании доставки в суд.

– Кто у тебя судья?

– Паукова. Паучиха – жирная тварь.

– О, блин. И у меня Паучиха. До чего же гнида. По ходу, ее вся тюрьма знает. Толстая, противная, орет все время, и еще бородавка эта на заплывшей морде.

– Полный писец нам с тобой, братан. Эта Паучиха срока лепит – мама не горюй. Меньше десятки не дает. Я точно знаю: она одного моего кореша судила. Говорят, особенно 158-ю не любит.

– Ну гнида так гнида. Видать, с жиру из нее злоба прет. Дай-ка ручку.

С этими словами заключенный взял у своего случайного коллеги шариковую ручку и нацарапал на стене: «Судья Паукова – жирная сука».

Таких надписей на этой стене было уже много.

Колобок

Живало-бывало, жил дед со своей бабой, а детей-то им Бог и не дал. Вот и говорит дед бабе: «Испеки-ка ты мне, баба, колобка. Хоть будет у меня сыночек, я его выращу, выкормлю и отправлю в Следственный комитет следователем работать».

А баба ему и говорит: «Вот ты старый дурень! Какой тебе Следственный комитет? Сам все сидел сиднем в прокуратуре следователем, пока совсем полудурком со своей подозрительностью и борьбой с преступностью не стал, за что и выгнали. Замуж за тебя, дурака, выходила – так думала, что ты хоть взятки будешь домой нести, а ты честный, видите ли, был, через что и пострадал. Мало того что днями-ночами в своей прокуратуре работал, так еще и зарплату с дружками-алкашами пропивал. Не будет тебе никакого колобка-следователя! Да и не из чего мне его печь. Ты даже на муку мне денег в своей прокуратуре не заработал».

Долго дед умасливал бабу. Целый месяц посуду в доме мыл, мусор выносил и даже три раза в магазин за продуктами ходил. Подобрела баба, смилостивилась, попросила у соседей горсть муки, замесила тесто, слепила колобка, запекла его в печи да и поставила на окно остывать. А деду строго-настроено наказала: «Никаких следственных комитетов! Вырастет мой колобок

архитектором, выучится и уедет нафиг из этой страны куда подальше».

Получился колобок круглый, румяный да пригожий и стал в доме деда с бабой жить-поживать да ума-разума набираться. Бабка сразу колобка учить стала: «Деда не слушай, он старый, все мозги в своей прокуратуре пропил, читай лучше учебники по физике и химии, чтобы поскорее на архитектора выучиться. Архитекторы, они, знаешь, сколько денег зарабатывают и за границей ой как ценятся!» Только не слушал колобок бабу, не хотел он быть архитектором, а с рождения мечтал быть следователем, как дед. Бывало, пойдет бабка в магазин, а дед с колобком сразу на диван сядут – и давай мечтать-представлять, как колобок дела будет расследовать. Много дед колобку историй разных следовательских рассказал, пока баба не слышала. И как он в кабинете Горбачева обыск проводил, и как семью Ельцина допрашивал, и даже как один раз заместителя министра в тюрьму посадил. Очень колобку нравились рассказы деда. А уж когда дед в воскресенье три рюмочки выпивал, то, бывало, он рассказывал истории одну интереснее другой. И как дед из наградного пистолета пьяный чуть своего начальника-взяточника не застрелил, и как повеситься хотел, когда дело в суд не давали направить, и как его бабка из дома выгнала, когда он неделю на работе обвинительное заключение составлял. Раскроет колобок рот и слушает. А дед знай себе молодость вспоминает. Одного дед никогда не хотел рассказывать колобку: за что его из прокуратуры на пенсию отправили. Никак не мог спокойно об этом говорить, очень переживал и всегда разговор на другое поворачивал.

Наслушался колобок дедовых историй и решил: убегу от бабки, пойду в Следственный комитет устраиваться, с преступностью бороться да закон защищать. Сказано – сделано. Только бабка за порог – колобок шмыг через окно и убежал. Покатился колобок по Москве, закатился в метро, доехал до станции метро «Бауманская», а там уже и до Следственного комитета не далеко. Пришел он к самому начальнику управления кадров и говорит: «Возьмите меня следователем работать, хочу я с преступностью бороться». Удивился начальник управления кадров. Никогда еще он говорящий хлеб не видел. Много всяких следователей он повидал: и с кошельком вместо головы, и с пустым ящиком, и даже вообще без головы, но чтобы говорящий хлеб в следователи устраиваться пришел... Поговорил начальник управления кадров с колобком и видит: вроде паренек хоть и из хлеба сделан, а башковитый и о работе следовательской мечтает. «Ладно, – говорит, – возьмем мы тебя на работу, но поедешь в самый далекий отдел, где у нас никто работать не хочет и полный недокомплект следователей».

Согласился колобок, подписал трудовой договор со Следственным комитетом и покатился в самый далекий отдел Московской области, следователем работать.

Вот и стал колобок работать следователем Следственного комитета. Надавали ему дел всяких разных, и начал он их расследовать. Долго ли коротко ли, но стал колобок опытным следователем, научился пить, курить, щетиной весь зарос, хотя и про уголовные дела свои не забывал. Расследовал-расследовал колобок свои дела, да так здорово, что на расследовал по одному доказательству на известного олигарха и мецената Лисова, который на поверку

оказался обычным воришкой-мошенником. А был этот Лисов не только известным олигархом и миллионером, но еще и родственником одного важного-преважного чиновника, которого все боялись. Не знал колобок, как к этому Лисову подступиться, и пошел за советом к своему деду.

Послушал дед колобка, закручинился и говорит: «Знаю я этого Лисова, через него меня из прокуратуры и выгнали. Задерживал я его на 48 часов за мошенничество да хотел было обвинение предъявить. Тут-то меня и выгнали. Говорят, мол, хорошо, что еще только выгнали, а не посадили, знал ведь, чей родственник. Вот и советую я тебе: не связывайся ты с ним».

Закипела у колобка горячая кровь, в висках от гнева застучало, и говорит он деду: «Все равно я этого Лисова посажу. Он преступник, и у меня все доказательства имеются».

Тогда и говорит дед колобку: «Ложись-ка ты спать-почивать. Утро вечера мудренее. А я пока думаю следовательно-скую буду думать. Авось что и придумаю». Послушался колобок деда, лег в кровать да и заснул молодецким сном.

Всю ночь думал дед думу, курил на кухне, шептал что-то, матом про себя ругался, но все же придумал: «Согласуй,— говорит,— ты вначале обвинение Лисова со всеми своими начальниками. Вначале в отделе, потом в управлении, а потом и в сам комитет катись. Только пусть тебе письменно подпись о согласовании поставят. Тогда они тебя потом уволить за обвинение не смогут. А коли будут начальники артачиться, так ты спой им песенку: «Я колобок, колобок, я министра сынок, согласуй обвинение, дяденька-начальник, а то папке позвоню». Начальники сразу испугаются, что у тебя папа большой человек, и подпись-то и поставят.

Обрадовался колобок, крикнул бабушке «спасибо» и покатился в свой отдел обвинение Лисова согласовывать. Прикатился к начальнику следственного отдела и говорит: «Начальник-начальник, согласуй мне обвинение Лисова, я все доказательства собрал, вот и справка имеется».

А начальник ему и отвечает: «Не буду ничего согласовывать, ишь чего удумал! Иди лучше оскорбление сотрудника полиции расследуй, а Лисов — он святой, его не трогай, у него родственник сам знаешь кто».

Колобок тогда и запел свою песенку: «Я колобок, колобок, я министра сынок, согласуй обвинение, дяденька-начальник, а то папке позвоню».

Услышал начальник песенку, испугался, что у колобка и правда папа — министр, да и поставил свою подпись, согласовал обвинение. Колобок обрадовался и покатился уже дальше, в следственное управление.

Катался так, катался колобок по инстанциям, подписи под согласованием обвинения Лисова собирал, и везде его песенка работала, пока не прикатился он к одному важному начальнику в Следственный комитет.

А начальник этот молодой, еще моложе колобка. Важный, щеки толстые, сидит за столом, на колобка гнева-ется, носом недовольно сопит и звездами генеральскими сверкает. Спел колобок ему песенку, а начальник ему и говорит: «Врешь ты все. Никакой ты министра не сынок, а я его сынок. Был бы ты сынок, то сидел бы на моем месте, а я на твоём бегал и подписи под согласованием собирал. А Лисова ты трогать не смей, он мне деньги каждый месяц платит».

Послушал его речь колобок и отвечает тихим голосом: «Пошел ты в жопу, козел. Я согласно статье 38 УПК РФ

самостоятельно направляю ход расследования, и ты мне здесь не указ». Сказал эти слова колобок, хлопнул дверью и укатился к себе в отдел, только начальник его и видел.

В этот же день вызвал колобок Лисова к себе в кабинет, задержал на 48 часов и обвинение в мошенничестве предъявил. Лисов с обвинением ознакомился, подпись свою размашистую поставил и говорит колобку: «Ну все, колобок, смерть твоя пришла. Знаешь ведь, где у меня родственник работает. Миллионы долларов заплачу, но тебя из Следственного комитета выгонят, а потом еще и съедят». А колобок ему и отвечает: «Вы, гражданин преступник, зря злобствуете. Я и сам завтра уволюсь, но 48 часов вы у меня в изоляторе посидите. Не исправитесь — так хоть добрее станете».

Как сказал — так и сделал. Отправил Лисова в ИВС, написал рапорт, уволился, покатился до границы, перекатился через Белоруссию в Германию, выучился на архитектора и стал дома для немцев строить. Деньжищ заработал кучу, как ему баба и говорила. Очень уж хорошо в Германии архитекторам живется. Еще и деда с бабой к себе перевез. Вот они-то рады были! Стали все вместе жить-поживать да добра наживать. Днем колобок дома для немцев строит, а вечером сядет с дедом на кухне, махнут они по рюмочке — и давай вспоминать, как уголовные дела расследовали. И так у них складно эти воспоминания получались, что даже баба заслушивалась и слезу роняла.

...А Лисова потом все равно посадили, когда его родственника с важной должности выгнали.

Студенческий до Красноармейска

Два человека сидели в лобби-баре гостиницы «Украина» и пили чай из красивых фарфоровых чашек. Первый — пожилой, лет 60, одетый в недорогой темный костюм, — заметно нервничал и все время посматривал на часы.

— Сереж, а чего он опаздывает-то так сильно? У меня поезд через четыре часа, — спросил он своего собеседника.

— Дядь Володь, да не волнуйтесь вы, все нормально будет. Звонил он, сейчас подъедет, — успокаивал его более молодой собеседник.

Тот, которого называли Сережей, был одет по последней московской моде, а на столике перед ним небрежно лежали три телефона, которые периодически звонили, от чего дядя Володя всякий раз вздрагивал. Сереже было не больше 25 лет.

— Сереж, я все-таки переживаю. Точно он не кинет? Давно ты его хоть знаешь? — продолжал наводить панику дядя Володя.

— Дядь Володь, да какой там кинет! Это очень серьезный человек. Я его сам-то всего пару раз видел. Но там уровень выше моего. Он со старшими трется. Выход на первых лиц напрямую. У них здесь целый этаж в «Украине». Чуть что — сразу в Администрацию звонит, — успокаивал Сережа.

— Сереж, ну ты меня пойми. Такие бабки отдавать непонятно кому. Я человек простой, всю жизнь в колхозе горбатился, не знаю, как тут у вас чего.

— Дядь Володь, был бы непонятно кто — разве бы я тебя к нему привел? Там уровень, я тебе говорю. Конкретный уровень. Администрация, ФСБ, кремлевская связь, все дела. Любой вопрос влет решает. И потом, ты же мне родной дядя. Ты же мне как второй отец, можно сказать.

Дядя Володя заулыбался.

— Да. А помнишь, как мы на рыбалку ездили, на карася?

— Помню, дядь Володь.

— А как тебя осы покусали, и я тебя на руках до дома нес, а ты все плакал и маму звал?

— Конечно, помню, дядь Володь.

— Молодец ты у меня. В Москву уехал из нашей деревни, в люди выбился. Связи у тебя, знакомства всякие.

— Работаем, дядь Володь. На месте не сидим. Москва движение любит. Отдыхать некогда.

— Слушай, Сереж, ну а все-таки чем он занимается-то, твой Марк? — снова перевел разговор на волнующую его тему дядя Володя.

— Дядь Володь, да хрен его знает. Я сам толком не в теме. Металлургия какая-то, акции, заводы-пароходы, ну и так, по мелочи, проекты всякие. Людям вот еще хорошим помогает.

— Заводы-пароходы. Это нам, колхозникам, непонятно. Ты же знаешь: я всю жизнь в навозе возился. Ладно, лишь бы помог.

— Да поможет, дядь Володь, поможет. Он серьезный.

— Чего же тогда опаздывает твой серьезный?

— Деловой потому что человек. Крутится-вертится, вопросы решает.

— Ой, не нравится мне это. Хотя бы на поезд не опоздать.

— Да не опоздаешь, дядь Володь. Я его попрошу — он тебе машину с мигалкой даст, быстро до вокзала домчишься.

— У него что, и мигалка есть?

— Дядь Володь, у него не только мигалка, ему генералы честь отдают!

— Ой, боязно все равно, Сереж. Где я и где генералы эти ваши.

В этот момент к столику упругой походкой подошел мужчина лет тридцати пяти. Внешним видом и одеждой он чем-то напоминал Сережу, но выглядел чуть старше и чуть солиднее.

— Добрый день. Меня зовут Марк Наумович, прошу великодушно извинить за опоздание: был на коллегии, — сказал он, протягивая руку дяде Володе.

— Владимир Федорович, — заметно смущаясь, ответил дядя Володя.

Марк Наумович достал из внутреннего кармана пиджака визитницу, извлек оттуда визитную карточку и дал дяде Володе. На белой визитке золотыми буквами было написано «Френклин Марк Наумович», а чуть ниже имелся номер телефона. Более никакой информации визитная карточка не содержала. Дядя Володя повертел визитку в руках и убрал в карман брюк.

— Ну здравствуй, дорогой мой, сколько лет, сколько зим! — поздоровался Марк Наумович с Сережей. Они обнялись.

После того как Марк Наумович уселся за стол и заказал у официантки, которую он панибратски назвал Ирочкой, чашку самого крепкого американо с молоком, между собеседниками повисла неловкая пауза.

— Слушайте, ну и пробки сегодня в Москве. Я сейчас из Кремля. Набережная стоит намертво. Пришлось водителя отпускать и на своих двоих к вам, — перебил тишину Марк Наумович.

— А что там было, в Кремле-то? — заинтересовался дядя Володя.

— Да так, совещание одно, у второго лица. Говорят-говорят, обсуждают. Все думают умные люди, как кризис экономический победить. Никак придумать не могут, — пояснил Марк Наумович.

— А когда он закончится, кризис этот? — задал еще один вопрос дядя Володя.

— Понимаете, многоуважаемый Владимир, — извините, отчество не запомнил. Ответ на этот вопрос может дать один ваш тезка, ну и еще пара человек в этой стране. Хотя относительно этой пары человек я бы не был столь категоричен. Здесь все решает первый, — ответил Марк Наумович и многозначительно указал пальцем наверх.

Дядя Володя посмотрел по указанному Марком Наумовичем направлению, но ничего, кроме роскошной позолоченной люстры, вокруг которой почему-то летала большая зеленая муха, не увидел.

— Марк, ну чего, поговори с человеком, помоги вопрос ему решить, — обратился к Марку Наумовичу Сергей.

— Да решим, решим, — чуть устало произнес Марк Наумович, и потом продолжил: — У меня сейчас одна тема есть на десять ярдов. Олег Дерипаска подогнал. Но тяжело

идет, очень тяжело. Там сечинские лезут напролом. Никому, кстати, завод в Черногории не нужен? — спросил он.

— Не, я больше по сельскому хозяйству, — смущенно улыбаясь, пояснил дядя Володя.

— По сельскому тоже есть тема горящая. Земля хорошая в Краснодарском крае. Вчера только Ткачев звонил.

— Какой Ткачев? — не понял дядя Володя.

— Дядь Володь, ну ты как маленький совсем! Ткачев — это губернатор Краснодарского края, — хохотнул Сережа.

— Аааа, губернатор. Не, я губернатора не знаю. Я вообще телик почти не смотрю. Только когда футбол, ну или «Формула 1», — еще больше смутился дядя Володя.

Марк Наумович одобрительно улыбнулся.

— Формула 1 — это дело хорошее. Мы вот с партнерами тоже думаем вложиться. Сейчас ведь у нас в Сочи этап будет. Ну да ладно, что мы все о делах. Давайте к вашей проблеме. Только предупреждаю, что если вопрос касается первых лиц, то это не ко мне. Я свой уровень знаю. Мой уровень — это вторая-третья десятка.

Дядя Володя вздохнул.

— Я в этих уровнях ничего не понимаю. Мне бы вопрос мой решить. Понимаете, я всю жизнь в колхозе работал. Колхоз у нас в Ярославской области был. А когда он развалился, то землю я прикупил, ну и стал я вроде как фермер. Вначале тяжело было, но работал много — и потихоньку-потихоньку пошло дело. Еще земли прикупил, трактор. Коров держу, свиней. Сына выучил. Сережке вот помог комнату в Москве купить. Но недавно вызвал меня глава района и говорит: «Больно ты круто развился, Федорыч. Давай-ка половину земли оформляй на моего родственника, а не то обложу проверками». Ну, я вначале

заерепенился, послал его по матери, а потом как начались проверки! И ветеринарный контроль приезжал, и ОБЭП каждый день ездит, и пожарная инспекция. Проходу от них нет. И все мне говорят: помирись ты с главой района, очень он давит на нас. Теперь вот дело какое-то, говорят, заведут. С налогами что-то. Помогите, Марк Наумович. А я уж в долгу не останусь.

Марк Наумович грустно посмотрел на дядю Володю.

— Дорогой Владимир, опять забыл отчество. Поймите, глава района — это такая мелочь, не уровень совершенно. Меня партнеры засмеют. Ну ладно там — губер был бы или хотя бы первый зам. Но глава района — это просто позор. Где мы и где глава района! Дайте ему бабок — и пусть отвалит. Там вопрос-то наверняка копеечный.

— Для кого копеечный, а кому и всю жизнь пришлось на это корячиться, — надул губы Владимир Федорович.

— Марк, прошу по-дружески, не горячись. Помогите человеку. Дядя это мой, родной человек, — вмешался в разговор Сергей.

— Ну ладно, ладно, раз родной — помогу. Близким помогать надо, — смягчился Марк Наумович.

— В принципе, дело несложное. Один звонок губернатору — и ваш глава района станет простым колхозником, — продолжил он. А может, нам вас вице-губернатором сделать?

— Не, вице-губернатором мне не надо, у меня образования такого нет. Вы лучше помогите вопрос с главой решить, чтобы отстал он, а я уж в долгу не останусь. Вы только скажите, сколько денег надо платить, — снова перешел к конкретике дядя Володя.

— Послушайте. Это не так просто. Здесь надо посчитать экономику вопроса, — сказал Марк Наумович.

— Да какая там экономика! Скажите, сколько платить, — и все дела. Я человек простой, мне эти экономикки непонятны. Цифру мне назовите, — волнуясь, напирал дядя Володя.

— Ну хорошо. Допустим, если это один мой звонок, то за беспокойство уважаемого человека потребуется пятерка, — чуть помолчав, ответил Марк Наумович.

Дядя Володя полез в карман за кошельком.

— Пять тысяч, что ли? Ну, это мы можем прямо сейчас решить.

Марк Наумович презрительно скривил губы.

— Каких тысяч, Владимир? Миллионов. Это Москва, дорогой мой, здесь такие цифры.

Дядя Володя решительно встал из-за стола.

— Эээ, нет! Каких миллионов?? У меня и денег таких нет. А если бы и были, никогда бы не отдал. Хрен с ним, с главой, пусть дальше проверяет. Не я первый — не я последний. Лучше в тюрьму сяду, чем такие деньги платить. Пусть сажает. Мне терять нечего.

Марк Наумович тоже встал.

— Ну что же, господа. Мое дело предложить — ваше дело отказаться. Я побежал. Дела-дела. За кофе, надеюсь, заплатите?

— Конечно, заплатим, — ответил Сергей.

Марк Наумович попрощался и своей упругой походкой ушел по направлению к выходу.

— Зря ты так, дядь Володь. Серьезный ведь мужик, мог помочь, — сказал Сергей.

— Да ну его к лешему! Совсем, что ли, сдурел он? Пять миллионов! Были бы такие деньжищи — все равно бы не дал. Не понравился он мне. Противный какой-то,

скользкий. Глаза бегают. Серьезный! Какой он серьезный? Так, фуфло. Где работает, что делает, какую кому пользу приносит? Ходит только, кофе пьет, рассуждает чего-то,— презрительно отозвался о Марке Наумовиче дядя Володя.

Они помолчали. Каждый думал о своем.

— Ладно, Сережка, поеду я. Поезд скоро. Буду сам со своими делами разбираться. Авань не посадят,— сказал дядя Володя.

— Хорошо, дядь Володь. Звони, если надумаешь все-таки. Думаю, можно ему немного цену сбить.

— Да ну его начисто! Ни копейки такому жуку не дам. Лучше свиньям скормить или в навозе закопать — и то полезнее.

Через час дядя Володя был уже на площади Ярославского вокзала. До поезда оставалось еще минут пятьдесят, а потому он бесцельно смотрел по сторонам. Внезапно заметил знакомую фигуру, стоящую в длинной очереди к билетной кассе пригородных поездов. Марк Наумович.

Дядя Володя незаметно подошел поближе. Марк Наумович одной рукой прижимал к уху телефон, а другой жадно запихивал в рот уже обкусанный им большой кусок лаваша. Жуя свой лаваш, он громко кричал в трубку: «Да, мама. Еду, мама. Билет покупаю. Нет, гороховый суп не буду. Я в Москве в ресторане пообедал. Да, дел много. Нет, денег не заработал пока. Хорошо, капусту куплю».

Марк Наумович положил трубку. Подошла его очередь в кассу.

— Девушка, студенческий до Красноармейска,— сказал он и показал кассирше какую-то корочку.

Дядя Володя отошел в сторону и смачно плюнул на асфальт. Какой-то опустившегося вида бродяга, тащивший

за собой большой дорожный чемодан на колесах, на котором было написано «Louis Vuitton», ходил по площади и собирал пустые пивные бутылки. Дядя Володя посмотрел на часы: до отправления поезда оставалось 15 минут. Можно было ехать назад в деревню. Москва дяде Володе не понравилась.

Самый сексуальный адвокат

Самый сексуальный адвокат недовольно осмотрел свое отражение в зеркале. Да, он был хорош: налитые силой бицепсы, рельефный пресс, модная прическа, небольшая, придающая еще большую мужественность облику щетина. Но нет, все-таки чего-то в этом образе не хватало. Самый сексуальный адвокат в задумчивости подошел к гардеробному шкафу, снял розовые стринги и надел салатовые. «Нет, в розовых было лучше», — подумал он и снова переделся. Может быть, не хватает ароматического масла? Он открыл тюбик и медленными массирующими движениями нанес на мускулистое тело тонкий слой масла. Масло придало телу легкий бронзовый оттенок. Но все равно он был недоволен собой. Самый сексуальный адвокат в раздумьях походил кругами по комнате, затем прошел к холодильнику, расположенному на кухне. Именно здесь он нашел то, что искал все утро, — завершение образа. Это был его секрет, секрет успеха самого сексуального адвоката. Секрет, который не раз помогал ему в самых сложных переговорах с самыми несговорчивыми клиентами. Он посмотрел на себя в зеркало — образ был завершен. О да, как же он был хорош! Все-таки он самый сексуальный адвокат. Он натянул на себя яркую голубую сорочку, завязал галстук, облачился в элегантный пиджак и в последний раз посмотрел в зеркало. «Ты — самый

сексуальный адвокат», — говорило ему зеркало. «Я — самый сексуальный адвокат», — медленно, с придыханием (именно так его учил знаменитый на всю Москву пиар-менеджер) ответил он зеркалу. Потом он повторил эту фразу еще и еще, заряжая себя уверенностью. Самым сексуальным адвокатом он был всего 8 месяцев, а до этого целых 12 лет просто специализировался на семейных и имущественных спорах, пока не познакомился с тем самым знаменитым пиар-менеджером, перевернувшим его представление о построении карьеры. Поначалу работать самым сексуальным адвокатом было достаточно трудно, но с каждым новым клиентом (а их в последнее время становилось все больше) эта роль давалась ему все легче. Кроме того, помог небольшой опыт занятий балльными танцами и бодибилдингом в студенческие годы.

Самый сексуальный адвокат закрыл дверь в небольшой квартире в спальном районе Москвы (скоро, совсем скоро он сможет переехать в более престижный район, где и должны жить самые сексуальные люди Москвы) и поспешил на встречу с клиентом. Этот новый клиент наверняка должен был быть весьма и весьма состоятельным человеком. Ведь оказать ему юридическую помощь просил самый настоящий депутат Государственной думы, которому лет 6 назад самый сексуальный адвокат помог удачно разрешить один бракоразводный процесс. Что за клиент, депутат толком не пояснил, однако сказал, что человек «при бабках», а это в наше время является лучшей характеристикой от другого уважаемого человека, у которого с «бабками» все тоже было более чем нормально. Самый сексуальный адвокат почему-то представил, что новым клиентом будет женщина лет 50, вдова

какого-нибудь недавно почившего олигарха: именно такие дамы в последнее время разрывали его номер телефона и адрес электронной почты с просьбами об оказании юридической помощи. Он остановил автомобиль возле цветочного ларька и купил самый роскошный букет. Он, самый сексуальный адвокат, знал толк в букетах для вдов олигархов.

Самый сексуальный адвокат подъехал к дому нового клиента, опытным взглядом оценил стоимость особняка (миллионов 20, не меньше), еще более повеселел и нажал кнопку звонка. Через минуту дверь открылась, и он зашел внутрь. В доме был полумрак, а потому клиента он смог рассмотреть не сразу.

– Здравствуй, мадам, я самый сексуальный адвокат. Чем могу помочь в разрешении вашей проблемы? – томным, с легкой хрипотцой голосом спросил он, протягивая в темноту букет.

Неожиданно прямо в глаза ему засветил ослепляющий луч фонаря, и темнота суровым мужским голосом спросила: «Ты че, животное, дом попутал, что ли? Веник свой в жопу себе засунь, где ему самое место».

Самый сексуальный адвокат в испуге чуть отпрянул назад, бросил цветы на пол и смог рассмотреть, что в лицо фонарем ему светила далеко не мадам, а мистер лет 50–60, с абсолютно квадратной фигурой, такой же квадратной, лишенной всякой растительности головой, весь покрытый синего цвета татуировками. Из одежды на мистере были надеты черные семейные трусы и защитного цвета майка. Весил мистер килограммов 120.

– Алле-малле, че молчишь? Кто прислал тебя, животное? – сурово спросил мистер.

Самый сексуальный адвокат облегченно выдохнул, вспомнил все, чему ему учили на психологических тренингах по ведению переговоров с наиболее сложными клиентами, и ответил, что он не животное, а адвокат, который приехал по рекомендации уважаемого Сергея Ивановича в связи с возникшей у клиента юридической проблемой, которую он, адвокат, готов помочь разрешить. Слово «сексуальный» в качестве характеристики своей адвокатской деятельности он в этот раз предусмотрительно произносить не стал.

Мужчина нахмурил брови.

– Так ты адвокат, что ли? А че вырядился, как петух? Зашкварить меня решил, падла?

– Простите, уважаемый, не знаю вашего имени-отчества, я не понимаю вашего сленга, – ответил на этот выпад самый сексуальный адвокат.

– Точно петух. Ну, сука. Кто тебя, говоришь, послал, чтобы меня зашкварить?

– Сергей Иванович Грымзин. Депутат Государственной думы. Позвонил по телефону и сказал, что вы нуждаетесь в услугах адвоката, – по возможности сдерживая дрожь в голосе, пояснил самый сексуальный адвокат.

– А. Гнутый, что ли? С петухами, значит, дружбу водит, падла. Ну, пойдём на свет, разговор вести будем, обоснуешь, кто ты и что ты, – такими словами мужчина, назвавшийся коротким, но емким именем Штырь, пригласил самого сексуального адвоката в столовую.

Штырь сел за стол, на котором была рассыпана небольшая горка белого порошка, вдохнул одной ноздрей этот порошок через стодолларовую бумажку, которых в избытке лежало на этом столе, и снова поднял угрюмые глаза на самого сексуального адвоката:

– Под хвост давно балуешься?

Самый сексуальный адвокат попытался тоже приблизиться к столу, чтобы сесть – сил в ногах у него совсем не было, но получил грозный окрик:

– Стоять, падла! Куда за дубок садишься? Отошел к стене. За дубком порядочные арестанты сидеть могут, а твое место у парашаи.

Самый сексуальный адвокат осмотрел большую столовую. Унитаз здесь почему-то не было, и поэтому он просто отошел подальше от стола и сел на корточки возле стены.

– Отвечай, когда тебя уважаемые люди спрашивают! Под хвост, говорю, давно балуешься? – уже закричал Штырь.

Самый сексуальный адвокат закрыл глаза и попытался представить морской берег, как ему всегда советовал поступать в стрессовых ситуациях психологический консультант. Почему-то вместо морского берега ему представлялся только покрытый татуировками Штырь, подходящий к нему с ножом в руке.

Он хотел было пояснить, что он не по этой части, что с ориентацией у него все в порядке, что к гомосексуализму он относится столь же отрицательно, как и его потенциальный доверитель, но дать такие пояснения не успел.

Внезапно со стороны входной двери что-то загрохотало, после чего раздались истошные крики: «Работает уголовный розыск, всем лежать».

– Падла, мусоров на хвосте привел, порошок прячь! – заорал Штырь и кинул самому сексуальному адвокату небольшой полиэтиленовый пакет, после чего упал на пол, накрыв голову руками.

Практически сразу в столовую с криками влетело человек 10 крепких мужчин в масках и бронежилетах. Спецназ – понял для себя самый сексуальный адвокат и закрыл лицо руками, пытаясь представить шум хвойного леса. Командовал спецназовцами мужчина лет 40, который, в отличие от остальных, был одет в гражданские брюки и рубашку с коротким рукавом.

– Ну что, Штырь, в этот раз ты доигрался! Мы тебя долго пасли. Давай порошок, мы знаем, что он здесь, – командным голосом приказал мужчина.

– Нету у меня ничего, начальник. Все, что найдешь, твое, – чуть приподняв голову с пола, ответил криминальный авторитет.

– Ну что же, мужики, обыщите и его, и дом, переверните здесь все, но порошок найдите! – дал команду начальник.

Начался обыск. Крепкие мужчины переворачивали дом вверх дном. Внезапно взгляд начальника упал на скукожившегося в углу и выглядевшего уже не таким сексуальным адвоката: «А это что за пассажир? Любовника себе завел? А, Штырь? Ты же вроде не по этой части был?»

Штырь только злобно прорычал, а самый сексуальный адвокат робко пояснил, что он адвокат, который прибыл для оказания юридической помощи клиенту.

– Мужики, этого тоже обыщите, – показал начальник пальцем на самого сексуального адвоката.

К самому сексуальному адвокату подошел один из крепких спецназовцев: «Встать, руки вверх, ноги на ширине плеч, одежду снимай».

Самый сексуальный адвокат начал медленно раздеваться.

— Товарищ полковник, не могу я его обыскивать: он говном каким-то весь измазан, пусть кто-нибудь другой,— внезапно запротестовал суровый спецназовец.

— Работаем, Миша, работаем. В нашей работе без говна никак,— скомандовал полковник.

— Это не говно, это специальное ароматическое масло,— запричитал самый сексуальный адвокат.

Из одежды на нем остались только розовые стринги. Порошка не было.

— Товарищ полковник, не могу я больше. Пусть хоть трусы не снимает, меня сейчас вырвет,— заорал спецназовец.

— Терпи, Миша. Мое оперативное чутье подсказывает, что порошок там,— заорал в ответ начальник. — Снимай трусы! — приказал он самому сексуальному адвокату.

Тот двумя руками взялся за тонкую полоску стрингов и плавным движением (уроки балета не прошли даром) потянул трусы вниз. Внезапно из трусов выпала и покати­лась к ногам полковника круглая, небольших размеров карто­фелина. Одного из спецназовцев вырвало.

Полковник брезгливо дотронулся до карто­фелины ногой, смачно плюнул на пол и скомандовал своим бойцам: «Уходим отсюда, мужики. В этой петушатне нам делать нечего,— а затем, обращаясь к Штырю: — Ну, ничего, в следующей раз я тебе определю лет на 10, не отвертись».

— А ты ничего, опытный. Давно адвокатствуешь? — минут через 15, сидя за столом и нюхая очередную дозу порошка, спрашивал адвоката чуть подобревший Штырь.

— Лет 12 уже,— ответил самый сексуальный адвокат. К столу он при этом предусмотрительно не подходил.

— Будешь теперь со мной по уголовке работать. Надо иногда пацанам на Бутырку грёв носить. Только трусы свои береги или еще пару новых таких же купи,— милости­во произнес Штырь и внезапно захохотал: — С картошкой это ты хорошо придумал!

— Домашняя заготовка,— смущенно улыбнулся самый сексуальный адвокат.

— На вот тебе за работу,— кинул адвокату со стола увесистую пачку долларов Штырь.

Самый сексуальный адвокат быстро убрал доллары во внутренний карман пиджака и поспешил распрощаться.

— Только руку правильным пацанам не протягивай: зашкваришь же, падла,— напоследок по-доброму напут­ствовал его Штырь.

Дома самый сексуальный адвокат пересчитал доллары. Денег в пачке оказалось даже больше, чем он мог предположить. Это был оглушительный успех. Воронка продаж все-таки сработала, а значит, он действительно самый сексуальный адвокат, как и учил знаменитый пиар-менеджер. Работать по уголовным делам ему определенно понравилось.

Самый сексуальный адвокат – 2

Самый сексуальный адвокат лежал на тигровой шкуре, задумчиво ощупывал левый трицепс и бесцельно смотрел в потолок. Депрессия. Иногда она настигает даже самых сексуальных людей этой планеты.

Внезапно в звенящей тишине его большой пустой квартиры раздалась мелодия из кинофильма «Дети капитана Гранта». Назойливо звонил его когда-то любимый, а теперь такой надоевший шестой айфон. Самый сексуальный адвокат недовольно вздохнул, потянулся, встал с тигровой шкуры и подошел к зеркалу. Телефон не умолкал. Самый сексуальный адвокат привычным взглядом оценил свою фигуру в зеркале. Все-таки он был хорош: мощный плечевой пояс, рельефные кубики пресса и, конечно же, взгляд. Взгляд самого сексуального адвоката, с помощью которого он выиграл не один сложный процесс и перевернул в свою пользу не одни тяжелейшие переговоры. Он самый сексуальный адвокат, и он знал это. Впрочем, последние несколько дней его не радовала собственная сексуальность. Он повернулся к зеркалу спиной и выполнил позу «двойной бицепс сзади». Великолепно! Но сегодня он не радовал самого себя даже в этой, наиболее выигрышной, позе. Депрессия. Это была самая настоящая депрессия.

Проклятый телефон не умолкал. Самый сексуальный адвокат посмотрел на экран. Номер был ему незнаком. Мысленно чертыхнувшись, он снял трубку в надежде, что это будет какой-нибудь рекламный опрос, а не очередная надоедливая клиентка, предлагающая свои миллионы в обмен на его юридическую помощь. К сожалению, он ошибся.

– Алло, здравствуйте, мне срочно нужен самый сексуальный адвокат по очень деликатному делу, – защебетала трубка.

Самый сексуальный адвокат недовольно зажмурил глаза. По первым же фразам он понял, что это был тот самый тяжелый случай: томящаяся от одиночества дама лет 60, которая увидела его рекламу в женском журнале и захотела получить консультацию на дому. Конечно же, вопрос у нее был крайне срочный и конфиденциальный, а консультацию необходимо было провести в обстановке полумрака у нее в загородном доме в районе Новорижского шоссе. Он морщась представил, как он будет делать вид, что разбирает какие-то документы, связанные со спором двух акционеров, а она будет делать вид, что не смотрит на его мускулистый торс, обтянутый фиолетовой рубашкой с блестками. Дальше он как бы невзначай уронит одну из бумажек на пол, бросится ее поднимать, а она бросится ему помогать. Их руки случайно встретятся и... О, нет... Он понял, что его сейчас вырвет.

– Алло, алло, ну где же вы, мой юридический принц? – надрывалась трубка.

– Он умер, – хриплым голосом ответил трубке самый сексуальный адвокат, нажал кнопку сброса, после чего почему-то брезгливо посмотрел на свои руки. Эти ногти

не видели маникюра уже три дня. Такого с самым сексуальным адвокатом не было уже давно, а, может быть, и никогда.

В состоянии сильнейшего волнения он сделал несколько глубоких приседаний перед зеркалом, снова взял в руки телефон и перезвонил даме, жаждущей юридической консультации. Чувство профессионального долга подсказывало ему, что он должен сказать: «Да, да, мадам, самый сексуальный адвокат спешит к вам на помощь». Но в последний момент чувство неприязни к звонившей пересилило, и он проорал в трубку: «Где ты взяла этот номер? Больше не звони сюда, дура!»

Немного отпустило. Он подошел к холодильнику, распахнул белоснежную дверь и за многочисленными судками с вареной куриной грудкой, приготовленной на пару капустой брокколи, смешанной с листьями салата и яичным белком, отделенным от желтка, все-таки нашел то, что искал. О нет, на этот раз это была не картошка, как, наверное, подумал искушенный читатель. Это была обычная прозрачная бутылка с жидкостью, которую любят принимать внутрь все русские мужики в качестве лекарства от депрессии. Самый сексуальный адвокат открыл бутылку и сделал пару жадных глотков прямо из горлышка. Водка обжигала, но сейчас это было весьма кстати. Минут через десять он понял, что наконец готов к принятию трудного решения, которое все эти дни ему не давалось.

Самый сексуальный адвокат быстро оделся, взял ключи от машины и вышел на улицу. Только в машине он понял, что впервые за долгое время забыл посмотреть в зеркало перед выходом. Времена психологических тренингов с зеркалом были давно в прошлом.

Минут через 20 он уже парковал свою машину во дворе одного из московских домов и нетерпеливо звонил в дверной звонок. Дверь открыл молодой человек приятной наружности, одетый в розовый халат. Да, это был он — тот самый знаменитый на всю Москву маркетолог. Именно этот человек когда-то разглядел в одном подмосковном спортсмене, кои тысячами находят себе низкооплачиваемую работу охранников, а затем спиваются, талант самого сексуального адвоката. Именно он вылепил из скромного подкаченного юноши загорелого мачо, чей телефон разрывался от звонков клиентов. Легенда юридического маркетинга стояла перед самым сексуальным адвокатом и ласковым взглядом смотрела на свое детище.

— Ну, здравствуй, дружище! Как же я рад тебя видеть! Слушай, а что с ногтями? Что-то случилось?

Самый сексуальный адвокат презрительно посмотрел на маркетолога и неожиданно нанес ему удар ногой в живот. Удар был настолько сильным, что маркетолог отлетел к стене, приложился головой обо что-то твердое и тоскливо завыл.

— Воешь, скотина? Вой-вой. Это еще цветочки. Время расплаты пришло! — довольно проговорил самый сексуальный адвокат, после чего схватил маркетолога за волосы и потащил в одну из комнат.

— За что, дорогой? За что? Что я тебе сделал? — визжал маркетолог.

Самый сексуальный адвокат бросил маркетолога в середину комнаты, еще раз пнул его ногой, подошел к столу, взял одну из сигарет и закурил.

— Сейчас я тебе расскажу за что. Ты же мне жизнь испортил, скотина. Только посмотри, что ты со мной

сделал! — кричал самый сексуальный адвокат. — Надо мной же все смеются! Люди слух распространяют, что я гей. Другие адвокаты здороваться отказываются. Какой-то придурок вообще рассказ скабресный придумал, что я картошку в трусы прячу для привлечения клиентов!

Маркетолог приподнялся на локте.

— Ну, картошка, допустим, — это целиком твоя инициатива. Я тебе таких советов не давал, а всегда говорил, что продвинутые юристы используют в этих целях заячью лапку. А люди... Что люди? Плохой пиар — это тоже пиар. Они тебе просто завидуют. Ты же теперь их всех можешь купить. Ты ведь самый сексуальный адвокат, у тебя бешеные гонорары.

— Да ты знаешь, как мне даются эти гонорары! — заорал самый сексуальный адвокат. — Меня в последний раз после твоего совета поработать по уголовным делам один зек чуть не изнасиловал!

— Во всех профессиях таятся опасности, а адвокат всегда ходит по лезвию бритвы, это его призвание, — спокойно возразил маркетолог. — И вообще, чего ты так раскричался? Ты что, пьяный? Хочешь, я включу тебе шум хвойного леса для снятия психологического напряжения?

— Для снятия психологического напряжения я тебе сейчас морду набью, — еще больше разозлился самый сексуальный адвокат.

— А вот этого не надо, я и так понял, что у тебя плохое настроение и надо менять концепцию твоей раскрутки. Давай-ка выпьем. У меня есть гениальная идея, совершенно сногшибательная, но на трезвую голову ее обсудать нельзя, — с этими словами маркетолог поднялся с

пола и ушел на кухню, откуда вскоре раздалось звяканье бутылок.

Самый сексуальный адвокат сел на диван и обхватил голову руками. Может быть, чертов маркетолог прав? В конце концов, морду ему он всегда набить успеет, а выпить хочется до звона в ушах.

Уже через 5 минут они сидели за столиком и пили какую-то прозрачную жидкость.

— Рисовая водка, убойная вещь, партнер из Японии привез, — пояснил маркетолог.

Самый сексуальный адвокат сделал один глоток и понял, что земля уходит у него из-под ног. «Порошок, он подмешал в водку какой-то ядовитый порошок!» — понял самый сексуальный адвокат и потерял сознание.

Когда он очнулся, то осознал, что лежит абсолютно голый в каком-то светлом помещении, а его руки и ноги крепко привязаны к столу. Он приподнялся и увидел, что в глубине комнаты сидело несколько человек в белых халатах, а вокруг них, возбужденно размахивая руками, суетился знаменитый маркетолог. Самый сексуальный адвокат прислушался.

— Это будет колоссальный проект. Совершенно грандиозный. Мы выйдем на европейский, нет, на мировой уровень. Я уверен, что эта тема будет крайне востребована на Западе. Только вдумайтесь: первый в мире адвокат-трансвестит! Это будет совершеннейший блеск. И его придумал я. Я войду в элиту мировых маркетологов, стану первооткрывателем!

Люди в белых халатах заворуженно кивали. Один из них поднялся, подошел к маркетологу и спросил: «Позвольте приступить к работе с пациентом?»

Самый сексуальный адвокат понял, что по прихоти безумца сейчас перестанет быть самым сексуальным адвокатом, а кардинально сменит направление своей деятельности. Он рванулся вверх, но веревки, связывавшие его по рукам и ногам, только сильнее впивались в кожу. В бессилии самый сексуальный адвокат больно прикусил губу и... проснулся.

...Самый сексуальный адвокат томно потянулся и встал с тигровой шкуры. Ах, какой неприятный, какой грязный ему сейчас снился сон! Содержание сна он уже забыл, но это было явно что-то противное. Он поморщился, пытаясь вспомнить, что же его так напугало. Привычно подойдя к зеркалу, чтобы посмотреть на свое мускулистое тело, он вздрогнул. На губе была ранка. Проклятие! Придется пользоваться маскирующим кремом. Он показал зеркалу любимую позу «двойной бицепс сзади» и остался доволен собой. Кто, в конце концов, заметит эту ранку, когда он так хорош в этой позе максимальной мускулистости?..

Самый сексуальный адвокат взял со стола любимый шестой айфон и набрал знакомый номер знаменитого на всю Москву маркетолога: «Привет, дружище! Рад тебя слышать. Я тут подумал про твое предложение о рекламе средства от мужской слабости. Ты, как всегда, попал в точку. Я согласен. Мне кажется, это самый лучший пиар для самого сексуального адвоката».

Крепостные

Субботнее утро, как и всякое другое утро, за исключением дней командировок, начальник ГУВД Иван Сергеевич Лютый встречал в плавательном бассейне. Бассейн в эти часы специально для него закрывался на профилактические работы, а потому начальник мог проплыть стандартный утренний километр в комфортном одиночестве. Вдоволь наплававшись и почувствовав в мышцах приятную усталость, Лютый вылез из бассейна в хорошем расположении духа. Впрочем, хорошее расположение тут же испарилось, как только Лютый понял, что работник бассейна, который должен был подавать ему махровый халат, куда-то задевался.

— Человек, человек, где ты там, мать твою? — громко позвал он.

Откуда-то из подсобного помещения выбежал перепуганный работник бассейна в белом халате.

— Виноват, товарищ генерал, на минуту отлучился.

— Отлучился он! Вот собака! Я вам сколько раз, псам, говорил: пока генерал плавает — ждать у бортика с халатом, чтобы сразу накинуть мне на плечи. Почему я на тебя кричу уже 20 минут? Хочешь, чтобы генерал простудился и слег с воспалением легких, а?

Обруганный мужчина стоял ни жив ни мертв и боялся промолвить хоть слово.

— Молчишь. Значит, чувствуешь вину. Высечь бы тебя за то, что генерала хотел заморозить! Ладно, но чтобы впредь — сам понимаешь! — с этими словами Лютый подставил плечи под давно протягиваемый ему халат.

Лютый прошел в комнату отдыха, где его уже ожидал свежесваренный чайник любимого им еще со времен работы в Карелии травяного сбора. Затем уселся в массажное кресло, раскинул ноги, включил функцию массажа, закрыл глаза и крикнул: «Дежурный офицер, доложите обстановку!»

В помещение вбежал мужчина в форме подполковника.

— Товарищ генерал, обстановка в области спокойная! За ночь крупных происшествий не было. Одно бытовое убийство, раскрыто. Два грабежа, один раскрыт. Три квартирные кражи — не раскрыты.

— Опять по квартирным кражам проседаем. Уже даже Самарская область нас обогнала по раскрываемости, — не открывая глаз, пробурчал начальник ГУВД. — Так, а с машиной зампреда суда что, нашли?

— Товарищ генерал, никак нет, не нашли. Это залетные сработали. Еще вчера вечером опера в салоне такую же модель купили, только комплектацию чуть лучше. Уже стоит на стоянке ГУВД.

— Хорошо, сегодня сам Иванычу отгоню ее, сейчас еще спит, небось, — Лютый встал с массажного кресла. — Слушай, подай-ка рубаху из шкафа.

Подполковник пошел к шкафу, взял рубаху, а когда понес ее навстречу к генералу, неловко наступил на мокрое пятно и растянулся на полу.

Генерал был недоволен.

— Ты что, инвалид, что ли? Рубаху намочил за 500 евро, именную, с вышивкой! Как твоя фамилия, калека?

— Петров, товарищ генерал!

— Напомни мне сегодня, Петров, чтобы я тебя понизил в должности. Высечь бы тебя за такие дела. Да что ты мне эту рубаху мокрую протягиваешь? Там еще одна есть! Эту выбрасывай уже! Ну уроды! Разгоню вашу дежурную часть!

Лютый еще долго ругался и кричал, пока не раздался звонок телефона. Прослушав два раза мелодию «Наша служба и опасна, и трудна» и пробормотав что-то вроде «До чего жизненная песня», Лютый снял трубку.

— Да, дорогая! Проснулась, дорогая? Кого встретить в аэропорту? Хорошо, встретят. Целую, дорогая.

— Так. Позвони начальнику розыска. Пусть два молодых опера подружку моей жены в аэропорту через полтора часа встретят, — отдал новую команду дежурному офицеру генерал.

— Товарищ генерал, опера все отсыплются. Убой же ночью был, раскрыли, — робко попытался возразить подполковник.

Это было его ошибкой.

— Исполнять приказ! — заорал Лютый. — Совсем распоясались, отсыплются они! Я, когда опером был, не отсыпался, сутками на работе жил, — и ничего, как видишь.

— Есть исполнять приказ! — отчеканил дежурный офицер.

— Ну вот и ладно, а про наказание ты не забудь сегодня напомнить, — пробасил Лютый и вышел из комнаты отдыха.

В машине по дороге в управление он по привычке сел не на заднее сиденье, а на переднее — поближе к водителю:

– Рассказывай, Мишаня, как дела, какие новости.

Водитель Мишаня сказал, что дела вроде бы идут не плохо, да вот только вчера на мойке мыть машину бесплатно отказались.

– Как отказались? – удивленно переспросил Лютый.

– Ну, так и отказались. Говорят, мол, рыночные отношения, скидок у нас никому нету.

– А ты сказал, чья это машина и кого ты на ней возишь?

– Сказал.

– Ну, а они что?

– А они твердят про рыночные отношения.

– Таааак, – пророкотал Лютый, – ОБЭП что у нас, совсем не работает, мышей не ловит? Коммерсанты оборзели, машину генерала не знают!

Он в ярости начал набирать телефон начальника управления по борьбе с экономическими преступлениями: «Сережа! Ты спишь, что ли? ЧП у нас! ЧП! Водитель вчера на мойку приехал, а ему машину мыть бесплатно отказались. Свяжись с Мишей, моим водителем, он тебе адрес скажет. Проверьте ее, перетрясите там все к чертям, хозяина этого чтобы в наручниках, слышишь меня – в наручниках! – ко мне в кабинет, и потом закрыть за мошенничество, дачу взятки, за что хочешь! Понял меня или нет? Знаешь эту мойку? Начальника ФСБ? Таааак. Я перезвоню.

С этими словами он положил трубку и набросился уже на водителя:

– Ты чего же делаешь? С уважаемым человеком поссорить меня хотел? Ты знал, чья это мойка? Чего поперся туда? Сколько тебя, дурака, учить можно. Войну спецслужб мне хочешь устроить?

– Виноват, товарищ генерал! Черт попутал, не знал я, что там мыть нельзя, – оправдывался Мишаня.

– Смотри мне, псина! Еще один залет – будешь почту, а не генерала и его жену возить. Высечь бы тебя!

– Секите, товарищ генерал, – с готовностью ответил водитель, – только от машины не отлучайте, я же с вами еще с Карелии, товарищ генерал, вы меня в люди, можно сказать, вывели.

Лютый довольно ухмыльнулся.

– Ладно, прощаю. Помню я и Карелию, и через что мы там с тобой прошли. Помнишь, как 48 часов там в ИВС отсидел, а генерала своего не сдал, когда с бабками приняли? Человек ты верный, надежный, чего уж там. Но следующий раз на ту мойку не суйся, понял меня?

Мишаня все понял, о чем и отчеканил по-военному.

Войдя в кабинет, Лютый включил было телевизор и взял свежую «Российскую газету», чтобы узнать, что произошло в мире за прошедшие сутки. Но, вдруг что-то вспомнив, вызвал секретаршу: «Лариса, найди мне начальника розыска, пусть зайдет».

Уже через две минуты в его кабинете стоял навтыяжку немолодой полковник.

– Вызывали, товарищ генерал?

– Вызывал. Садись. Расскажи-ка мне, как вы могли не найти машину зампреда суда.

– Товарищ генерал. Мужики три ночи не спали, все облазили, все связи подключили. Глушняк. Не наши сработали, залетные. Машина приметная, дорогая. Если бы наши угнали, давно бы все нашли.

– Плохо работаешь, Михалыч. Высечь бы тебя, как собаку, да жалко, седой весь. Ладно. Что с заменой? Нашли?

— Так точно, товарищ генерал, — ответил начальник уголовного розыска, — еще вчера парни из салона новую пригнали. Модель, цвет — все такое же. Только комплектация чуть богаче. У него массажа пассажирских сидений не было, а здесь мы ему с массажем взяли. Вот ключи, машина на стоянке.

— Ну и то дело. Прощаю. Иваныч нам нужный человек, полезный, много добра для нас делает, нельзя его обижать. Машину я ему сам отгоню днем. Я тебе должен что-то по машине?

— Ничего не должны, товарищ генерал. Хозяин автосалона, когда узнал, кому машина нужна, три хотел подарить. На него же давно у ОБЭПа материал лежит.

— Это вы молодцы. Хвалю. Напомни, чтобы я тебе ко Дню России почетного дал. А, почетный есть? Тогда заслуженного юриста. Юридическое ведь есть у тебя? Ну все, добро. Будешь заслуженным юристом. Иди.

Начальник уголовного розыска прокричал: «Рад стараться, товарищ генерал!» — и вышел.

А товарищ генерал тем временем уже читал свежую «Российскую газету». На глаза ему попалось интервью председателя Конституционного суда. Генерал взял в руки красную ручку и стал по привычке работать с текстом: выделять наиболее понравившиеся или важные, по его мнению, места. В одном месте он вдруг поставил восклицательный знак, а потом еще два. Дочитав интервью, вернулся к особенно понравившемуся в статье месту и набрал телефон губернатора:

— Степан Игнатьевич, здорово! Как сам? Читал сегодняшнюю «Российскую газету»? Там председатель Конституционного суда правильную и своевременную тему

задвигает. Я даже наизусть заучил. Такие умные мысли. Вот я тебе зачитаю: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: «Мы были ваши, а вы — наши»». Умный мужик, я тебе скажу. Говорил я тебе, Степан Игнатьевич: Москва нас в этом поддержит, принимай закон! Добро! Да-да, вечером за раками обсудим. Давай, до связи! Обнимаю!

«Офицеры»

— Дорогая, ложитесь сегодня без меня, я поздно приду. Да, никак это дело не закончу, все время что-то отвлекает. Закройтесь на верхний замок, постараюсь не шуметь. Ну что ты возмущаешься? Мне тоже эта проклятая работа надоела. Знаю, что меня не видишь. Знаю, что денег нет. Но ты же знаешь, что я по-другому не умею. Не сердись, пожалуйста. Трубку бросила... Блин.

Он снова попытался позвонить, но телефон жены не отвечал. Следователь по особо важным делам Главного следственного управления Васин с грустным видом отложил телефонный аппарат подальше от себя, ослабил узел форменного галстука и с остервенением уставился в экран монитора: «Сегодня я тебя добыю; умру на рабочем месте, но закончу это обвинительное». Срок по делу падал уже завтра, и поэтому других вариантов, кроме собственной смерти или уничтожения надоевшего обвинительного заключения, у него не было.

Через три часа он встал из-за стола, чтобы хоть немного расслабить затекшие от долгого сидения мышцы. За эти три часа он достаточно хорошо продвинулся вперед, и ему осталось лишь расставить акценты в почти готовом анализе показаний обвиняемых, не признававших свою вину. Васин подошел к окну, облокотился руками о подоконник и посмотрел вниз. Его кабинет находился

довольно высоко в здании следственного управления, и он любил иногда смотреть сверху вниз на прохожих, которые сновали туда-сюда по одной из центральных улиц города и, вероятно, даже не знали, что одинокий следователь в тишине кабинета вел неравный бой с большим обвинительным заключением. На улице уже совсем стемнело, а потому прохожих почти не было: все разошлись по теплым квартирам и отдохали. Васин же сегодня права на отдых не имел.

Он снова сел было за компьютер, когда его отвлекло нестройное пение, раздававшееся откуда-то из соседнего кабинета. Васин выглянул в коридор и услышал: пели в приемной руководителя управления. Следователь в очередной раз пожалел, что несколько месяцев назад согласился переехать в этот чуть больший по сравнению с прежним кабинет, располагавшийся на одном этаже с кабинетом руководителя управления. Теперь он стал частым слушателем подобных концертов. Репертуар был стандартным. Явно нетрезвые мужские голоса в пятый раз по кругу вытягивали газмановских «Офицеров». Васин нахмурился: «Офицеры, блин. Один — бывший комсомолец, ни дня на следствии не работал, другой — журналист, третий песни поет. С какой планеты прилетели? То строевые смотры устраивают, то форму шьют, то с коррупцией непримиримую борьбу ведут. В жизни ни одного дела не расследовали, а все туда же — наказывают и поучают. Поучают и наказывают». Интересно, с кем он опять бухает? С певцом, шахматистом или бандитом очередным? Васин подошел поближе к кабинету начальника, чтобы незаметно заглянуть внутрь, когда неожиданно из кабинета вывалился сам хозяин в обнимку

с едва державшимся на ногах мужчиной, внешность которого показалась следователю подозрительно знакомой. Руководитель управления, конечно же, сразу заметил стоявшего у двери следователя и радостно закричал ему: «О, майор, как тебя там. Слышь, отведи композитора пописать,—потом залиvisto захохотал и добавил: — смотри там, помоги ему подержать, чтобы ни одной капли мимо».

Васин незаметно до хруста сжал оба кулака, но сдержался и отрывисто произнес: «Есть сопроводить композитора до туалета, товарищ генерал!» — подхватил пьяное тело и фактически на себе понес его по направлению к мужской комнате. Руководитель управления довольно посмотрел на него, скомандовал себе «Кругом марш!», развернулся и ушел обратно в приемную, откуда тут же раздалось: «За нашего доблестного командира два коротких, один протяжный».

Васин стоял в туалете и уже минут 5 грустно наблюдал, как вусмерть пьяный композитор пытается подняться с кафельного пола. Конечно же, он вспомнил этого человека. Композитор проходил свидетелем у него по одному из дел о взятках в администрации области. В кабинете вице-губернатора была установлена скрытая видеокамера, которая фиксировала все разговоры. Зафиксировала эта камера и встречу чиновника с композитором, который пришел просить о разрешении на строительство торгового центра для какого-то своего знакомого. Просьба, как водится, сопровождалась благодарностью в конверте. Васин хотел было выделять в отношении композитора уголовное дело по факту дачи взятки, но его внезапно вызвали к заместителю руководителя управления, отругали за допущенную по делам волокиту, дело о вице-губернаторе

забрали и передали другому следователю, который это дело скоростно загнол в суд. Композитор, конечно же, не пострадал. Сейчас этот композитор в абсолютно непотребном состоянии лежал на полу в мужском туалете и вяло икал. Васину почему-то вспомнилось, как этот же композитор недовольным тоном барина высказывал ему по телефону, чтобы он больше не беспокоил его своими звонками о вызовах на допрос. Вспомнилось ему, как на допросе композитор нахамил ему и сказал, что он будет вынужден извиниться за то, что побеспокоил столь занятого человека по каким-то пустякам. Извиняться он, конечно, не стал, но и привлечь занятого человека к полагающейся тому по заслугам ответственности тоже не смог...

Васин присел на корточки рядом с композитором и спросил:

— Композитор, вы меня не помните?

Тот посмотрел на него мутным взглядом и только громко икнул в ответ.

— Не помните. А вот я вас помню. Три часа вас допрашивал здесь, в управлении, думал — посажу, а сейчас пописать провожаю. Извините, господин офицер, стряхивать вам не буду-с, не обучен-с. Вы ведь тоже офицер, да, господин композитор?

Композитор поднял на него глаза и неожиданно четким для своего состояния голосом произнес:

— Денщик, отвези нас с генералом поскорее к дамам. Мой меч давно затупился в ножнах.

— С генералом? А это мысль. Вы немного отдохните, господин композитор, вздремните, а я за товарищем генералом схожу и быстренько вернусь.

Васин вышел из туалета и внезапно ставшей уверенной походкой направился в приемную руководителя. Генерал, на котором почему-то не было рубашки, сидел в одиночестве за столом и осоловевшим взглядом смотрел на заваленный пустыми бутылками, остатками еды, окурками и прочими атрибутами когда-то роскошного начинавшегося пира стол. Рядом со входом в кабинет на полу мирно спали заместитель руководителя управления, подложивший под голову вместо подушки Уголовный кодекс, и еще какой-то смутно знакомый Васину мужчина. Из одежды на мужчине были одни трусы, и Васин даже засмотрелся на роскошество набитых на теле неизвестного синих звезд и куполов. Следователь поднял с пола синий генеральский китель, прикрыл им татуированного мужчину, перешагнул через него и обратился к генералу: «Товарищ, генерал! Разрешите доложить! Вас в туалете композитор ожидает, срочной помощи просит».

Руководитель управления с трудом поднялся из-за стола, пальцем повелительно указал на бутылку с водкой и два пустых стакана, промычав что-то нечленораздельное. Васин понял, что генерал хочет с ним выпить, открыл бутылку, разлил водку и протянул генералу стакан. Тот внезапно резко вскочил со стула, схватил стакан, залпом опрокинул его в горло, перекрестился, произнес нечто вроде: «Зарссию», — после чего также резко упал на стул и заснул. Васин неспешно выпил, закусил найденным на столе небольшим куском дефицитного французского сыра и начал поднимать генерала: «Пойдемте, товарищ генерал, вас там композитор ждет».

Он с трудом приподнял грузное тело спящего руководителя управления и волоком потащил его по направлению

к мужскому туалету. В туалете Васин сгрузил генерала прямо на лежавшего на полу композитора, обвинил руки композитора вокруг генеральского туловища, отошел от мертвецки пьяных тел на пару шагов и неожиданно нанес руководителю управления удар ногой куда-то в область ребер. Затем он начал бить ногами то одного, то другого, всякий раз приговаривая: «Это тебе за офицеров, это тебе за два коротких, один протяжный, это тебе за трехкратное «ура», это тебе за строевой смотр». Опомнился Васин только тогда, когда увидел, что лица у композитора и руководителя управления разбиты в кровь. Он подошел к лежавшим мужчинам, проверил, дышат ли они, сомкнул руки генерала на шее у композитора так, что создавалось впечатление, будто один душил другого, тщательно вымыл руки, после чего вышел из туалета. В своем кабинете он переобул рабочие туфли на уличную обувь, затем быстро выкинул туфли из окна (проследив, куда они упали, чтобы затем на улице подобрать), выбежал из кабинета, спустился по лестнице на первый этаж и, запыхавшись, закричал: «Дежурный, скорее! Там генерал с каким-то мужчиной дерется в туалете на пятом этаже. Ну скорее же! Уже до крови дошло!»

Заспанный дежурный рысью выскочил из своей комнаты и кинулся на пятый этаж. Васин побежал было за ним, но потом, как будто что-то вспомнив, завернул в свой кабинет, сел за компьютер и принялся за обвинительное заключение.

Минут через 20 тот же дежурный заглянул к нему: «Я прибежал — а они уже спят в обнимку, только один другого за горло схватил и не отпускает. Все кровью перемазаны, грязные, побитые. Еле отмыл и до кабинета

отнес. Как же он мне надоел! Скорее бы уже в Москву уехал на повышение. То блевотину со стен отмываю, то подерется с кем, то из пистолета по прохожим стреляет. Ну а ты что? Работаешь? Шел бы домой. Третий час ночи. Завтра в девять строевой смотр очередной, потом совещание, потом примерка новой формы, потом проверяющие приедут из Москвы».

Васин махнул рукой, зевнул, поставил в обвинительном заключении финальную точку, оделся и вышел на улицу. Несмотря на то что было холодно и хотелось спать, настроение у него было каким-то приподнятым. Следователь подобрал пакет с выкинутыми из окна туфлями, вдохнул морозный воздух и неожиданно на всю улицу заорал: «Офицеры, россияне, пусть свобода воссияет...». Светало.

Ташкент

Следователь по особо важным делам Следственного комитета МВД Михаил Степанович Приходькин с чувством поставил точку на клавиатуре печатной машинки, потянулся и встал из-за стола. Очередное постановление о привлечении в качестве обвиняемого по делу о хищениях государственной собственности было готово. Рабочий день был на исходе. Завтра утром он отвезет его на согласование в Москву, наконец-то вырвется из жаркого надоевшего Ташкента и, может быть, даже прихватит пару деньков дома, пока контрольно-методическое управление будет проверять подготовленный текст.

Приходькин подумал, что дома его ждут любимая жена Марина Егоровна и маленький сынуля, которого он уже завтра вечером будет возить на шее. Эта мысль заставила его даже зажмуриться от удовольствия. Сынуле было четыре, а он уже умел говорить букву «р», что являлось предметом особой гордости Михаила Степановича, до сих пор немного картавившего.

Дневная жара стала понемногу спадать, а потому в кабинете было уже не так душно. Тем не менее единственным желанием Приходькина после тяжелого трудового дня было спрятать голову куда-нибудь в холодильник, а лучше в морозильную камеру, ну или хотя бы выпить кружку-другую ледяного пива. Пива в летнем Ташкенте

1989 года не было отродясь. Михаил Степанович не любил этот город. Здесь был жарко, и не было пива. Жару резко обрюзгший за последние несколько лет от сидячей работы Приходькин переносил плохо. Единственное, что ему нравилось в Ташкенте, было уголовное дело, которое он расследовал уже полгода и которое было таким интересным, что заставляло забывать и жару, и разлуку с семьей, и отсутствие пива.

С мыслями о жене и сыне Приходькин убрал тома дела в сейф, закрыл его на ключ и собрался уже было выходить из кабинета, как внезапно зазвенел телефон. Михаил Степанович досадливо чертыхнулся: разговаривать по телефону, тем более в тот момент, когда рабочий день закончился, совсем не хотелось. С другой стороны, звонили явно из Москвы, что Приходькин понял по характерному тону звонка. Из Москвы ему могли звонить только по очень важному делу, а значит, придется брать трубку, терпеливо выслушивать собеседника, а возможно, даже что-то срочно пояснять или вообще готовить какой-нибудь срочный документ.

— Следователь Приходькин слушает,— по возможности бодрым голосом сказал трубке Михаил Степанович.

— Степаныч, мать твою, чего так долго не отвечаешь, заснул, что ли, бездельник? — проорал собеседник.

Услышав этот голос, Михаил Степанович непроизвольно ощутил желание вытянуться по струнке и щелкнуть каблуками: звонил сам заместитель начальника Следственного комитета. Человеком он был крайне суровым и требовательным, с подчиненными обращался грубо, а потому следователи его побаивались. Впрочем, к Михаилу Степановичу большой начальник вроде бы

относился неплохо, зная, что тот может вытянуть любое уголовное дело.

— Слушаю вас, Сергей Сергеевич. Извините, не сразу подошел, выходил из кабинета,— ответил Приходькин и сглотнул слюну.

— Что ты там развел у себя в группе бардак? Совсем мышей не ловишь?

— Не понимаю, о чем речь, Сергей Сергеевич. Вы же знаете, у меня в группе полный порядок. Все следователи нормальные, рабочие.

— Не ври мне! Разврат у тебя там. Кто такая Макарова? Сигнал по ней поступил сейчас. Звонили мне из одной уважаемой организации,— слово «уважаемой» начальник многозначительно выделил.

— Сергей Сергеевич, да, есть такая следователь. Макарова. Она ко мне из Кемеровской области откомандирована. Хорошая женщина, ответственная. Штабом у меня руководит.

— Штабом руководит? А может, спит там у тебя со всем штабом и с тобой заодно? — неожиданно заорал руководитель.

— Да вы что, Сергей Сергеевич! Как так можно! — со всем оторопел от таких обвинений Приходькин. — Спит! Скажете тоже. Насколько я знаю, она семейная. У меня тоже семья, ребенок. Я не по этой части.

— Не знаю, по какой ты там части, но секс-бордель там у себя развел — это факт. И не ври мне. Я фотографии видел. Мне товарищи все продемонстрировали наглядно. Ты что, не знал, что кагэбэшники давно по вам работают? На фотографиях все запечатлено. И какая хорошая твоя Макарова, и какая ответственная.

И как напряжение следователям следственной группы снимает в разгар рабочего дня. И как с обвиняемыми работу проводит.

– Виноват, Сергей Сергеевич. Я не в курсе. Упустил момент.

– Упустил! Так и говори, что в дерьмо вляпался. Честнее будет. А если эти фотографии тем бандитам, по которым ты работаешь, на стол лягут? Ты понимаешь, чем это грозит?

– Понимаю, Сергей Сергеевич.

– Вот и расхлебывай. Значит, сейчас товарищи тебе подвезут эти фотографии. Под мое честное слово больше они никому на стол не лягут. Ты хоть осознаешь, чего стоит честное слово заместителя начальника Следственного комитета?

– Осознаю, Сергей Сергеевич.

– Раз осознаешь – чтобы завтра же рапорт этой твоей Макаровой по собственному у меня на столе лежал. Понял меня?

– Понял, Сергей Сергеевич.

– Раз понял – выполняй! – с этими словами, не попрощавшись, суровый Сергей Сергеевич повесил трубку.

Приходькин вытер пот со лба. Ситуация была, мягко говоря, неприятной. Романы на работе в принципе являлись делом обычным: люди много времени проводят вместе, занимаются общим делом, возникает симпатия, бывает, что доходит до близости. Самого Приходькина, являвшегося верным семьянином, на сторону не тянуло, да и времени для измен жене у него не было. Впрочем, к романам между следователями на работе он относился снисходительно. Дело молодое, рабочее. Но близость с

обвиняемыми? И ведь уже не молодая девчонка вроде, а целый майор. Безумство какое-то.

Через час Приходькин кругами ходил по кабинету, умышленно заводя и настраивая себя перед тяжелым разговором. Человеком он был достаточно мягким, приказывать не любил, а здесь необходимо было говорить именно жестко и беспелляционно. Фотографии лежали у него на столе и иных вариантов для разговора не оставляли. На фотографиях в разнообразных ракурсах была запечатлена не только Макарова, но и почти все подчиненные ему следователи следственной группы. К большому сожалению Приходькина, одежды ни на Макаровой, ни на следователях не было. Имелось также и несколько фотографий, запечатлевших процесс производства Макаровой явно нестандартных следственных действий с обвиняемыми. От этих фотографий Приходькину было так тоскливо, что...

Как именно было ему тоскливо и что с этим необходимо сделать, Приходькин сформулировать для себя не успел, потому что в кабинет постучались.

– Войдите, – ответил Приходькин.

Это была Макарова. Приходькин пристально поглядел на нее. Обычная советская женщина, не совсем уже юная, одета в форму, на плечах майорские погоны. О таких говорят: неприметная. Только глаза какие-то... озорные, что ли. Опасные глаза, дерзкие. Вот как-то не замечал он раньше этой дерзости в глазах. Прав был Сергей Сергеевич. Упустил он ситуацию в группе.

– Вызывали, Михаил Степанович? – с легкой улыбкой спросила Макарова.

– Да, присаживайся, Макарова. Мне тут большой начальник про тебя звонил, и фотографии подвезли. Даже не

знаю, что и сказать. На, вот, посмотри, — с этими словами Приходькин подвинул к Макаровой фотографии, стараясь на них не смотреть и надеясь, что неприятная ситуация разрешится как-нибудь сама.

Макарова мельком взглянула на фотографии, покраснела и внезапно встала из-за стола, как бы нависая над Приходькиным.

— Я что-то не поняла: а кто вам дал право вмешиваться в мою личную жизнь? Вас что, моя работа не устраивает?

Приходькин оторопел и даже не сразу нашелся, как ответить.

— Я и не вмешивался. Мне бы век твою личную жизнь не видеть, да вот пришлось на старости лет, — немного помолчал, ответил он.

— А чем вам моя личная жизнь не нравится? Не знали, что я всем даю? Я разве вам еще не давала? А, Степаныч? Хотите, прямо сейчас устроим? — с этими словами Макарова вплотную приблизилась к Приходькину.

Михаил Степанович отпрянул.

— Ты что, дура! Совсем бешеная, что ли? Жена у меня есть. А ну отойди от меня на другой конец кабинета и сядь на стул.

Макарова захохотала.

— Да не бойсь, Степаныч, не трону. Я же только по обоюдному согласию этим занимаюсь. А фотографии эти — так в них ничего противозаконного нет. Моя личная жизнь. Что хочу, то и делаю.

— Ты это на рабочем месте делаешь, и не только со следователями, но и с обвиняемыми.

— А где мне это делать, если я не одна в номере живу? И что, что с обвиняемыми? Они что, не люди, что ли?

— Люди, конечно. Но это ведь дискредитация органов!

— Каких органов? Половых если только. Чем я ваши органы дискредитирую?

— В общем, хватит тут ерничать. Мне только что звонил заместитель начальника Следственного комитета. По твою душу, между прочим, звонил. Его указание такое: пиши мне сейчас рапорт на увольнение и с завтрашнего дня убывай в свою Кемеровскую область. Нечего тут советскую милицию позорить.

Приходькин произнес это и выдохнул. Самые трудные слова, которых он так боялся, были сказаны.

Внезапно ноги Макаровой подкосились. Она упала на колени и зарыдала.

— Михаил Степанович, умоляю вас, только не в Кемеровскую область! Нельзя мне туда пока возвращаться. Следственная группа — это мой последний шанс.

— Тьфу ты, черт. Да что ты мелешь! Какой шанс? Точно сумасшедшая какая-то! То смеется, то плачет, то с мужиками на работе спит. Домой тебе надо ехать. Там подлечишься.

— Степаныч. Нельзя мне домой. Говорю же тебе, что это мой последний шанс. Посмотри на меня. Мне 38 лет. Я обычная баба. Всю жизнь в милиции работаю на следствии. Муж у меня хороший, не пьющий. Преподавателем в институте работает. Любит меня, подарки дарит. А детей нет. Я уже и в Москву ездила к врачам, и в Карловы Вары на лечение. Все говорят: здорова. А детей все нет. Не могу я больше, Михаил Степанович, ребеночка хочу.

— Ну а спать-то зачем со всеми подряд? — непонимающе посмотрел на нее Приходькин.

— А как не спать? Без спанья дети не рождаются. Вот и сплю я со всеми подряд в надежде, что хоть от одного мужика ребеночек получится.

— Да, ситуация. И что мне прикажешь с тобой делать?

— Не отправляйте меня домой. Дайте еще хоть месяца три здесь, в группе, побыть. Я аккуратно буду теперь. А там уж как Бог даст. Не получится ребенок — значит, так тому и быть.

— Ну а Сергею Сергеевичу мне что докладывать? — вздохнул Приходькин.

— Ну придумайте что-нибудь, а? Ну Михаил Степанович! Вы же такой умный. Я вам всю жизнь благодарна буду, молиться за вас буду, хоть и не умею.

— Ладно, чего уж там. Молиться не надо. Что-нибудь придумаю. Дети — это святое, — сказал Приходькин, достал из внутреннего кармана пиджака фотографию сынишки и зачем-то показал Макаровой. — Иди давай, работай, чтобы у тебя такой же был. Но и о делах мне, смотри, не забывай.

На следующий день в Москву Приходькин не поехал, так как не знал, что доложить Сергею Сергеевичу о разговоре с Макаровой. И еще через день не поехал. А еще через день пришла новость, которую никто не ждал: выгнали Сергея Сергеевича из Следственного комитета. Вроде бы не поделил что-то с начальником, а может, попался на чем-то нехорошем. Докладывать о ситуации с Макаровой стало некому, и она продолжала работать в следственной группе.

Прошло четыре месяца. Наступил Новый год. Все командировочные следователи разъехались по домам. Уехал домой, в Москву, и Приходькин. В первый рабочий день после праздников он, как и было у него заведено, устроил

смотр личного состава следственной группы: все ли на месте, не опоздал ли кто. Макаровой на рабочем месте не было. Стали звонить в управление по Кемеровской области — там тоже информации нет. Позвонили домой — никто не отвечает. Только вечером на его имя пришла короткая телеграмма: «Дорогой Михаил Степанович! Спасибо за все. У меня все получилось. Увольняюсь. Макарова».

Лет через пять в выходной день Приходькин был дома и по привычке просматривал объявления о поиске работы. Время было уже другое — российское, торопливое. Из Следственного комитета он уволился, так как зарплаты следователя не хватало даже на еду, и теперь постоянно находился в поисках работы или подработки. В дверь позвонили. Грузный Приходькин тяжело поднялся с дивана и шаркающей походкой подошел к двери. Это была она. Макарова. Слегка располневшая и постаревшая, но в остальном все та же, Макарова. За руку она держала маленького мальчика лет пяти. Мальчик был темненький, со слегка раскосыми глазами. «Миша», — смело протянул он руку Приходькину. Приходькин пожал мальчику руку и неожиданно заплакал. Все-таки с возрастом — а Приходькину было уже далеко за сорок — он стал очень сентиментальным человеком.

Возле Бутырки

– Блин, как же это бесит! Вот раньше у меня был шопинг: Милан, Ницца, Париж. А теперь в интернет-магазине в СИЗО обеды заказываю. Говорила же ему: валить надо было давно из этой страны.

– Ой, как я тебя понимаю. Мой тоже такой дурак. Никогда меня не слушал, когда ему говорила: не пей, не пей, а он пил и пил. Так-то он добрый, хороший, но как выпьет – сразу драться лезет. А кулак у него крепкий.

– Давно сидите?

– Второй год уже. Сейчас уже скоро в Нижний Новгород поедет. Там полегче, чем в Бутырке. Хотя бы свежего воздуха больше.

– Мы всего 6 месяцев. Хорошо бы в Рязань попасть. У моего там замгубернатора знакомый.

– Тогда да. Лучше в Рязань. Ой, смотри: адвокат старенький на лавочке сидит, плюется и сам с собой разговаривает. *(Смеются)*

– Смешной такой. Это он, наверное, из суда недавно вышел.

– Нет, после суда его бы вырвало. Наверное, просто из Бутырки на свежий воздух вышел. Мне всегда после Бутырки плевать хочется.

– А у вас суд был уже?

– Был. Нету у нас в стране суда.

– Ну мы все-таки надеемся. У нас только начался. А у вас какой суд был?

– Басманный. Судья такой лысый, забыла фамилию. Змея, а не человек.

– Блин. И у нас лысый, забыла фамилию.

– Крепись, девка. Лысый не оправдывает. Бабы вчера в суде говорили, что у него не стоит, вот и мстит всем.

– Ой, блин. Говорила же своему: валить надо было давно из этой страны. *(Плачут)*

– Эх, девка. Все пройдет. Я знаю, что говорю. Мой второй раз уже сидит. Зато как выйдет – как обнимет, как приголубит, а нам, бабам, чего еще надо? Ничего и не надо! Только бы не пил больше.

– Вот и я по своему скучаю. На свидании смотрю-смотрю на него, а обнять через стекло нельзя. Родной мой человек. Только бы здоровым остался. Еще фотографии все время ему шлю через Интернет. Сейчас есть такой сервис, удобно.

– И обнимешь, и приголубишь. Терпи, девка. Доля наша, бабья, такая – терпеть.

– Буду терпеть. Только тяжело терпеть и долго очень. Конца и края этому нет.

– Терпи и жди. Крепче любить будешь.

– Спасибо вам. Такая вы хорошая. *(Обнимаются)*

– Ну, бывай, девка. Пора мне. Если все-таки поедете в Нижний Новгород, то пусть просится в отряд к моему. Он у меня мужик добрый, в обиду не даст. Запомни: Иванов Николай Егорович, статья 213-я.

– Семенов Петр Сергеевич, статья 159-я.

Разговор со следователем

— Скажите, вот мы дали показания, что там не взятка, а мошенничество. Вы будете переквалифицировать со взятки на мошенничество?

— Я не знаю.

— Как не знаете?

— Ну так — не знаю. Как руководство решит, так и сделаю.

— А вы? Вы сами какое мнение имеете?

— Здесь ситуация сложная, у меня нет мнения.

— Как же нет мнения? Вы же читали постановление Пленума, где сказано, что здесь мошенничество?

— Я все читал.

— Ну а как же нет мнения-то?

— Как руководство скажет — такое и мнение.

— Вот, я когда был следователем, у меня было мнение, и я его отстаивал.

— Может, поэтому вы сейчас не следователь.

— Может быть. Но я очень рад, что я сейчас не следователь.

— Я желаю вашему подзащитному удачи и порадуюсь, если у него будет мошенничество, но это как руководство решит.

— А вы понимаете, что по взятке он получит лет 10, а по мошенничеству года 3?

— Понимаю. Надеюсь, что ему дадут поменьше. Но если будет взятка и 10 лет, то я не при чем. Я вам удачи желаю. И вашему подзащитному — тоже удачи. А расскажите лучше, как вы следователем работали? Я про вас много хорошего слышал от общих знакомых.

— Да что-то не хочется вспоминать сейчас. Скажите, а Кафку вы читали?

— Кого?

— Кафку. Писатель такой.

— Нет, я книги не читаю. Мне некогда. Я дела расследую.

— Тогда вопросов больше не имею.

Разговор с начальником следственного отдела

— О, какие люди! Здорово, старый! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами к нам?

— Здорово, дружище! Рад тебя видеть. Да вот, дело тут у меня, человека хорошего защищаю. Ни на чем привлекают. А ты что тут делаешь?

— А ты не знал разве? Я теперь здешний начальник следотдела. Предложили вот недавно. Подумал-подумал — и согласился. Надо же расти когда-то, не все же следачить.

— Ну, правильно-правильно. Поздравляю. Большим человеком стал. Вот всегда я в тебе потенциал важного начальника видел.

— Спасибо, мой друг. Ну а ты как? Адвокатствуешь? Доволен?

— Знаешь, доволен. Вот на своем месте себя ощущаю. Снова хочу каждый день на работу ходить, людям помогать. Тюрьмы, суды, следственные действия. Мое это. Вроде и получается, иногда хотя бы.

— Наслышан, наслышан, земля слухами полнится. Недавно только народ из Главка жаловался, как вы со своим Забейдой все дело им засрали.

— Да ладно, засрали. Так, повоевали немного. Сами виноваты. Я им сразу сказал: ребята, кончайте

безобразничать, он у вас без доказательств сидит. Хорошо, что в этот раз хорошо закончилось.

— Молоток. Так я рад, что у тебя все хорошо! Всей Москвой за тебя молились, чтобы все в суде ровно было. Слушай, может, накатим, а? Помнишь, как в старые добрые времена, когда я у тебя в группе был?

— Завязал я, дружище, совсем завязал. Спортом теперь занимаюсь.

— Ха, спортом! А я все по старинке, литрболом. На нашей работе без этого никак, сам же знаешь.

— Ну, у меня теперь работа спокойнее, могу себе позволить обычный спорт и бокал хорошего вина по праздникам.

— Все-таки хорошие были времена, когда вместе следачили, скажи ведь. Могли и пить сутками, и работать сутками. Все могли. Я тебя всегда в пример своим следакам привожу. Помнишь, как того банкира окружали?

— Да уж. Было времечко, но все вышло.

(Ударяются в воспоминания)

— Слушай. Хотел спросить: а не противно тебе преступников защищать?

— Знаешь, а вот не противно. Да и кто их вправе преступниками называть? Кто-то оступился, на кого-то доказательств нет, кого-то с нарушением процедуры привлекают, а в отношении кого-то вообще все сфабриковано. И потом, мне противнее, когда те, кто настоящие преступники, других людей преступной краской не задумываясь мажут.

— Ну, это ты не скажи. Как там в кино? Наказания без вины не бывает.

— Глеб Жеглов.

– Что Глеб Жеглов?

– Говорил это Глеб Жеглов.

– Ааа, ну да. Согласен я с этим, что не бывает наказания без вины. Вот у нас ты кого защищаешь? Небось, мента этого, начальника, да?

– Да, его. Как раз хотел тебе сказать. Там ведь совсем беспредельная ситуация. Вообще ничего нет на человека, еще и подельник тоже все отрицает, ОРМы все с нарушениями, в возбуждении место не указали, показания заявителя с детализациями не бьются.

– А мы его на косвенных дождем. Помнишь? Сам же учил.

– Ничему я такому не учил. Я тебя учил закон соблюдать и невиновных к ответственности не привлекать.

– Чего ты гонишь? Сколько сам людей переколбасил? Пол-Москвы пересажал?

– Я их за дело пересажал, при наличии доказательств, и жалел еще всегда. И объяснял каждому, почему и на какой доказухе. Хотя, конечно, наверняка и я ошибался, и палку перегибал.

– Старая школа. Сейчас, брат, все на косвенных вылезает. Суд у нас, сам знаешь, всегда во всем разберется и раздаст сестрам по серьгам. На косвенных. Недавно один в академии докторскую защитил, как на косвенных людей фигачить. Выдержки из нее по всем отделам рассылали как положительный пример. А ты говоришь. И потом – чего ты меня агитируешь? Я же знаю, что у него рыло в пуху. Откуда у него четыре квартиры и дом на Новой Риге?

– Да какая разница! Нашел, тоже мне, аргумент. Рыло в пуху. Доказательства есть пуха на рыле?

– Про него вся Москва говорит, что он хапуга, а доказательства мы подтянем, и не таких ломали. Сейчас его подел еще полгода посидит – и колонется.

– Это ты разговоры всей Москвы в суд подтащишь? А подел у вас уже пять месяцев сидит и что-то не раскальвается.

– Да зачем разговоры Москвы... И так с ним все понятно.

– Ну, понятно и понятно. И Бог с ним. Повоюем еще, хотя человека мне жалко. Хороший он, хоть и с квартирами. И жена у него хорошая. И детишек жалко. Давай о чем-нибудь другом говорим.

– Пойдем, хоть чаем тебя напою.

– Чаем можно.

Телефонный разговор через два дня.

– Алло.

– Здорово, дружище! Слушай, помощь твоя нужна. Очень срочно. Можешь помочь?

– Здорово! Могу, конечно. А что случилось-то?

– Да друга фээсбэшники приняли. Начальник соседнего отдела. Просто отличный парень, честный. На работу на метро ездил. 290-я, шестая часть. Главк расследует, закрывать будут. Лучше тебя адвоката не знаю. Выручай, брат.

– А рыло?

– Что рыло?

– Не в пуху?

– Да ты что! Я же тебе говорю – там подстава чистой воды. Мы с ним три года в одном кабинете в проконтроле сидели. Он за идею всегда был. Не мог он это сделать.

– А Глеб Жеглов как же? Наказание без вины и все такое...

– Какой на хрен Глеб Жеглов? Ты можешь человеку помочь? Мне вообще по хрену, в теме он или не в теме. Друг это мой, понимаешь? Выручай, брат. Без тебя никак. Знаю, что дорого у тебя, но мы с пацанами бабок сколько надо соберем, даже не обсуждается. Только приезжай.

– Куда же я денусь. Куда ехать-то? В Главк?

Серьезный разговор

– Сынок, я хотел с тобой серьезно поговорить.

– Да, папа.

– Я ведь несколько раз просил тебя не дружить с этой девочкой. Как ее, Марта, что ли?

– Да, Марта. Но почему, папа? Она ведь хорошая. Она меня немецкому языку учит, а я ее русскому.

– Я же тебе уже объяснял. Она враг и дочь врага.

– Папа, ну какой же она враг?! Она хорошая, мне с ней интересно. И папа у нее добрый. Они меня к себе в гости приглашали. Своей едой угощали. Вкусная.

– Так они купить тебя решили? Знай, сын: русские не продаются. Ты что, телевизор не смотрел? Немцы – враги. И американцы – враги. Они нам экономику разрушают санкциями. Не хотят, чтобы мы с колен поднялись. Хотят, чтобы, как и раньше, рабами были у дяди Сэма.

– Это я смотрел. Но я еще в Интернете читал, что это мы сами виноваты, что только нефть продаем и ничего не производим.

– Фигня это все. Экономически не обосновано. У нас очень мощная экономика. И вообще: доллар вверх – хорошо, потому что нефть за доллары продаем. Скоро американцев на колени поставим.

– Папа, а зачем ты тогда доллары с каждой зарплаты покупаешь?

— А вот это не твоего ума дело. Мал еще. Подрастешь — поймешь. Больно умный стал, интернеты свои читаешь. Биатлон смотри, желательно танковый.

— Я смотрел. Это скучно.

— Скучно ему! Это не скучно, а мощь нашей армии. Гордиться надо.

— Я, папа, думаю, что армия вообще не нужна. Мир должен быть и дружба со всеми.

— Да, сын. Упустил я момент. Засрали тебе башку в твоем колледже. Дед твой разве ради этого до Берлина доходил? Можем повторить, кстати.

— Дед же вроде сам рассказывал, что в войну ему 5 лет было.

— Я образно сказал. Слышал ведь поговорку: деды воевали?

— Слышал.

— Вот и гордись своей историей, а не с немцами погаными водись. Запрещаю я тебе с этой Гретой дружить.

— Папа, ее Марта зовут.

— Тем более запрещаю.

— Папа, ну это же неправильно!

— Правильно — не правильно, а мне еще три года надо на госслужбе до пенсии доработать. А ты мне палки в колеса вставляешь, с врагами дружишь, еду их запретную ешь. Большой ведь уже мальчик, понимать должен. У папы кредит за квартиру, ты, мама, сестренка твоя, машину надо купить новую. На что мы жить будем, если меня выгонят?

— Папа, но ведь это противно! Это двоемыслие. Так дядя Боря говорит.

— Ты дядю Борю не слушай. Он в этой жизни ни хрена не добился. Всю жизнь в своей газетенке статьи какие-то пишет. Даже машины нормальной нет.

— Зато он весь мир посмотрел, путешествовал много. Всю Африку объехал, когда репортажи делал о войне.

— А мне мир не надо, мне и здесь хорошо. Мне надо, чтобы вы с сестрой сыты были, выучились и в люди выбились. Для этого и горбачусь, как проклятый.

— Папа, но ведь ты сам во все это не веришь. Я знаю, что не веришь.

— Сынок, а какая разница, верю — не верю? У меня выбора нет. Я здесь родился и здесь буду жить. А жить я хочу хорошо.

— Выбор есть всегда.

— Я вот тоже так думал, когда в институте учился и в дружбу народов верил. А потом меня батя, дед твой, в ментовку пристроил. Там я эту дружбу народов хорошо повидал. Кто похитрее — тот и на коне. А кто добрый, на том и ездят. Вот такая дружба.

— Папа, но ведь ты меня в ментовку не пристроишь? Я не хочу в ментовку!

— Нет, сынок. В ментовку не пристрою. Ты у меня в люди выбьешься. Пойдешь в прокуратуру или в Следственный комитет.

— Ты же говорил, что в Следственном комитете одни дебилы!

— Не верь! Это я пьяный был. Сам же сейчас про двоемыслие рассказывал.

— Нет, папа. Не пойду я в прокуратуру, и в Следственный комитет не пойду. Я на Марте женюсь, получу гражданство Евросоюза и уеду отсюда. И тебя отсюда заберу! И маму! И сестру!

— А вот это дело. Но ты это... Ты тихо с ней дружи, чтобы никто не видел. И, если получится, жратвы их в следующий раз попробовать принеси, а?

- Хорошо, папа, принесу.
- А вкусная у них жратва, сынок?
- Да, папа. Мне нравится.
- Все-таки хитрожопые они люди. Нормально пристроились. Даже жратва у них вкусная. Ничего. Мы им еще покажем. Броня крепка, и танки наши быстры!..

Васильева

– Прошу признать Васильеву виновной и назначить ей наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет с применением статьи 73 УК РФ, – прокурор Вера Пашковская закончила свою речь в звенящей тишине.

В такой же тишине судья объявила перерыв. Усталой походкой человека, закончившего трудный марафон, прокурор Пашковская, игнорируя вспышки фотокамер и вопросы назойливых журналистов, с каменным лицом проследовала в сторону туалетной комнаты. Она зашла в кабинку, сбросила надоедливые туфли на каблуках, сняла противный парик, от которого за весь процесс не выветрился старый нафталиновый запах, уселась на сиденье унитаза и закурила. Хотя нет. Надо было сказать: и закурил. Конечно же, это был он, знаменитый актер Сергей Безруков.

– Серега, ты был, как всегда, бесподобен, – пробросил из соседней кабинки Дмитрий Дюжев, игравший роль Васильевой.

– Дим, а я не сильно перегнул с волнением в конце? – спросил Безруков.

– Говорю же тебе, шик-блеск. Публика была в восторге. Завтра мой выход. Но боюсь, на твоём фоне я померкну.

– Да, завтра нас опять ждет аншлаг. Прав был режиссер, когда утверждал нас на этот спектакль. Такая роль бывает раз в жизни.

В это время неприметный мужчина, занимавший неприметный кабинет с неприметной табличкой «консультант» на двери, оторвался от папки с бумагами и включил телевизор. В вечерних новостях по всем каналам ведущие, как будто соревнуясь друг с другом, выкрикивали: «Прокуратура запросила миллионерше из министерства обороны условный срок, эксперты удивлены запрошенным наказанием, депутаты Государственной думы выражают свое возмущение, Следственный комитет заявляет о намерении возбудить уголовное дело в отношении прокурора». Впервые за этот долгий день неприметный мужчина улыбнулся. Он налил в стакан немного темной жидкости из красивой пузатой бутылки, сделал небольшой глоток и набрал номер телефона: «Добрый вечер, Иван Иванович! Спектакль сегодня прошел на ура. Поздравляю вас! Можете сегодня же подписывать документы о продаже Красноярского края Швейцарии. Население всего равно еще неделю будет занято обсуждением спектакля и ничего не заметит. Да, да, да, приступайте. И не забудьте поблагодарить от моего имени актрису, игравшую роль судьи. Кстати, где она до этого снималась?»

Покровитель правоохранительного органа

Генерал находился в хорошем расположении духа. Доставленная сегодня утром из ателье новая форма с большими золотыми погонами очень ему шла, а легкая небритость, связанная со вчерашним ночным загулом, только подчеркивала его мужественную внешность. Он в очередной раз посмотрел в зеркало и подмигнул самому себе. Генерал, настоящий генерал! И если ему и дальше будет так везти, а любимый шеф подпишет представление, то одну большую звезду на его погонах заменят две, тоже большие. Генералу так понравилась эта мысль, что он даже запел: «Я люблю целовать песок, по которому ты ходила...» Петя генерал любил и часто в ходе застолья исполнял для дорогого шефа «Офицеров», «Идет спецназ» и другие песни, которые обязан знать наизусть любой уважающий себя российский генерал.

Однако его пение было прервано самым неприятным образом. В кабинет вбежал его заместитель и истошным голосом закричал: «Товарищ генерал, вас товарищ маршал к себе требуют». Генерал поморщился.

— Стаканыч очнулся после вчерашнего, — недовольно пробурчал он.

— Какой Стаканыч? — сделал вид, что не понял, подчиненный.

— Вы что, глухой? Я говорю: Иваныч. Я так шефа иногда называю. Доложите товарищу маршалу, что я бегу,— отдал команду генерал. Уже на ходу он поправил форменный галстук с золотой гербовой вышивкой, захватил из сейфа бутылку дорогого коньяка и уверенной спортивной походкой пошел в кабинет шефа.

— Здравия желаю, товарищ маршал! По вашему указанию прибыл. Разрешите доложить. Оперативная обстановка в стране нормальная, борьба с преступностью ведется, все офицеры на боевом посту. Не желаете ли отобедать? — бодрым голосом проговорил скороговорку генерал и глазами указал на бутылку коньяка, которую предусмотрительно поставил на стол.

— Хватит бухать! — заорал внезапно побагровевший маршал. — Не позволю вам страну пропить!

— Товарищ маршал, может хотя бы пива?.. — пролепетал испуганный генерал.

— И пива мне не надо. У меня от него желудок болит, когда после водки. Я тебя по работе вызвал. Ты чего творишь?

— Товарищ маршал, да что случилось? Если вы и от пива отказываетесь, то это ЧП,— совсем перепугался генерал.

— Это не ЧП, генерал. Это удар в спину. Ты что творишь, я тебя спрашиваю?

— Да, ничего я не творю, товарищ маршал! Работаю все утро на благо Великой России.

— Работаешь! Я вижу, как ты работаешь. Кто такой Михуил, святой покровитель нашего ведомства?

— Не Михуил, товарищ маршал. Михаил. Сами же поручали вместе с церковниками покровителя нам помощнее выбрать, чтобы ни один враг не подобрался.

Лицо маршала из красного стало цвета баклажана, потом совсем почернело, и он снова закричал:

— Нет, именно Михуил. Архангел Михуил. Так в твоих интернетах пишут. Говорят, что ты, придурок, такой анонс опубликовал. Опять спьяну строчишь? Говорил же тебе: не пиши ничего, когда бухаешь.

Генерал затрясся от страха.

— Товарищ маршал! Я же лично проверял на сайте. Там Михаил должно быть. Патриарх утвердил. Это главный святой, защитник обездоленных, почти как мы. Всех защищает, всем помогает. И нам поможет.

— Хреново ты проверял. На вот, погляди.

На заглавной странице официального сайта ведомства первой новостью значилась информация об утверждении некоего архангела Михуила покровителем самого мощного правоохранительного органа великой России. Рядом с информацией, по всей видимости, для усиления эффекта было нарисовано изображение какого-то чертенка с красной вилкой в руках.

Генерал сглотнул слюну.

— Товарищ маршал, не я это, всеми святыми клянусь. Хакеры иностранные. По заказу вражеских разведок сработали.

— Ага, ты еще святым Михуилом поклянись, придурок. Обделался с пьяных глаз — так думай, что мне теперь в администрации объяснять.

— А может, так все им и сказать? Правду? — попытался найти выход из положения генерал.

— Какую правду? Что ты опять нажрался и придумал моим покровителем Михуила?

— Да нет. Ну есть же такой человек — Михуил.

— Какой Михуил? Что ты несешь?

— Ну вы же сами всегда его звали: Михуил! Эй, Михуил, за пивом сгоняй, а то тошно. А сейчас Михуила фэ-эсбэшники закрыли. Вместе с очкариком.

Маршал внезапно вскочил со стула, подбежал к телевизору, из которого виднелся глазок видеокамеры, и нарочито громко произнес: «Предателей при мне не упоминать! — после чего уже спокойно подошел к столу, сделал глоток коньяка прямо из горлышка и прошептал: — Ну что ты там придумал? Излагай».

Генерал радостно затараторил:

— Ну, в общем, идея такая. Михуила делаем архангелом, то есть причисляем к лику святых. А святых у нас сажать по закону не положено. Так сказать, две проблемы сразу решаем. И покровитель будет, и Михуилу поможем.

Маршал скривился.

— Святых сажать не положено? Это где такое написано? В каком законе? Ты вообще в каком переходе свой диплом купил, придурок?

Маршал внимательно посмотрел на генерала, осекся, произнес протяжно: «Ах, да, вспомнил», — после чего обхватил голову руками.

Генерал подошел к шефу, смиренно наклонил голову и сказал:

— Товарищ маршал, ну не сердитесь. Повинную голову меч не сечет. Ну, виноват я, не доглядел, опечатался, но я исправлю, все исправлю, вот увидите.

— Да как ты справишь, придурок?

— А вот исправлю, товарищ маршал. Будет такой архангел — Михуил. Святой. Даже святейший. Даже архисвятейший. Я ему страницу в «Википедии» создам. Хвалебную. Я умею, уже делал так. Будет наш Михуил самым мощным покровителем, главным по уголовным делам. Они на нас поклеп в прессе, а Михуил им — уголовное дело. Они в Интернете клеветают, а Михуил — второе. Так и победим всех предателей, коррупционеров, отступников, педофилов, еретиков и прочих врагов Великой России.

При словах «Великая Россия» оба старших офицера встали из-за стола и запели, вначале тихонько, а потом и во весь голос: «У нас родина одна, мы страна. И если в дом пришла беда, как всегда. Без упрека и страха настороже. Вместе на острие, рядом, на рубеже».

— Хорошая песня, душевная, мне нравится, — немного подобрел маршал. — А вот слово это мне не нравится. «Википедия». На педофилию похоже. Педофилы — главные наши враги, после коррупционеров, конечно же. Но ты действуй, вариантов все равно нет. Не исправишь ситуацию — пойдешь дела расследовать.

— Дела я не умею, товарищ маршал.

— Сейчас никто не умеет, но они же расследуются.

— Я лучше, товарищ маршал, пойду страницу для Михуила в «Википедии» создавать. Все будет в лучшем виде.

— Иди уже с глаз моих. Хотя стой. Пива купи...

Архистратиг Михаил висел в воздухе и устало обмахивал себя большими белыми крыльями.

— Спасибо тебе, Гавриил, что выручил, а то я уж думал Самаэля просить, чтобы он забирал этих ребят туда,

куда им уже давно положено отправиться. Если бы не ты – могли бы меня и изгнать за такое покровительство.

Архангел Гавриил улыбнулся.

– Ну что ты, Михаил! Я всегда рад сослужить тебе службу. Тем более что это было несложно. Пара нехитрых операций в Интернете – и вот уже покровитель этих дьяволят не ты, а безвестный Михуил. За годы служения Господу нашему я не только компьютеры освоил, но могу и хакерством промышлять, если понадобится.

– Ой, боюсь я, Гавриил, что эти парни скоро так несчастного Михуила ославят, что...

Договорить Михаил не успел, потому что где-то далеко снова проснулся дракон, а значит, пора было идти в очередной бой.

Не взяли

Лаврентия Назаровича не взяли в этой жизни неоднократно, и всякий раз он затем, после переосмысления произошедших событий, этому обстоятельству крайне радовался, становился в итоге мудрее и сильнее. Во всяком случае, он-то по прошествии стольких лет и после стольких пережитых событий уж точно считал себя весьма мудрым и сильным человеком.

В первый раз Лаврентия Назаровича, а тогда еще просто Лаврика, не взяли, когда он был молоденьким курсантом в академии МВД и вместе с однокурсниками бомбил мелких торговцев на рынке. Один из торговцев оказался дальним родственником какого-то высокопоставленного фээсбэшника, и курсантов взяли с поличным. Всех. Кроме Лаврика. Он в тот день немного приболел и на дело не поехал. Так Лаврентий Назарович понял, что никогда нельзя пренебрегать собственным здоровьем, и с тех пор регулярно посещал всех врачей и проходил медицинские обследования.

Второй раз нехорошая ситуация случилась с Лаврентием Назаровичем прямо в первый год работы в городском ОБЭП, куда его по знакомству пристроил дядя. Лаврентий с напарником долго обхаживали одного коммерсанта, который возил контрабандой бытовую технику из Польши. Коммерсант был упертым, сделал вид, что согласился на

выдвинутые условия, а сам написал заявление в ОСБ. Напарника взяли на факте получения меченых денег. А вот Лаврентия Назаровича снова не взяли. Будучи человеком предусмотрительным, он сам на встречу не пошел и вообще в этот день оформил отпуск за свой счет. Напарник не стал грузить себя на группу лиц, и взял все на себя. Лаврентия Назаровича не тронули, и он продолжил восхождение по карьерной лестнице, через некоторое время став заместителем начальника, а затем начальником городского ОБЭП. Так Лаврентий Назарович понял, что никогда не надо заикливаться на работе и забывать об отпусках. Кроме того, он осознал, что дружить надо с людьми проверенными и надежными, а потому после освобождения напарника продолжал делать с ним совместный бизнес, используя в качестве понятого и заявителя по своим материалам.

Затем неприятности долго обходили Лаврентия Назаровича стороной, и он дослужился до не совсем большой, но уже очень вкусной должности в субъектовом управлении. И тут, когда Лаврентий Назарович подумал, что жизнь окончательно удалась, взяли весь его отдел. Лаврентий Назарович срочно ушел на больничный и каждый день со страхом ждал, что возьмут и его, не забывая каждый день молиться Богу о спасении. Внезапно удача снова повернулась к Лаврентию Назаровичу солнечной стороной: взяли всех, кто взял его отдел, и от нашего героя столь же неожиданно отстали. Лаврентия Назаровича снова не взяли. Так Лаврентий Назарович усвоил для себя, что о Боге нельзя забывать даже в самые счастливые времена, и начал каждое воскресенье вне зависимости от имеющихся у него дел ходить в церковь, покупать самую

толстую свечку и раздавать на пожертвования 5% от всех получаемых в течение недели доходов.

В результате Лаврентий Назарович за несколько лет подобных молений намолил себе ответственную должность в министерстве, увешал свой кабинет грамотами от РПЦ, обрел кучу полезных знакомств, и вообще, стал тем самым мудрым и сильным человеком, которым когда-то хотел стать.

Теперь Лаврентий Назарович знает, что его уже никто никогда не возьмет. Взять может только он, и уже практически кого угодно. А брать у нас можно почти каждого, и за это ничего не будет, так как с руководством ФСБ, прокуратуры и суда Лаврентий Назарович находится в хороших отношениях и каждое воскресенье встречается в церкви возле лотка, где покупают самые толстые свечки.

Хорошего дня!

Привет-привет-привет!!! Ты рано встал, очень хочешь спать, сонный прыгнул в машину и мечтаешь послушать по радио хорошую музыку. Я придам тебе отличный импульс на весь день. Я – жизнерадостный дебил-ведущий утреннего шоу, и вместо музыки сегодня в пробке ты будешь слушать мое веселое щебетание, одинаковые приколы и розыгрыши, пошловатые шутки и восторженный хохот. Хорошего дня тебе!

Привет! Я футболист сборной России по футболу. В перерыве между шутками жизнерадостного дебила ты будешь узнавать новости обо мне и моем позоре на Евро. Это дополнительно настроит тебя на сегодняшний день. Удачи сегодня!

Привет! Я медленно еду в машине перед тобой. Да, да. В пробке. В машине перед тобой. Все, что я хочу тебе сказать, это: «Куплю шкуру Обамы» и «Трофей из Берлина» ...Ах да, удачного дня.

Привет! Я сотрудник ДПС. Мне скучно, поэтому я объехал пробку по встречке, потом отключил реверсивную полосу в обе стороны и жду, когда же ты наконец потеряешь терпение и приедешь прямо ко мне. Я тебя очень жду, потому что так хочу придать тебе дополнительный заряд бодрости в это утро! И моя семья тебя очень ждет. А еще мои сослуживцы и начальники. Все мы благодарны

Богу за то, что тот придумал пробки, и поэтому желаем тебе хорошего дня.

Привет! А я водитель грузовика, и он у меня сломался на средней полосе. Я не знаю, что с этим делать, поэтому включу аварийку и буду смотреть, как ты меня объезжаешь. Удачного дня тебе!

Привет! Я работник метрополитена и уже знаю, что ты решил оставить машину на ближайшей парковке, объехав пробку на метро. Я просто чувствую, что немного физической зарядки тебе не помешает, а потому специально для тебя и таких же непроснувшихся, вялых мух закрыл все входные двери, кроме одной. Хочу, чтобы вы немного потолкались между собой. Подражаться за быстрый проход на станцию тоже в принципе будет неплохой разминкой для тебя перед тяжелым днем. Забыл сказать: хорошего дня!

Привет! Я казак и проверяю твои документы на входе в суд. Запрещенные предметы при себе имеются? Да, да, я казак. Ты что, никогда не видел казака на входе в суде? Смотри, какая у меня папаха. Прямо с Дона приехал. Прямой потомок Стеньки Разина. Вас здесь так много, что приставы не справляются. Вижу, что настроение у тебя и так хорошее, поэтому больше не буду ничего говорить, а просто пожелаю хорошего дня.

Привет! Я помощник судьи и хочу сказать, что заседание переносится с 9–30 на 15–00. У судьи много других дел. Вы только далеко не уходите. Буфет? Нет, буфет в суде закрыт. И столовая закрыта. А туалет только для работников суда. Вы работник суда? Ну тогда хорошего дня вам!

Привет! Я голубь и просто насрал на твой пиджак сверху, когда ты выходил из суда. Я всего лишь голубь и

не обучен ходить в туалет в специально отведенных для этого местах. Надеюсь, это не испортило твое хорошее настроение? В любом случае – удачи тебе!

Привет! Я судья. Прошу извинить за небольшую задержку. Это для вас вечер и темно, а мне еще работать сегодня. Заседание не состоится: неявка свидетелей. Нет, предупредить не мог. Я же не знал, что свидетели не явятся. Отложим на недельку. Приходите в следующее заседание без опозданий. До свидания и хорошего вечера!

Привет-привет-привет! Ты устал после работы, хочешь есть и спать, сонный прыгнул в машину и мечтаешь послушать по радио хорошую музыку. Я придам тебе отличный импульс в дороге. Я жизнерадостный debil-ведущий вечернего шоу, и вместо музыки сегодня в пробке ты будешь слушать мое веселое щебетание, одинаковые приколы и розыгрыши, пошловатые шутки и восторженный хохот. Хорошего вечера!

Привет, милый! Что так поздно? Почему такой невеселый? В суде задержался? Как твой день? Хорошо прошел? Кушай скорее – и спать. Завтра ведь рано вставать, сегодня только среда, еще два рабочих дня. Два хороших рабочих дня!

Мангуст

Два толстых, казавшихся довольными жизнью гуся сидели перед кормушкой и в перерывах между набиванием животов негромко переговаривались, обсуждая последние новости фермы.

– Ну как твой бизнес? Я смотрю, вроде процветаешь.

– Какой там процветаешь! Вот до кризиса – да, был бизнес. А сейчас зерно дорожает, так как английское покупаем, гусыни несутся плохо...

– Понимаю тебя. А у меня совсем все плохо. Кобры.

– Что кобры?

– Совсем обнаглели кобры. Бизнес разоряют, гусят воруют. Меня сожрать хотят. В кризис они еще голоднее стали.

– А мангуст что говорит? Я же тебе советовал к мангусту обратиться.

– Да что твой мангуст! Маленький, щуплый, куда ему с кобрами справиться. Еды просит много, а гарантий не дает. Говорит, что гарантии одни змеи дают, а он независимый, профессиональный, дальше забыл слово. Вроде слова красивые говорит, но не для нашей фермы все это. Биться он будет! С кем здесь биться? Тут либо под кобру ложиться, либо бежать надо. Короче, выгнал я твоего мангуста и в еде ему отказал.

— Зря ты так. Я слышал, что он одному индюку хорошо помог. Хотя бы не выгонял его, обидится ведь. Вдруг пригодится.

— Не пригодится. Нашел я выход на одну гадюку, обещает, что с кобрами все тип-топ будет. Пол-инкубатора придется продать, но жизнь — она дороже.

Маленький мангуст мирно спал в своей норке, когда его внезапно растолкала жена: «Милый, просыпайся скорее. Не слышишь разве, что тебя зовут?» Он высунул мордочку из норки, повел носом в сторону гусиной фермы и понял, что без него в этот раз не справятся. «Мангуста, скорее мангуста, на помощь!» — раздавалось со стороны гусиной фермы. Мангуст наскоро умылся, пригладил лапками ставшие такими редкими волосинки на голове и под прощальные слова жены: «Милый, будь осторожен, не бегай по росе, опять ноги промочишь», — помчался в ночь.

Он забежал на ферму и тут же врезался в немолодую гусыню.

— Мангуст, скорее! Там. Возле кормушки. Мой муж. Кобры. Много. Спасите. Муж сказал, что только вы можете помочь! — запричитала гусыня.

— Что с оплатой?

— Муж сказал, что готов на любые условия. Только спасите, умоляю вас, вы наша последняя надежда!

Мангуст встал на задние лапки, понял, что ситуация совсем плохая, и бросился к кормушке, на ходу крикнув гусыне: «Ловлю вас на слове. Условия обсудим после».

Возле кормушки его ждала уже привычная картина. До смерти перепуганный гусь прижался спиной к стенке и дрожал всем телом, а его с трех сторон окружали со страшным шипением три здоровенные кобры, раздувая

капюшоны. Кобры были такими большими и такими голодными, что если бы мангуст не был мангустом, то он бы наверняка испугался. Но мангусты не знают, что такое страх, а потому маленький зверек храбро бросился на самую крупную кобру, на капюшоне у которой был узор в виде двух больших букв «С» и «К». Иногда в результате такой яростной атаки ему удавалось обратить гнев кобр друг на друга, но не в этот раз. Очевидно, что кобры были так разозлены на гуся и так хотели поскорее его съесть, что им было не до взаимных разборок.

Тем не менее они развернулись в сторону маленькой досаждающей помехи и бросились на мангуста единым тройным строем. Никогда еще мангусту не было так тяжело. Он вертелся волчком, кусался, уворачивался от змеиных укусов, снова кусался и снова уворачивался. Силы его были на исходе. Тем временем гусь немного пришел в себя, осмелел и начал подавать мангусту вначале робкие, а потом и уверенные команды: «Слева заходи! Что ты так медленно! Нарочно затягиваешь! За что тебя только кормят!» Мангуста эти выкрики раздражали и отвлекали от битвы, но он никак не мог ответить гусю, поскольку его маленький рот был занят терзанием очередного змеиного хвоста.

В какой-то момент гусь отбежал на безопасное расстояние, крикнул мангусту, чтобы тот ни в коем случае не сдавался, и был таков. Битва же принимала все более яростный оборот. Изрядно потрепанный мангуст никак не хотел отступить, хотя несколько раз ядовитые змеиные зубы едва не касались его небольшого тельца. Змеи же, казалось, не знали усталости. Они вновь и вновь, словно ядовитые стрелы, выбрасывали свои тела в сторону

маленького воина, и ему с большим трудом удавалось уходить от укусов. Однако сдаваться мангуст не соби­рался. Он вообще не знал такого слова – «сдаваться». Именно не сдаваться когда-то учил его старый наставник, выигравший не одну битву с кобрами.

Внезапно самая крупная змея слишком быстро выброси­ла мощное тело в сторону мангуста. А он... Он поскользнул­ся. Предательски подвернулась уставшая лапа, и ядовитый клык вонзился в жилистое плечо. Страшная боль поразила его. Боль была такая, что ему показалось, будто тело разом пронзила тысяча острейших игл. Он упал и больше не смог пошевелиться. Уже теряя сознание, мангуст услышал, как одна из кобр прошипела: «Шшшш. Уползаем. Шшшшдесь нам делать нечего. Не шшшшшрать же эту мелкую па­даль. Шшшшалко, гуссссь ушшшшел». Вторая, очевидно главная, в ответ сказала: «Ушшшшшнай­те, как шшшшшвовут эту маленькую вонючку. Если вышшшшивет, то мошшшно обратиться, когда питон на нас нападет». Шипение затихло, и сознание окончательно покинуло его.

Первое, что он увидел, когда очнулся, была перепу­ганная мордочка жены.

– Милый, ты жив! Как я рада!

Он попытался подняться, но тут же опять повалился на землю: все тело еще ломило от тупой боли.

– Милый, лежи, пожалуйста, не вставай. Тебе сейчас надо больше отдыхать. Я сейчас завтраком тебя накорм­лю, хоть какие-то силы будут. Тут какой-то гусь прихо­дил, тебя спрашивал. Ты был так плох, что все думали – не выживешь. Я ему так и сказала. Он еще на следующий день приходил. Яйцо принес. Сказал – благодарность это, – тараторила любимая.

– Как яйцо? Всего яйцо? Он же мне золотые горы обещал, если я помогу. Он что думает, я за яйцо умирал?

– Милый, не волнуйся, пожалуйста. Мне главное, что ты у меня жив. А еду ты еще добудешь. Ты же у меня такой сильный и храбрый!

– Нет, погоди. Я сейчас вернусь, – с этими словами он напряг все свои пока еще такие слабые силы, выполз из норы и похромал в сторону фермы.

Однако вместо фермы его встретили лишь заколо­ченные ворота и небольшая табличка, на которой было написано, что все гусиное семейство переехало куда-то в более теплые края. Мангуст вернулся в норку, молча съел яйцо, так же молча улегся и закрыл глаза.

На следующую ночь его опять разбудила жена: «Ми­лый, опять тебя зовут. Бедный ты мой, бедный. Может, хоть сегодня не пойдешь, отлежишься?» Мангуст высу­нул мордочку из норки, повел носом в сторону куриной фермы и понял, что без него в этот раз не справятся. «Мангуста, скорее мангуста, на помощь!» – раздавалось со стороны куриной фермы. Мангуст наскоро умылся, пригладил лапками ставшие такими редкими волосинки на голове и под прощальные слова жены: «Милый, будь осторожен, не бегай по росе, опять ноги промочишь», – помчался в ночь...

Мантия

– Товарищ адвокат, а можно последний вопрос?

– Да, конечно.

– А вы эту судью знаете?

– Ну как знаю, бывал пару раз в процессах.

– И как она?

– Редкостная сучка. В голове опилки вместо закона. И еще жестокая, не любит, когда с ней спорят.

– И что же нам делать?

– Как что делать! Спорить, конечно. Мы же знаем, что правы. По-другому не умеем.

– А подходы к ней есть какие-нибудь?

– Да какие могут быть подходы... Говорю же, такая корона на голове, что не подступиться. Ну пойдете-пойдете, заседание через минуту начнется.

(В процессе)

– Адвокат, вы опять не готовы к процессу, как в прошлый раз?

– Ваша честь, это не первый мой процесс с вашим участием, и вы уже наверняка запомнили, что я всегда обстоятельно готовлюсь к процессу.

– Почему тогда такие паузы делаете при заявлении ходатайства?

– Ваша честь, я стараюсь подбирать слова для проявления к суду максимального уважения, поскольку убежден в справедливости решения, которое будет вами принято.

– Адвокат, мое решение не зависит от ваших слов, выступайте по существу уже.

– Ваша честь, я и выступаю по существу, но вы меня перебили.

– Выступайте уже наконец, не затягивайте процесс. У меня еще три ареста после вашего дела.

– Ваша честь, я не занимаюсь затягиванием процесса. Я всего лишь выполняю свою работу по защите прав и свобод своего подзащитного, который, по моему мнению, невиновен. Я подчеркиваю, ваша честь, человек невиновен, а находится в клетке. И мне очень больно на это смотреть, ваша честь.

– Адвокат, прекратите ваши дурацкие кривляния. На меня они не действуют.

– Не сомневаюсь, ваша честь. Если вы позволите, я с вашего позволения продолжу. Тем более что у меня осталось всего три ходатайства об исключении доказательств.

– Сколько-сколько ходатайств?

– Три, ваша честь.

– Адвокат, вам не надоела ваша клоунада? К чему вы все это устраиваете?

– Я ничего не устраиваю, ваша честь. Я защищаю своего доверителя, выполняя профессиональный долг.

– Ваш доверитель сам в прошлом заседании сказал, что хочет, чтобы побыстрее все закончилось.

– Ваша честь, я тоже хочу, чтобы все закончилось побыстрее, и тоже тороплюсь, но, к сожалению, справедливое

правосудие — а правосудие в вашем лице всегда справедливо — не всегда бывает скорым. Я же не виноват, что процедура уголовного преследования была начата с нарушениями, а потому вы рассматриваете дело в отношении невиновного.

— Адвокат, ну с какими нарушениями? Что вы несете? Вы что забыли какие показания дал дознаватель?

— Ваша честь, я все-таки не несу, а заявляю ходатайство. И я все-таки тоже участник процесса, пусть и не столь важный, уважаемый и ответственный, как вы, но добросовестно выполняющий свою работу. А дознаватель может давать какие угодно показания. О законности вынесенного им постановления о возбуждении уголовного дела, в котором не указаны пункт и статья Уголовного кодекса, его показания не свидетельствуют. Я бы лишь сказал, что его показания еще раз подтвердили отсутствие у него необходимых навыков и познаний для выполнения столь ответственной работы, но позволю себе подробно остановиться на этом в прениях.

— Козел (шепотом).

— Сучка (шепотом).

(Вечером)

— Привет. Ты чего так поздно?

— Привет, милая. Задержался. Извини. К прениям готовился, и вдохновение посетило.

— Я соскучилась.

— Я тоже.

— Ужинать будешь?

— Нет, спасибо. Ты же знаешь, что мне нельзя есть на ночь. Я уже старенький. Давай просто чай попьем.

— Ты сегодня был хорош. Я аж залюбовалась. Гордилась тобой тайно.

— Спасибо. Ты тоже ничего, хотя отказ на ходатайство могла бы написать получше. Слабая мотивировка.

— Хватит уже адвокатствовать. Понимаешь же, что он виноват.

— Не виноват.

— Виноват.

— Чтобы был виноват, пусть дело правильно возбудят и доказательства соберут.

— Когда ты уже прекратишь участвовать в моих процессах! Я так больше не могу.

— А я не могу не участвовать в твоих процессах. Я единственный адвокат в этом городе. Скажи лучше, когда мы поженимся?

— Я тебе сто раз говорила, что мы никогда не поженимся! Я не могу ломать карьеру из-за брака с адвокатом. Меня сразу лишат полномочий.

— Нет, поженимся. Все равно поженимся.

— Тебе что, мало, что ты единственный, кто может снять с меня мантию?

— Да, мне этого мало. Я хочу снять ее навсегда, а не только по ночам. Когда мы поженимся?

— Мы не поженимся. Ладно, поженимся, но только когда ты добьешься оправдательного приговора в моем процессе.

— Но так нечестно! В твоём процессе я никогда не добьюсь оправдательного приговора. Ты предвзята.

— Я не предвзята. Это ты постоянно защищаешь преступников.

— Они не преступники. Многие из них хорошие люди, которые запутались, а некоторые действительно виноваты.

— Вот и докажи мне хоть раз, что не преступники. Или ты плохо готовишься к процессу?

— Сними уже мантию хоть дома. Знаешь же, как я готовлюсь к процессу.

— Не сердись. Знаю, конечно. Но оправдательного ты не получишь.

— Получу.

— Нет, не получишь.

— Сучка.

— Козел.

— Иди уже ко мне, ваша честь. Снимай свою виртуальную мантию. А все, что под мантией, я сниму сам.

— Да, сними с меня ее, милый. Она мне надоела за весь день. Я так скучала по тебе.

— Я тоже, милая.

Темная сторона

Следователь: Галина Ивановна, внимательно посмотрите на стоящих перед вами мужчин и поясните, не знаком ли вам кто-либо из них, и если знаком, то в связи с какими обстоятельствами?

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой. Сила течет во мне, и я един с силой.

Следователь: Адвокат, что вы говорите, я не понял?

Адвокат: Нет-нет, ничего. Повторяю про себя предусмотренный статьей 193 УПК РФ порядок производства следственного действия, а также права участвующих лиц, которые вы забыли разъяснить.

Следователь: Я ничего не забыл. Я никогда не разъясню. Галина Ивановна, не слушайте его, он сознательно вас сбивает. Посмотрите внимательно на этих мужчин и ответьте на мой вопрос.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Опознающая: Нет, никого из них не могу узнать.

Следователь: Галина Ивановна, посмотрите еще раз повнимательнее. Не сидящий ли посередине человек вырвал у вас из рук сумочку?

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Опознающая: Нет, из них я никого не могу узнать. Хотя стойте. Вот этот вот. Эта рожа у меня сумку выхватила. Бандит проклятый. Точно он!

Следователь: Нет, нет. Это же оперативник. Его нет среди опознаваемых.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Опознающая: Да он это, он. Говорю же вам! Я эту бандитскую рожу из тысячи узнаю.

Следователь: Галина Ивановна, это не опознаваемый. Это оперативник, он просто осуществляет конвоирование.

Опознающая: Я не знаю, что он у вас осуществляет, но это он меня ограбил.

Следователь: Все с вами понятно. Я составляю протокол и указываю результат опознания – никто не опознан, поскольку оперативника среди опознаваемых нет.

Адвокат: Нет уж, вы отразите, пожалуйста, в протоколе, что опознающая уверенно указала на сотрудника полиции как на лицо, совершившее преступление.

Следователь: Ничего я не буду отражать. Опознающая никого из опознаваемых не узнала.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Следователь: Впрочем, какая разница. Все и так доказано. Чего я буду время тратить на споры! Что вы там хотите внести в протокол? ...

.....

Судья: Государственный обвинитель, что у вас дальше по порядку исследования доказательств?

Государственный обвинитель: Я бы хотел исследовать вещественное доказательство – диск с записью с камер наблюдения, установленных в районе места происшествия.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Судья: Адвокат, что вы там все время бурчите?

Адвокат: Ваша честь, я повторяю положения статьи 284 УПК РФ о порядке осмотра вещественных доказательств.

Судья: Повторяйте УПК про себя. Вы отвлекаете суд.

Адвокат: Прошу прощения, ваша честь.

Судья: Секретарь, включите диск.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Секретарь: Диск не воспроизводится.

Судья: Государственный обвинитель, обеспечьте воспроизведение вещественного доказательства.

Государственный обвинитель: Да, да, сейчас, ваша честь, все откроем. Вот же кнопочка.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Судья: Государственный обвинитель, но на видео же ничего не видно!

Государственный обвинитель: Ваша честь, вот же тень от подъезда метнулась.

Судья: И что это за тень?

Государственный обвинитель: Я думаю, что это подсудимый. Во всяком случае, видно, что это мужчина.

Судья: Думаете или имеете доказательства?

Государственный обвинитель: Ваша честь, ну мы же с вами все понимаем.

Адвокат: Ваша честь, а я не понимаю.

Государственный обвинитель: Адвокат, вам объяснят при вынесении приговора.

Адвокат: Ваша честь, прошу сделать государственному обвинителю замечание в связи с тем, что он своими высказываниями предрешает судьбу обвинительного приговора, хотя такое решение может быть вынесено только вами.

Судья: Суд не видит оснований для объявления замечания, поскольку не слышал высказывания государственного обвинителя и не заносит их в протокол. Участники процесса, прошу все свои колкости высказывать друг другу после судебного разбирательства, а сейчас выступать исключительно по существу дела. Государственный обвинитель, может быть, у вас есть еще какие-то доказательства?

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Государственный обвинитель: Ваша честь, сторона обвинения закончила представление доказательств.

Судья: Закончила? Государственный обвинитель, вы считаете, что представили достаточно доказательств по делу, где потерпевшая заявляет, что ее ограбил не подсудимый, а на видеозаписи ничего не видно?

Государственный обвинитель: Ваша честь, да. Других доказательств у стороны обвинения нет, и сторона обвинения полагает, что эти доказательства носят веский характер, полностью изобличают подсудимого в совершении преступления, опровергают его версию, согласовываясь между собой и дополняя друг друга в своей совокупности.

Судья: Ну что же. Защита, вам предоставляется право представления доказательств...

.....

Адвокат: Ваша честь, прошу прощения, можно я задам вам один вопрос.

Судья: Конечно, Николай Иванович. Я вас слушаю. Мне было очень приятно председательствовать в этом процессе, вы вели защиту подсудимого очень достойно.

Адвокат: Ваша честь, ну как же так? Почему 6 лет?

Судья: Николай Иванович, вы же профессионал, неужели вам надо разъяснять доказательства по делу?

Адвокат: Ваша честь, я искренне не понимаю. Ведь ни одного доказательства нет!

Судья: Николай Иванович, мне бы не хотелось сейчас вступать в дискуссию о доказательствах. Все изложено в приговоре.

Адвокат: Сила течет во мне, и я един с силой.

Судья: Что вы говорите?

Адвокат: Ваша честь, я просто хотел спросить, как же вы смогли вынести такой приговор.

Судья: Темная сторона силы – это дорога к множествам способностей, многие из которых считаются неестественными.

Адвокат: Простите, я не расслышал.

Судья: Николай Иванович, я действительно не могу вам сейчас объяснить. Это надо понимать и чувствовать...

Последний джедай

Стали известны подробности новой серии культовой саги «Звездные войны», которая выйдет на экраны через год. Серия называется «Последний джедай» и будет снята в сотрудничестве со Следственным комитетом РФ. Премьеру покажут на первом канале 1 января 2017 года.

Сюжет: Давным-давно в далекой галактике продолжались коррупционные войны. В результате дерзкого плана коварному императору Палпатину (роль исполняет Владимир Машков, загримированный под Юрия Чайку) удалось нарушить равновесие силы, получив дополнительные процессуальные полномочия, позволяющие возбуждать уголовные дела в отношении джедаев (сотрудников Следственного комитета). В результате многие джедаи пали в неравном бою или перешли на темную сторону. Соппротивление разгромлено. Ученик Палпатина – владыка ситх Дарт Вейдер (роль исполняет Евгений Миронов, загримированный под Игнатенко) – назначен первым заместителем генерального прокурора, лично уничтожает последние остатки республики, возбуждая в отношении джедаев новые и новые уголовные дела.

Неравную борьбу продолжают только постаревший глава ордена, последний джедай Люк Скайуокер (роль исполняет Александр Бастрыкин) и его верный протокольный дроид R-300 (роль исполняет Владимир Маркин),

скрывающиеся от агентов империи в далеком кабинете по адресу: Технический переулок, дом 2. Палпатин и Вейдер разрабатывают новое секретное оружие, устанавливают местонахождение скрывающегося джедая, подбрасывают ему бизнес в Чехии и возбуждают по этому поводу уголовное дело. Джедай пленен, обездвижен и находится под подпиской о невыезде. В последний момент ему удается незаметно вложить в память дроида секретное послание к некогда могущественному магистру Йоде (персонаж нарисован с помощью компьютерной графики и загримирован под Зорькина). Дроиду удается уйти от погони и передать послание Йоде. Но Йода так постарел и ослабел, что может выносить только определения об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Он говорит Дроиду, что ничем не может помочь сопротивлению, советуя лишь искать новый молодой источник силы, которому удастся восстановить равновесие.

Дроид, выполняя новое задание Люка, обращается за помощью к старому другу джедаев Чубаке (персонаж нарисован с помощью компьютерной графики и загримирован под Лебедева). Помудревший и сильно постаревший Чубака отказывает в помощи джедаям, притворяясь, что не владеет их языком и не понимает, о чем идет речь. На самом деле Чубака опасается Палпатина и его новых союзников – клонов-штурмовиков (сотрудники ФСБ), которые оказывают сильное влияние на всех вуку (судей) и угрожают Чубаке смещением с должности правителя вуку. Тем не менее Чубака незаметно для штурмовиков вкладывает в память дроида информацию о том, что новую скрепу силы необходимо искать на планете Крым, где железной рукой правит

молодой наместник Палпатина — прокурор Наталья Поклонская (роль исполняет Наталья Поклонская). Чубака информирует джедая, что в Поклонской до сих пор жива частица светлой стороны.

Получив эти сведения, Люк решается на отчаянный шаг. Он нарушает подписку о невыезде и на собственном вертолете вылетает в Симферополь. Там последний джедай прорывается в кабинет Поклонской и, используя силу Уголовно-процессуального кодекса, вывозит ее в лес. В лесу джедай, угрожая Поклонской световым мечом, изгоняет из нее темную сторону, делая своим падаваном.

Юный падаван Поклонская, зарядившись скрепами крымской силы, вызывает Дарта Вейдера по спецсвязи, открыто обвиняет его в коррупции, уведомляя о возбуждении уголовного дела по факту взяточничества. Происходит поединок на световых мечах, в ходе которого Поклонская отрубает Вейдеру руку, срывая с него генеральский погон. Протокольному дроиду удается ретражировать сведения о возбуждении уголовного дела в отношении Вейдера через средства массовой информации. Вскрываются факты, свидетельствующие о наличии у родственников Палпатина бизнеса в Швейцарии и Греции. Палпатину ничего не остается, как временно отступить и поделиться с джедаями частью полномочий. Орден джедаев начинает восстанавливать свое могущество. Соппротивление празднует победу. Тем не менее темная сторона по-прежнему сильна, и в следующих сериях звездные коррупционные войны будут продолжены...

Девушка

Девушка смотрела в окно. Люди что-то говорили, суеились, спорили, повышали голос, а девушка просто молча смотрела в окно. Иногда люди менялись: приходили новые, уходили старые, но девушка сидела все также — не меняя позы и не отводя глаз от окна. По ее прекрасному лицу было не понятно, что происходит в этой симпатичной головке: грустные ли мысли ее посещают или она чему-то радуется. Никто не мог этого понять, никто. Все сходились только в одном: девушка была прекрасна. Она была не то чтобы совсем юна, но все же достаточно молода для того, чтобы сидеть здесь, в этом месте. Девушке шло все: и молодость, и длинные пепельно-черные волосы, и большие, всегда как будто немного испуганные глаза, постоянно смотрящие куда-то вдаль, в окно, и даже полуоборот головы, позволяющий рассмотреть легкий, едва заметный румянец на щеках.

Он смотрел на нее и не мог налюбоваться. А девушка не замечала его и все также смотрела в окно. О чем она думает? Что происходит в этой прекрасной голове? У него не было ответа на эти вопросы, но он очень хотел, чтобы она хоть раз посмотрела на него своим внимательным взглядом, а может быть, даже улыбнулась. За ее улыбку он бы отдал многое. Да что там за улыбку! Он бы отдал все, что у него было, за один легкий поворот головы в

его сторону. Но девушка смотрела в окно и, казалось, не замечала никого вокруг. Обнадеживало его только одно: она не замечала не только его. Он уже успел навести справки у таких же безнадежно влюбленных и узнать, что девушка сидит здесь уже давно, и никто так и не смог произвести на нее впечатления. Каждый день она приходит сюда в одно и то же время, смотрит в окно, а потом уходит куда-то, непонятно куда. Он не знал, живет ли она одна, с родителями или уже давно воспитывает двоих сыновей, а по вечерам варит щи для любимого мужа. В этой девушке, ее строгости, красоте, ее взгляде в окно была вечная загадка, которую ему и никому в этом помещении было не суждено разгадать.

Он попробовал быть решительнее. Повысил голос, вступил в дерзкий спор с одним из мужчин, также смотревших на девушку с восхищением, стал активно жестикулировать, но это не сработало. Девушка смотрела в окно, и ее красивое лицо не выражало никаких эмоций. Он окончательно разволновался и, желая хоть как-то привлечь ее внимание, обратился непосредственно к ней. Она так и не повернула головы и не удостоила его хоть каким-нибудь ответом. Девушка смотрела в окно...

Может быть, она глуха или слепа, думал он. Но тогда она не могла бы каждый день приходить сюда, в это место и вот так вот смотреть вдаль, в окно. К тому же слепота наверняка испортила бы ее лицо, а оно было прекрасно. Наверное, у нее какое-то горе, проблемы в семье, а может, наоборот, она думает о чем-то столь возвышенном, что не хочет обращать внимания на него и таких же страждущих. Он не знал, в чем причина ее отрешенности, и уже понимал, что ему так и не дано этого узнать. Мужчина был

немолод, во всяком случае, гораздо старше прекрасной девушки, и хорошо понимал, что не нравится такому типу женщин. Все его попытки сблизиться с ними почему-то заканчивались провалом. В общем-то, он даже понимал почему: обычно успеха у таких женщин добивались мужчины статные, красивые, одетые в форму, четко, практически по-военному чеканящие фразы, любящие даже говорить о любви по бумажке, а он, к сожалению (впрочем, обычно он считал это своим достоинством), не обладал всеми этими качествами. Те редкие исключения, которые все-таки имели место в его относительно долгой жизни, так или иначе подтверждали эти грустные выводы, а все романы с красивыми девушками, молчаливо смотрящими в окно, заканчивались разговорами с папами этих девушек, которые почему-то совсем не любили мужчин вроде него и цинично разрушали возведенный им в своем сердце воздушный замок, нагло били по протянутым девушками рукам и запрещали им когда-либо еще заговаривать с ним. После таких разрывов он всегда впадал в депрессию и неделями не хотел выходить из дома, но потом всякий раз все повторялось по кругу...

За этими мыслями он не заметил, как за окном стемнело и наступил вечер. Девушка смотрела в окно. Внезапно она молча встала, одернула мантию и также молча ушла. Ее красивое лицо снова не выражало ничего. Он посмотрел ей вслед, собрал документы в портфель и тоже вышел из помещения. Завтра он вновь придет сюда и будет вновь пытаться привлечь внимание этой девушки, которая казалась ему такой красивой, но такой беспросветно недоступной. Впрочем, он знал, что по делу будет еще не менее десяти заседаний, а значит, какие-то шансы на

успех у него все же имеются. И он не сдастся, пока она не повернет к нему голову и не улыбнется. И тогда... тогда он улыбнется ей в ответ. И пусть потом ее сердитый папа разрушает воздушный замок. В этот раз они построят такой замок, который будет не так-то просто разрушить. По крайней мере он попытается его воздвигнуть. Пусть даже она откажет ему, но он сделает все, что в его силах, и даже больше...

Суд идет

Секретарь: Встать! Суд идет!

Судья: Рассматривается ходво об избрании мры прсч под стрж. Следль оглсте ходво.

Следователь:

Рамамба Хару Мамбуру

Рамамба Хару Мамбуру

Рамамба Хару Мамбуру

Рамамба Хару Мамбурум...

Адвокат: Я протестую. Ваша честь, пусть следователь излагает свои мысли и обосновывает ходатайство внятно.

Судья: Следователь, можете как-то более аргументированно?

Следователь: Рамамба Хару Мамбуру Рамамба Хару Мамбуру.

Судья: Все у вас?

Следователь: Да.

Судья: Присаживайтесь. Слово прокурору.

Прокурор: Села муха на варенье – вот и все стихотворенье.

Судья: Обвиняемый, ваше отношение к ходатайству?

Обвиняемый:

Я начал жизнь в трущобах городских,
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал.

Судья: У вас все?

Обвиняемый:

Край небоскребов и шикарных вилл,
Из окон льет слепящий свет.
О, если б мне хоть раз набраться сил,
Вы б дали мне за все ответ.
Откройте двери, люди, я ваш брат!
Ведь я ни в чем, ни в чем не виноват.

Судья: Мнение защиты?

Адвокат:

В каждой жизни есть стремление выше,
В каждом сердце радость есть и плач,
В воскресенье на эстраду вышел
Нищий и оборванный скрипач.

Судья: Адвокат, можно покороче? Мы все торопимся.
О чем вы ходатайствуете перед судом?

Адвокат:

А скрипач наигрывал на скрипке,
Строил горы человеческих мук.
И со стоном вырывались струны
Из его ошеломленных рук.

Судья: Адвокат, ваши доводы суду понятны. Давайте покороче. О чем вы просите?

Адвокат:

Отпусти и забудь
Этот мир из твоих грез.
Отпусти и забудь,
И не будет больше слез.

Судья: Исследуется поступивший с ходатайством материал.

Сохрани мое фото
На книжной полке,
Там я в старом пальто,
С сигаретой во рту.
Через миг взорвусь на осколки
И наполню собой пустоту.
Пустота, пустота, пустота...
Пустота, пустота, пустота...
Пустота, пустота, пустота...

Реплики, замечания имеются? Тогда суд удаляется в совещательную комнату.

Через 5 минут

Секретарь: Прошу всех встать!

Судья: Оглашается постановление. 21 июля. грод Мсква. Постановление. Настоящее уголовное дело возбуждено. Здержан. Обвинение. Ходво. Стражей. Обоснованно.

Para para pa di pa pa para pa

Pa pa para pa

Di pa pa para pa

Pa pa para pa

Ski bi di bi di do bar do bar

Do ba do bar

I'm a Scatman

Понятно участникам постановление?

Участники (хором): Более чем, ваша честь.

Гладиаторы

– Гладиаторы, я научил вас всему, что знал сам. Теперь вы настоящие мастера битвы. Идите и покажите публике настоящий бой. Я хочу увидеть красивую битву.

– Учитель, но ты же обещал дать нам оружие.

– Ах, да. Вот, держите.

– Но учитель, это всего лишь пластмассовая вилка с отломленными зубцами. Как же мы будем драться?

– Да, ученики. Это самый последний урок, который я вам преподаю. Гладиатор всегда вооружен только пластмассовой вилкой, а его противник владеет всем арсеналом холодного оружия: мечи, копья, топоры, палицы.

– Учитель, но как нам победить, если он так хорошо вооружен?

– Дух, ученики мои. Ваш противник слаб и жалок. Он всегда не готов к бою, у него нет тех знаний, что дал вам я. Ему все время хочется спать и убежать домой. Даже в бою. Он не знает всех ваших приемов и уловок. В душе он презирает свою работу, считая ее никчемной. А вы? Вы воюете за свободу, а значит, в сто крат сильнее.

– Чем же закончится этот бой?

– Вы проиграете.

– Проиграем? Но разве такое возможно, если наш противник так слаб, а мы столь сильны?

– Цезарь.

— Что Цезарь?

— Он всегда считает, что вы проиграли, или делает вид, что считает. Статистика неумолима: в 99 процентах случаев гладиатор проигрывает своему противнику. Цезарь всегда опускает свой палец вниз.

— Но почему Цезарь делает именно так?

— Я не знаю. Гладиатору не дано этого знать. Он никогда не станет Цезарем. Таков закон.

— Но что же будет, когда мы проиграем?

— Будет очень больно. Вы будете лежать без сил, вам никого не захочется видеть, вы будете долго болеть, и самые лучшие лекари не смогут вам помочь. Но потом, когда-нибудь, вам все равно захочется встать и вступить в новый бой. Потому что вы гладиаторы и ваша жизнь — поединок.

— Но зачем же драться, если все время проигрываешь?

— Это закон гладиатора. Ты не можешь изменить судьбу и всякий раз выходишь на арену, зная, что должен показать красивый бой, в конце которого — умереть.

— А публика?

— Публика будет любить вас и одновременно ненавидеть. Она будет рукоплескать вашим красивым приемам и смеяться над вашими поражениями. Она будет кидать в вас медяками, а некоторым, самым удачливым, достанутся даже золотые монеты. Но знайте одно: публика не может без вас, даже когда она злится или насмехается. Вы нужны публике. Гораздо больше, чем публика нужна вам.

— А бывают те, которые побеждают?

— Я слышал о них только в легендах, но гладиатор всегда должен стремиться к победе. Иначе зачем мы тогда живем?.. Битва — наш путь.

— Учитель, а ты когда-нибудь побеждал?

— Я побеждал дважды.

— И как это было?

— Это было как глоток воды в пустыне. Как звезда, упавшая тебе в руки. Как второе солнце, которое принадлежит только тебе. Когда Цезарь поднял свой палец вверх, я подумал, что родился заново.

— Но ты же говорил, что не знаешь гладиаторов, которые побеждали!

— Да. Потому что потом я все равно проиграл.

— Расскажешь?

— Пришел другой Цезарь и сказал, что я вел нечестную игру, а потому решение моего Цезаря ошибочное. Но я знал, что оно правильное. А потом был еще один бой. И я проиграл. Я был уничтожен, раздавлен. Мне больше не хотелось жить.

— Как же ты жил дальше с такой несправедливостью?

— Я не жил. Я умер и родился заново. У меня не было другого пути, кроме пути гладиатора.

— Что же сделала публика?

— Публика неистовствовала. Но Цезарь никогда не обращает внимания на публику. Он обращает внимание только на другого Цезаря. А на кого обращает внимание другой Цезарь, ведомо только другому Цезарю.

— А как ты победил и проиграл во второй раз?

— Я не хочу рассказывать про второй раз, потому что мне до сих пор больно от того поражения. После него я перестал участвовать в гладиаторских боях, а только обучаю молодых гладиаторов, передавая им все, что знаю сам.

— Но если Цезарь так несправедлив, то почему мы не можем его свергнуть? Почему мы должны подчиняться его решениям?

— СвERGать Цезаря — удел публики, а закон гладиатора гласит, что вы делаете свою работу при любом Цезаре и любой публике. В этом смысл. Вы выходите на арену и показываете красивый бой за те медяки или золотые, которые вам платят. За деньги публики вы должны умереть, но это должна быть такая смерть, которая запомнится вашему противнику навсегда. А когда Цезарь к вам несправедлив, вы все равно приветствуете его приветствием гладиатора в надежде, что он когда-нибудь поднимет большой палец вверх.

— А нельзя нам хотя бы спрятать за пазухой пару золотых, а потом незаметно сунуть их Цезарю в надежде на его милость?

— Такие гладиаторы тоже есть, и многие отступники сейчас поступают именно так. Но это нечестная игра, и этих людей никто не уважает. Даже Цезарь, которому они суют свои грязные золотые. Я учу вас честному бою, без запрещенных приемов, поэтому говорю вам, что это неприемлемо и противоречит пути гладиатора.

— Да, учитель.

— Идите же и покажите мне красивую битву. Такую битву, чтобы публика рыдала, когда вы умрете, а о вашем поединке слагались песни. И если хотя бы одному из вас удастся выиграть, значит, и я выиграю вместе с ним. Потому что это будет означать, что моя жизнь гладиатора тоже прожита не зря.

— Да, учитель. Мы готовы, учитель.

.....

— У участников судебного разбирательства будут заявления или ходатайства до начала процесса?

— Идущие на смерть приветствуют тебя!

— Адвокат, с вами все нормально?

— Прошу прощения, ваша честь. Мне кажется, я немного задремал, когда вы разъясняли подсудимому права. Извините. В зале очень жарко.

Дома и отели

Темным пятничным декабрьским вечером два пожилых помощника прокурора сидели за скудным столом, накрытым в помещении одной из скромных районных прокуратур, и занимались тем, чем после работы в России обычно занимается большинство мужчин. Прокуроры пили водку. Стол был действительно скуден: две бутылки водки — одна пустая, другая початая; практически нетронутая бутылка дешевой газированной «запивки», пара кругляшей колбасы, немного сыра, черный хлеб, пачка отечественных сигарет и пепельница в виде полукруглого черепа. Это был обычный районный прокурорский кабинет. Обычная прокурорская выпивка и закуска.

Разговоры тоже были обычными. Работа, женщины, опять работа. Новый заместитель прокурора — подлец и интриган. Надменный зональный, замучивший постоянными срочными заданиями и подведением итогов. Начальника ОВД приняли на взятке. Так ему и надо, гаду. Машка-старпом вчера напилась и на столе в кабинете танцевала. Хорошая девчонка, но зря с ментом связалась. Денег до зарплаты не хватает. Зубы надо вставить, но денег нет. Уволиться бы. Да кому мы нужны. На той неделе старый друг заезжал, вместе начинали. Вроде ничего пристроился. Я так не смогу. Стар стал.

К концу второй бутылки разговор, однако, как водится в России, принял более серьезный оборот. Начали с роста цен и политики. Поговорили про Крым и Сирию. Решили, что надо было присоединять Вашингтон. Выпили за это. Тот, что помоложе, вспомнил, что в газете «Коммерсант», которую он каждое утро тайком бесплатно брал в кафе возле дома, было письмо генерального прокурора, в котором чиновник оправдывался за какой-то отель в Греции. Тот, что постарше, ничего об этом не знал. Градус дискуссии был уже так высок, что требовал срочного проведения расследования. Вскрыли кабинет шефа. С грехом пополам зашли в Интернет. Прочитали. Узнали, что есть какой-то Н-й. Еще раз прочитали. Узнали, что в Генеральной прокуратуре есть заместитель прокурора, у которого бывшая жена якобы миллионер, дети живут в элитных квартирах, а внук летает на частном самолете. Полезли искать, сколько стоят элитные квартиры. Узнали. Поскребли в кошельке остатки наличности, сбегали в магазин еще за бутылкой. Продолжили проведение расследования путем дальнейшего изучения Интернета. Прочитали, что родственник генерального прокурора владеет отелем в Греции и проживает в Швейцарии. Стали считать, за сколько лет они могут купить хотя бы комнату в таком отеле. На 823 году сбились. В пьяном угаре взломали шкаф в кабинете заместителя прокурора, достали и распили бутылку армянского коньяка. Опять рассматривали дома родственников заместителя генерального прокурора. Более пожилой предложил срочно возбудить уголовное дело. Чокнулись. Вспомнили, что полномочия по возбуждению дел у прокуратуры давно отобрали. Обозвали всех депутатов бранным словом.

Вновь читали расследование Навального. Один сказал, что это позор и работать в такой прокуратуре нельзя. Другой сказал, что с этим надо что-то делать. Думали брать штурмом виллу в Швейцарии, но вспомнили, что у них нет загранпаспортов и денег на авиабилеты. Один сказал, что этот позор надо как-то заканчивать, что он с 1982 года в системе и ему больно на это смотреть. Другой сказал, что он с 1987 года, но ему тоже больно и стыдно. Предложил публично застрелиться, написав предсмертную записку. Второй снова сбегал в кабинет зама, вытащил из взломанного шкафа еще одну бутылку коньяка и сказал: «Я готов». Взяли бланк районной прокуратуры, написали на нем ручкой: «Не можем пережить позора прокуратуры, уходим из жизни». Скотчем приклеили бланк с надписью к двери кабинета шефа. Прямо из горлышка в два глотка распили бутылку коньяка. Тот, что в прокуратуре с 1982 года, сходил к себе в кабинет, достал из сейфа наградной пистолет, вернулся и выстрелил себе в голову. Тот, что в прокуратуре с 1987-го, разомкнул пальцы правой руки товарища, зачем-то обтер пистолет о старый пиджак, немного подумал и тоже выстрелил себе в голову.

Через два дня на общем собрании областной прокуратуры генеральный прокурор обвел суровым взглядом грустно молчавший зал, поправил очки, стер со щеки слезу и произнес: «Коллеги. Мы собрались здесь, чтобы проститься с нашими боевыми товарищами, настоящими прокурорами. Они ушли из жизни, как бойцы, прямо на своем рабочем месте, не выдержав муки позора. Я гарантирую вам, коллеги. Нет, я даю слово прокурора, что наши товарищи не останутся без отмщения. Те люди, нет,

те нелюди, которые облили нашу прокуратуру грязью, глумились над нашей работой по защите законности, дискредитировали наши достижения, должны быть и будут наказаны. Я говорю о них, агентах иностранных разведок, прислужниках Запада, потерявших человеческое обличье, неоднократно судимых зверях. Я уже говорил по этому поводу с руководителями всех правоохранительных органов страны и нашел у них полное понимание. В это непростое для страны и прокуратуры время мы забудем все былые противоречия и сомкнем свои ряды единым кулаком закона. Сегодня же, я повторяю – сегодня же в отношении этих людишек будет возбуждено уголовное дело в связи с доведением наших товарищей до самоубийства путем публикации порочащих сведений в сети Интернет. Прокурор области, я поручаю вам координацию работы по этому и другим уголовным делам в отношении данных диссидентов. Настаивайте на применении к ним самой суровой меры пресечения. Прокурорский надзор по делу должен носить наступательный и жесткий характер. Спите спокойно, дорогие коллеги. Ваш подвиг останется в веках».

Он вновь недобро сверкнул очками и обвел взглядом зал. В зале стояла гробовая тишина. Все прокуроры смотрели в экраны своих смартфонов и что-то читали. На экранах были загружены фотографии каких-то домов, квартир и отелей.

Роботы

2022 год. В Следственном комитете введены первые следователи-роботы, запрограммированные на качественное, полное, объективное и всестороннее расследование уголовных дел, о чем торжественно объявлено на годовой коллегии.

Адвокат: Здравствуйте!

Следователь: Здравствуйте!

Адвокат: У меня ходатайство.

Следователь: Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел.

Адвокат: Но в УПК написано, что я могу заявить ходатайство на любой стадии производства по делу. Я желаю сдать его лично вам под расписку.

Следователь: Не положено.

Адвокат: Но почему не положено-то?

Следователь: Все ходатайства подаются в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Повторяю – в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел.

Адвокат: Ну хорошо, я опущу. Но я хотел узнать, почему вы не даете жене моего подзащитного свидание.

Следователь: Не положено.

Адвокат: Почему не положено?

Следователь: Вину не признает. Вину не признает. Вину не признает.

Адвокат: А в УПК разве сказано, что для этого должен признать вину?

Следователь: УПК! Неизвестная субстанция. Неизвестная субстанция. Сбой программы. Мне надо проконсультироваться с руководством для ввода новой программы.

Выходит из кабинета. Возвращается через полтора часа.

Адвокат: Вы про меня не забыли? Где вы так долго были?

Следователь: Согласовывал с руководством, согласовывал с руководством.

Адвокат: Ну и что там со свиданием?

Следователь: Не положено.

Адвокат: Да почему не положено-то?

Следователь: Руководством не согласовано. Без согласования с руководством гербовая печать не ставится.

Адвокат: Куда не ставится?

Следователь: Никуда не ставится.

Адвокат: А причем здесь печать?

Следователь: Печать у руководства хранится.

Адвокат: Ну и пусть хранится. Вы разрешение дайте.

Следователь: Не положено. Руководством не согласовано.

Адвокат: Так вы же по УПК самостоятельное и процессуально независимое лицо!

Следователь: УПК! Сбой программы. Мне надо проконсультироваться с руководством для ввода новой программы.

Порывается выйти из кабинета.

Адвокат: Подождите, не надо к руководству. Вопрос снимается.

Следователь: Работа продолжена в штатном режиме.

Адвокат: Вы дело незаконно расследуете, оно возбуждено безосновательно и доказательств никаких нет.

Следователь: Расследование проводится полно, всесторонне, уполномоченным на то лицом в целях установления объективной истины. Случаев нарушения действующего законодательства со стороны лица, производящего расследование, не выявлено. Доказательства по делу проверены уполномоченным на то прокурором и сомнений не вызывают.

Адвокат: Тогда скажите: почему так долго расследуете дело?

Следователь: Вину не признает. Вину не признает. Вину не признает.

Адвокат: Ну а расследуете почему долго?

Следователь: Программа расследования без признания вины руководством не введена. Программа расследования без признания вины руководством не введена.

Адвокат: Так пусть введут! Как же так?!?! Нет программы – прекращайте дело!

Следователь: Программа прекращения дел также не введена.

Адвокат: Какой debil все эти программы придумывает?!

Следователь: Все жалобы, заявления, обращения подавайте в ящик приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел.

Адвокат: Я не хочу жалобу. Я хочу узнать ваше мнение по этому вопросу.

Следователь: Мнение отсутствует. Мнение отсутствует. Мнение отсутствует.

Адвокат: А как же вы дела расследуете, если мнение отсутствует?

Следователь: Программа расследования дел введена руководством по четкому алгоритму: возбуждение – задержание – мера пресечения – обвинение – суд – приговор.

Адвокат: Но алгоритм может давать сбои. Все дела разные.

Следователь: Мнение отсутствует. Все жалобы, заявления, обращения подавайте в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Адресуйте жалобу руководителю.

Адвокат: Хорошо. Можно поговорить с вашим руководителем?

Следователь: Руководитель принимает каждый первый понедельник месяца с 14 до 16 часов в кабинете №1.

Адвокат: Как раз понедельник, 15 часов. Пройду в кабинет к руководителю.

Следователь: Всего вам доброго и хорошего дня! Мы были рады уделить вам внимание. Если у вас возникли претензии по качеству сервиса, опустите жалобу в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел.

Адвокат проходит в кабинет к руководителю.

Адвокат: Здравствуйте!

Руководитель: Здравствуйте! Рад приветствовать вас в нашем отделе. Чем могу вам помочь?

Адвокат: У меня следователь ходатайство не принимает.

Руководитель: Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел. Опустите в ящик для приема жалоб и обращений на входе в следственный отдел.

Адвокат: Вы что, все сговорились, что ли, здесь?

Руководитель: Рад приветствовать вас в нашем отделе. Чем могу вам помочь?

Адвокат: У вас следователь умственно отсталый какой-то. Дело расследует уже 8 месяцев, а человек под стражей. И ни одного доказательства в деле нет. А еще признание вины все время требует.

Руководитель: Расследование проводится полно, всесторонне, уполномоченным на то лицом в целях установления объективной истины. Случаев нарушения действующего законодательства со стороны лица, производящего расследование, не выявлено. Ход расследования контролируется. Еще вопросы, пожелания, предложения имеются? Мне очень приятно, что вы посетили наш отдел.

Адвокат: Точно сговорились все. Железяки, блин, тупые.

Руководитель: Тревога, тревога! Совершенно преступление. Гражданин оскорбил руководителя следственного органа – работа при исполнении служебных обязанностей. Статья 319.1 УК РФ. До 7 лет лишения свободы. Вызовите дежурного следователя!

Адвокат: Какая статья? Нет такой статьи в Уголовном кодексе!

Руководитель: Тревога, тревога! Совершенно еще одно преступление. Гражданин отрицает существование уголовной ответственности за оскорбление руководителя следственного органа – работа при исполнении служебных обязанностей. Статья 322.4 УК РФ. До 12 лет лишения свободы. Пришлите подкрепление! Преступник агрессивен и особо опасен!

Адвокат: Какой я вам преступник?! Я адвокат! Я пришел подать следователю ходатайство, а у меня его не принимают.

Руководитель: Тревога, тревога! Преступник отрицает совершение им преступления, в котором был изобличен руководителем следственного органа при исполнении своих служебных обязанностей. Тем самым преступник совершает особо тяжкое преступление, предусмотренное статьей 211.3 УК РФ. До 20 лет лишения свободы. Пришлите вооруженное подкрепление из числа бойцов спецподразделения «Гадюка».

Этим же вечером в суде.

Адвокат: Ваша честь, я же говорю – я хотел подать ходатайство. У меня его не принимали. Там не люди, там роботы. Они нормальных людей даже слушать не хотят.

Судья: У вас все?

Адвокат: Я вроде все сказал, прошу не помещать меня под стражу.

Судья: Ходатайство заявлено уполномоченным на то лицом в установленном законом порядке, нарушений порядка возбуждения уголовного дела и задержания подозреваемого не имеется, а потому ходатайство следователя подлежит удовлетворению.

Адвокат: Да что же это такое?! Я буду жаловаться в вышестоящие инстанции!

Судья: Жалобу вы можете подать в ящик для приема жалоб и обращений на входе в суд. Кроме того, у нас в настоящее время действует служба скоростного приема и рассмотрения интернет-обращений. Всего вам доброго и хорошего дня! Мы были рады уделить вам внимание!

Волшебник

Важный мужчина, одетый в пиджак и галстук, с угрюмым видом наблюдал в иллюминатор самолета, как стремительно приближаются огни посадочной полосы. Самолет снижался. Мужчина не любил летать в самолетах, а особенно не любил взлеты и посадки. В эти минуты у него почему-то сильно закладывало уши и начинала болеть голова. Важный мужчина сильно устал, был голоден и раздражен. Многие мужчины раздражены, когда устали или голодны, а этот был самым обычным мужчиной и так же, как и многие обычные мужчины, сердился, когда уставал или был голоден. Сегодня у важного мужчины был трудный день. Он рано встал, вылетел на самолете в другой город, где сразу же поехал в большое серое здание, в котором с многозначительным видом объяснял что-то таким же серьезным мужчинам и женщинам, смотревшим на него надменно и даже несколько сердито. Потратив на этих сердитых людей целый день и так и не поняв, достигли ли его слова нужной цели, мужчина вечером вылетел обратно домой. Уже на следующий день рано утром ему надо было ехать на встречу с другими сердитыми и неприятными людьми, чтобы опять весь день что-то объяснять, показывать какие-то умные бумаги, делая важный вид. Общаться с этими людьми, не все из которых были ему приятны, мужчине не хотелось, но

это было его работой. А ею он гордился и считал очень важной. Мужчина был юристом, и иногда, когда он не был особенно уставшим или голодным, ему казалось, что он не самый плохой юрист в этом мире. Наверное, он и правда был неплохим юристом, потому что сердитые мужчины и женщины время от времени все-таки с ним соглашались, и тогда он был очень доволен собой и еще больше гордился своей работой.

...Наконец самолет приземлился, и важный мужчина смог немного расслабиться. Он включил телефон и недовольно поморщился. На экране тут же высветились сведения о трех пропущенных звонках, нескольких электронных письмах и одном сообщении. Мужчина знал, что это сообщение от мамы одного мальчика, которого он очень любил. Маму мальчика он тоже очень любил, но иногда сердился на нее, когда уставал или был голоден. Он был самым обычным мужчиной и поэтому сердился на других людей, когда уставал или был голоден. Мама мальчика была для него очень близка, а обычным людям свойственно сердиться на самых близких. Потом ему всегда было очень стыдно за свою сердитость, но всякий раз он не мог ничего с собой поделать. Сейчас он немного рассердился на маму мальчика, потому что подумал, что она попросит заехать в ночной магазин за хлебом или даст ему какое-то другое незначительное домашнее поручение. Он не хотел исполнять никакие незначительные домашние поручения, так как устал и думал только о том, чтобы поскорее приехать домой и лечь спать. Мужчина не стал читать сообщение мамы мальчика, решив, что прочтает его самым последним, когда ответит на все звонки и письма по работе.

Уже в машине, отъезжая от аэропорта, он, вспомнив об этом сообщении, все-таки открыл и прочитал его. Мама мальчика писала, что у мальчика сегодня выпал первый зуб. Мальчик положил его в коробочку возле кровати и мечтает о том, чтобы ночью прилетел зубной волшебник с монеткой, которая принесет ему счастье. Важный мужчина уже давно не верил в волшебников. Каждый день ему приходилось общаться с разными людьми, и он знал, что люди бывают хорошими и нехорошими и что они сами приносят себе и другим счастье и несчастье, а никакие не волшебники. Тем не менее от новости, которую прислала ему мама мальчика, мужчина вдруг забыл об усталости и голоде, и ему стало так тепло на сердце, что он внезапно безо всякой волшебной палочки взял и превратился в зубного волшебника.

Зубной волшебник первым делом осмотрел кошелек, который достался ему от важного мужчины. В кошельке было много разных бумажек, но ни одной монетки в нем волшебнику найти так и не удалось. Тогда волшебник забежал в ближайший ночной магазин и попросил обменять одну большую бумажку из кошелька на сто маленьких монеток. Мальчик мечтал всего об одной маленькой монетке, но волшебнику было некогда об этом думать. Он так торопился сделать чудо, что решил купить сто маленьких монеток. На это продавец сердито ответил ему, что не может найти столько монеток и что никаких волшебников давно не существует. Его это не смутило, ведь он был волшебником, который не должен останавливаться ни перед какими преградами. Он попросил продавца продать ему одну маленькую монету за одну большую бумажку из кошелька. Но и тут уставший и

голодный продавец ответил, что не может этого сделать, потому что не положено просто так обменивать большие бумажки на маленькие монетки. Тогда волшебник просто взял и купил на все деньги, которые были в кошельке у важного мужчины, пятьсот порций разного вкусного мороженого и одну маленькую монетку.

Волшебник тихонько открыл ключом важного мужчины дверь в квартиру, где спали мальчик и его мама, на цыпочках пробрался в детскую комнату, подошел к кровати и увидел коробочку с маленьким белым зубиком. Он был так неловок, этот волшебник, что казалось, мальчик что-то почувствовал. Мальчик беспокойно заворочался, и волшебник в ужасе затаил дыхание и сделался таким маленьким и незаметным, каким только может сделаться волшебник его возраста и габаритов. Внезапно мальчик чему-то улыбнулся во сне, повернулся на другой бок и мирно засопел. Волшебник довольно выдохнул, положил монетку в коробочку рядом с зубом, а потом еще долго смотрел на мальчика и улыбался. Он не думал, что когда-то ему снова надо будет становиться важным мужчиной, говорить серьезные слова сердитым мужчинам и женщинам, показывать им умные документы, куда-то спешить и о чем-то волноваться. Он просто был волшебником, который только что сделал маленькое, но очень важное для мальчика чудо и которому было от этого хорошо. Вдоволь насмотревшись на мальчика, волшебник поцеловал его в лоб, почистил зубы, лег в кровать, где тихонько спала мама мальчика, обнял ее и тут же заснул.

На следующий день важный мужчина проснулся ранним утром от противного звонка будильника, быстро позавтракал, надел костюм и галстук и поехал на работу,

где его уже ждали сердитые дяди и тети, которым он с важным видом должен был говорить серьезные слова и показывать какие-то умные документы, убеждая в своей правоте. У него опять был трудный день и он опять сильно устал. Но сегодня он знал, что дома его ждет один мальчик, и ребенок будет торопливо, с восторгом рассказывать, что ночью к нему прилетал зубной волшебник и принес монетку. И он будет смотреть на монетку, на зуб в коробке, на смешную дырку в улыбающемся рту и будет просто счастлив. Счастлив – безо всяких серьезных слов, умных документов и важных мужчин и женщин, которых он так хотел убедить в своей правоте. И мальчик будет счастлив. И мама мальчика будет тоже хохотать вместе с ними и тоже будет счастлива. А еще он теперь, как и мальчик, снова верил, что волшебники существуют, потому что сам видел и знал одного из них.

Содержание

Менты	3
Ночь с пятницы на субботу	7
Саша-адвокат	11
Почти по Зощенко	14
Дневник следователя	17
Заяц	28
Осмотр в феврале	32
Преюдиция	35
Зуев на букву Х	40
Приговор	43
Лучшее дело Николая Антоновича	48
Сон прокурора	53
Еще жив	57
Вестник горя	62
Перри Мейсон	65
Падальщик	71
По цепочке	76
Собака	81

Горячие бедра.....	87
День рождения.....	94
Результаты труда.....	99
Аттикус Финч.....	105
Плевок.....	112
Меркантильный «кю».....	118
Сказка.....	126
Торговля статистикой.....	134
Рыбки.....	139
Профессор.....	146
Проблема.....	153
Вишневый пирог.....	161
Любовь Паучихи.....	169
Колобок.....	177
Студенческий до Красноармейска.....	183
Самый сексуальный адвокат.....	192
Самый сексуальный адвокат – 2.....	200
Крепостные.....	207
«Офицеры».....	214
Ташкент.....	221
Возле Бутырки.....	230
Разговор со следователем.....	232
Разговор с начальником следственного отдела.....	234

Серьезный разговор.....	239
Васильева.....	243
Покровитель правоохранительного органа.....	245
Не взяли.....	251
Хорошего дня!.....	254
Мангуст.....	257
Мантия.....	262
Темная сторона.....	267
Последний джедай.....	272
Девушка.....	275
Суд идет.....	279
Гладиаторы.....	283
Дома и отели.....	288
Роботы.....	292
Волшебник.....	298

Литературно-художественное издание

Андрей Гривцов

Уголовно-правовые хроники

Художник – *Игорь Панкин*
Редактор – *Ольга Баранова*

Сдано в набор 09.08.2017.
Гарнитура «Liberation Serif».
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экземпляров. Заказ № 136.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.
Тел. 8 495 510-32-98
www.maska.su, info@maska.su

